

Вера КАТША

ДОВОД КОРОЛЕЙ

Хроники Арци

Хроники Арции

Вера Камша
Довод Королей

«Автор»

2002

Камша В. В.

Довод Королей / В. В. Камша — «Автор», 2002 — (Хроники Арции)

ISBN 5-699-01463-2

На троне Империи – Филипп Тагэре, слабый и неумный правитель, не способный справиться как со своими страстями, так и с притязаниями придворных. Арцию давно бы уже захлестнула гражданская война, если бы не его брат – Александр Эстре, маленький горбун, взявший на себя ответственность за судьбу страны. «Верность обязывает» – его девиз, и потому, не претендуя на трон, последний из прямых потомков Арроев удерживает Арцию, а вместе с ней и всю Тарру от катастрофы. Но время, о котором говорилось в Пророчестве, неотвратимо. Темная магия орденов усиливается, предательства совершаются, а самые лучшие и близкие переходят в стан врагов. И Эстель Оскора уже готова подняться над горизонтом.

ISBN 5-699-01463-2

© Камша В. В., 2002

© Автор, 2002

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	5
КНИГА ПЕРВАЯ	12
ПРОЛОГ	12
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	62
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	111
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Вера Камша

Довод королей

ВСТУПЛЕНИЕ

*Памяти Ричарда Третьего Йорка,
последнего из Плантагенетов*

*Автор благодарит за помощь
Майку Гончарова, Александра Домогарова, Юрия Нерсесова, Илью
Снопченко,
Артема Хачатурянца.*

*Все проходит, и только время
Остается, как прежде, мстящим.
И глухое темное бремя
Продолжает жить настоящим.
Н.Гумилев*

Заброшенные дороги исчезают быстро – земля не любит проплешин, оставленных коваными копытами да грубыми колесами. Достаточно года, чтобы покинутый тракт захватили самые неприхотливые травы, следом наступают другие, попривередливей, затем – кусты и наконец деревья. Проходит не так уж много времени, и вместо торного пути встает непролазная чаща, но Старая Эландская дорога не зарастала, словно кто-то ласково, но непреклонно останавливал зеленую армию на ее обочине. Да, за переправой через Глухарину¹ постепенно исчезли сначала деревни, а потом и лесные хутора, но сам тракт уцелел, хотя ездили и ходили по нему очень, очень редко. Однако в погожий и ясный осенний день 2246 года² по Старой Эландской двигалась внушительная процессия, возглавляемая двумя знатными всадниками.

Сухощавый, еще не старый человек, по виду – прирожденный воин и вождь, чуть улыбаясь, слушал широкоплечего юношу с прямыми иссиня-черными волосами, стянутыми на затылке. Тот довольно ловко управлялся с крупным серым жеребцом, хотя в его посадке чувствовалась не то чтобы неуверенность, но некоторая напряженность. В отличие от своего спутника, юноша не забывал, что под ним норовистое создание, от которого можно ожидать любых неожиданностей. Вот старшему, тому и в голову бы не пришло, что конь может не подчиниться, а черноногому дрыганту³ и в страшном сне не приснилось бы послушаться господина. Впрочем, власть великого герцога Таяны и Тарски Шандера Гардани признавали не только животные. В Благодатных землях⁴ было не много желающих с ним спорить и тем паче соревноваться в благородном искусстве верховой езды и умении управляться со шпагой и пистоллями. Но на сей раз таянцу вряд ли доведется проявить свои таланты – места, по которым пробирался отряд, считаются мирными. Тем не менее за Гардани и его юным спутником следовал внушительный эскорт – две сотни всадников в черных, отделанных серебром доломанах, все, как один, на

¹ Один из притоков Рысьвы.

² В Благодатных землях принято летоисчисление от Великого Исхода. (Далее В.И.)

³ Распространенная в Таяне порода лошадей, приспособленная к перемещению по лесам и болотам. Дрыганты обладают мощной, плавной иноходью, при необходимости передвигаются большими оленьими прыжками.

⁴ Изначально земли, заселенные людьми. После 2613 это название стало относиться лишь к государствам, «осиянным светом Церкви Единой и Единственной».

великолепных, пятнистых лошадях, и сотни четыре пеших, высоченных и широкоплечих, в странных кожаных доспехах.

Мерная поступь привыкших к походному строю коней и бряцанье оружия нарушали гармонию лесной глухомани. Видимо, юноша это почувствовал, так как, прервав на полуслове восторженный рассказ о медвежьей охоте, заметил, что не стоило брать с собой столько воинов.

– Если думать о них, как об охране, то ты прав, – откликнулся герцог, – но не дело, если смертные забудут, кому и чем обязаны. Нужно время от времени показывать людям то, о чем они смогут рассказывать долгими зимними вечерами. Память может мучить одного человека, но она спасает народы, хотя тебе это еще предстоит понять.

– Отчего же, дядя Шандер, – огромные зеленые глаза, странно выглядевшие на смуглом лице гоблина, на мгновенье затуманились, – мне кажется, я понимаю. Я почти всегда тебя понимаю, и... Я очень рад, что ты позволил мне поехать.

– А я рад, что ты рад, – усмехнулся Гардани. – А вообще-то, Стефко, ты прав. Мы с тобой и впрямь понимаем друг друга. До тебя я так ладил лишь с двоими.

– Брат моей матери и пропавший император?

– Да. Никак в толк не возьму, откуда в тебе то, что приходит лишь с годами, то ли кровь свое берет, то ли еще что... Отец не возражал, что я взял тебя с собой?

– Нет, что ты. Он не любит Варху, но понимает, что я должен там побывать. Дядя Шандер, мне даже не верится, что я вечером увижу Синюю Стену! Криза говорит, красивее ничего нет и быть не может.

– Твоя мачеха всегда любила все необычное, – суровое лицо Шандера неожиданно смягчилось, – особенно если это необычное идет от эльфов. Стена и впрямь хороша, но если б я мог обменять свою жизнь на возможность погасить Лебединый Огонь, я бы сделал это без колебаний. И не я один. Ты ведь знаешь, почему он горит?

– Конечно, – тряхнул головой Стефан, – чтобы заключенное в Вархе зло не вырвалось наружу. Кольцо Вархи будет пылать вечно.

– Ну, это смотря что называть вечностью! Мы смертны, для нас вечность это то, что в несколько раз длинней наших жизней. Не более того. Эльфы знают о Вечности больше, и они не любят бросаться этим словом.

Те, кто засел в Вархе, ждут своего часа. Сейчас им не под силу вырваться наружу, но их время еще наступит. Не скоро, конечно, но от этого не легче.

– Я помню пророчество Эрика, – заявил юноша, явно гордясь знанием, тайным для большинства смертных. – Отец рассказал мне в праздник Зимней Ночи. Но он говорит, что к этому сроку вернутся те, кто должен сразиться со злом.

– Хотел бы я, чтобы Уррик был прав, – герцог говорил негромко и медленно, даже не говорил, а словно бы думал вслух, – но я помню канун Войны Оленя... Когда вокруг стреляют пушки и звенят мечи, не так уж и страшно. Куда хуже ожидание, когда понимаешь, что мир несется к пропасти, а ты ничего не можешь с этим поделать. Любую войну можно проиграть еще до начала. Если б не Рене и Роман, нас бы не было уже сейчас. Но найдется ли новый Рене среди наших потомков?

– Наших?

– А чьих же еще, Стефко. Твой отец упрямо не желает называться королем Южного Корбута, но это не значит, что он таковым не является. Ты – его старший сын и наследник. Тебе придется не только править, но и царствовать, а, значит, думать и о том, что будет через триста, четыреста, пятьсот лет... Мы не вправе прятаться за спинами эльфов, да и зло Вархи не последнее в этом мире. – Шандер замолчал, глядя куда-то вдаль. Стефан ему не мешал. Он всегда чувствовал, когда можно и нужно спрашивать, а когда следует оставить собеседника со своими мыслями. Ну а герцог Таянский, муж матери и побратим отца, сдержанный и обычно немногословный человек, был ему намного ближе, чем кровные родичи.

Порой юноше казалось, что он знал Шандера всегда, хотя встретились они, когда наследнику Уррика минуло двенадцать и отец взял его с собой в Гелань, открыв по дороге, что он, Стефан пад Уррик, – наполовину человек и к тому же сын таянской герцогини, хотя это и должно остаться тайной. Известие отнюдь не повергло Стефко в ужас, как того боялись его горные родичи. Напротив, мальчику показалось, что все встало на свои места. Теперь он знал, почему чувствует и думает не совсем так, как орки. Ему, чтобы подчиниться, недостаточно слов «так надо», сказанных старшим, а рассказы об Изначальных Созидателях порождают больше вопросов, чем ответов.

Получеловек, Стефан рос среди гоблинов Южного Корбута. Рожденный рыжим, с годами он потемнел и отличался от горцев разве что глазами, как две капли воды напоминавшими глаза дяди по матери, принца Стефана Ямбора. Впрочем, южане и раньше не слишком чурались людей, а после Войны Оленя и вовсе пришли к выводу, что с соседями следует жить в дружбе. Они смирились даже с присутствием эльфов. Суровые, но предельно честные, орки простили Детям Звезд былые обиды за бесценную помощь в борьбе с бледным злом.

Для отца, деда, братьев, сестер мир был прост и понятен, для Стефана – нет, но сын гоблина и таянской принцессы быстро понял, что его вопросы огорчают близких. Сына Уррика с одобрением прозвали Молчаливым, но он казался таковым лишь потому, что не находил подходящих собеседников. Зачем спрашивать у слепого, какого цвета радуга? В Таяне же Стефко обрел то, чего ему не хватало в родных горах, но самой главной его удачей и гордостью стала дружба герцога. Нельзя сказать, чтобы мальчик не поладил со своей матерью, но близости между ними не случилось, зато отчим... Стефан пад Уррик обожал Шандера Гардани. Именно от него он узнал о зачарованной крепости, которую он скоро увидит. Он увидит Пламенное Кольцо Вархи и зажегших его эльфов!

Странно, похоже, они опять подумали об одном и том же. Таянский властелин очнулся от своих мыслей и повернулся к спутнику, улыбнувшись темными глазами.

– Думаю, за тем холмом нас ждут.

– Дядя Шандер, а сколько их?

– Эльфов? Здесь около трех сотен.

– А бледных, кто...

– Кто сидит в Вархе? Не знаю, да, пожалуй, и никто не знает. Я бы не стал забивать этим голову. Наше дело – оставшиеся снаружи. Колдовство колдовством, но Михай и его приспешники и оружием владели неплохо, и ядом, и словами, а слова порой хуже любого яда. Случалось, один подонок губил целую империю, а те, с кем рано или поздно придется схлестнуться, перетянут на свою сторону не только всех подлецов Тарры, но и всех трусов и предателей. Начнется то же, что восемнадцать лет назад, если не хуже. Боюсь, Стефко, встречать восход трех звезд⁵ будет невесело.

– Но дети Инты⁶, они ведь успеют?

– Они придут так быстро, как смогут, а успеют ли, зависит от нас. О, вот и эльфы...

Выехавшие из леса казались ожившей сказкой. Слишком длинные и слишком роскошные гривы коней, слишком правильные лица всадников, слишком чистые и нежные краски их одеяний...

Сын и наследник Уррика пад Роке впервые в своей жизни видел Детей Звезд, хотя знал о них предостаточно, главным образом со слов мачехи. Рассказы Кризы о Войне Оленя и походе к Седому полю⁷ юноша готов был слушать бесконечно. Большинство горцев до сих пор почитали эльфов уродливыми, но извечная ненависть двух рас растаяла, как дым. Зато с северными

⁵ Речь идет о так называемом «Пророчестве Эрика».

⁶ Так орки называют потомков Инты, Линеты, возлюбленной сына Омма, главы первых богов Тарры.

⁷ Об этом подробно рассказывается во второй из хроник Арции.

соплеменниками, так и не освободившимися от власти Белых жрецов⁸, отношения складывались все хуже и хуже. Те, кто отвергал ройгианцев, бежали на юг, унося с собой обиды, страх и жажду мщения. Северянин по рождению, хоть и ставший правителем Юга, Уррик хорошо знал своих бывших земляков и понимал, что войны не избежать, и деятельно к ней готовился.

Южан было меньше, и они не были искусшены в военном деле, но лучшие воины Севера сгинули в волнах Сельдяного моря, к тому же Уррик был не одинок. Шандер Гардани обещал побратиму любую помощь, а обосновавшиеся в окрестности Вархи эльфы заверили, что, если ройгианцы пустят в ход магию, Дети Звезд вступят в бой. Однако договоренность вождей для подданных еще не все. Подданные хотят увидеть зрелище, о котором можно рассказать детям и внукам. И поэтому Шандер Гардани с пасынком-полугоблином был встречен эльфами не как старый друг, но как высокий гость.

Только после эффектных церемоний повелитель Лебедей Эмзар Снежное Крыло смог уединиться для беседы со старым другом, предоставив людей и орков эльфийскому гостеприимству. В лесу прямо под цветущими деревьями затеялся немалый пир, но Стефан прежде всего хотел увидеть Стену. Гардани, поймав умоляющий и вместе с тем упрямый взгляд юноши, что-то шепнул Эмзару, после чего двое эльфов предложили провести гостя к Вархе.

Сын Уррика давно мечтал увидеть Лебединый Огонь, но даже в снах, которые он, в отличие от своих гоблинских родичей, видел почти каждую ночь, ему не являлось ничего подобного. К багровеющему закатному небу рвалось ясно-синее пламя, достигая вершин самых высоких деревьев. Языки огня сливались в сплошную стену, от которой то и дело отрывались причудливо изогнутые лепестки, похожие на щупальца морского лилиона, виденного Стефаном в одной из книг библиотеки Высокого Замка. Жара не ощущалась, наоборот, от магического пламени веяло той тревожной свежестью, что разливается в воздухе после грозы.

В праздник Последней Зимней Ночи в Корбутских горах тоже вспыхивали волшебные огни, но они отличались от пламени Вархи, как отличается домашний кот от горной рыси. Пламя Созидателей было лишь пламенем, гаснущим с рассветом, а здесь высилась стена, непреодолимая для тяжелого древнего колдовства. За синим, холодным огнем таилась Варха, крепость, захваченная адептами Ройгу. Стефан знал, что на исходе Войны Оленя здесь произошло что-то жуткое, а потом пришли эльфы и остановили начавшее растекаться по земле зло. Варха стала таким же порченным местом, как и то, что видел за горами Роман Ясный, и только вмешательство могучего мага, пожертвовавшего собой, спасло от подобной участи священную для орков Ночную Обитель.

Эльфы не пытались уничтожить источник заразы, это, судя по всему, было им не по силам. Поддержание огня требовало всей магической мощи клана, но Лебедам и в голову не приходило уйти. Это была их стража, и это был их бой. Умом Стефан понимал, что Кольцо Вархи – единственная преграда на пути смертельной угрозы, но сердце невольно замирало в восторге при виде чуда. Криза была права: создать такую красоту по силам лишь Детям Звезд.

А повелитель Лебедей о красоте думал все реже. Война Оленя закончилась для всех обитателей Тарры, но не для эльфов. Когда Рамиэрль-Разведчик подтвердил худшие из опасений, узнав чудовищное закланье, изуродовавшее Рыжий лес, Эмзар думал недолго.

Варха была слишком близка к обитаемым землям, и Лебеди обрекли себя на добровольное заточение, привязав себя к проклятой цитадели. Убежище⁹ было покинуто. Те немногие, что не пожелали жить среди смертных, спасая их, ушли на Лунные острова. «Осенний ветер» еще раз побывал в Сером море. Ягоб Лагар охотно согласился наведаться туда, надеясь, что удастся узнать хоть что-то о судьбе Рене. Не удалось. Зато вместе с маринерами в Арцию вернулись десятков пять «Лунных», в том числе и младший сын Залиэли. Норгэрель до боли напо-

⁸ Адепты Ройгу.

⁹ Заповедный остров в болотах Пантаны, где долгие годы жили эльфы клана Лебеда.

минал погибшего Астена и внешне, и желанием помочь Тарре, да и магических сил у него хватало. Именно Эмзар, Рамиэрль и Норгэрель и замкнули Кольцо Вархи. Лебединое Крыло надеялся, что они сдержат скверну, но он не ожидал удара в спину, случившегося за квартиру до приезда таянских гостей.

– Ройгианцы пришли в себя быстрее, чем мы думали, – Эмзар поднял высокий бокал с золотистым напитком, – твоё здоровье, Шандер из рода Гардани, – но всё обошлось. Что ж, отныне придется думать не только о Стене.

– Нет, – коротко бросил Шандер.

– Ты предлагаешь помощь?

– Я бы назвал это иначе. Каждый должен делать то, что за него не сделает никто. Мы не можем стеречь Варху, но мы можем прикрыть вас от удара в спину. Варха – общая беда Благодатных земель.

– Общая ли? – Эмзар поставил бокал на изящный столик. Его нынешнему жилищу было столь же далеко до Лебединого Чертога, сколь самому Чертогу до великолепных дворцов былых эпох, но Снежное Крыло никогда не стремился к роскоши. – Пока можно считать, что общая. Но что будет потом?

– Не понимаю.

– Я слишком долго живу, Шандер. В сущности, от людей мы отличаемся лишь тем, что вы постигаете за двадцать лет то, на что у нас уходит тысяча... Вы быстро учитесь, но ещё быстрее забываете. У вас слишком мало будущего, чтобы жить прошлым. Вы живёте настоящим. В чём-то это – величайшее благо, в чём-то – проклятие. Боюсь, пройдет не так уж много весен, и Благодатные земли забудут и Войну Оленя, и то, что она ещё не окончена. Вся беда, что наши слабости – продолжение нашей силы. Наша слабость в нашем бессмертии, но есть слабости и у смертных. Орки честны и доверчивы, фронтерцы прижимисты и себе на уме, таянцы раньше делают, чем думают, эландцам нужны лишь море да свобода, а арцийцы слишком гордятся своей кровью... Для одного куста слишком много ягод.

– Империя распадется?

– Скорее всего. Слишком многое против неё. Море, горы, чужая магия и те слабости, о которых я говорил. Мы останемся рядом с Вархой до возвращения Эстель Оскоры. Думаю, южные гоблины пойдут с нами до конца, но их, видимо, ждёт война с северянами. Ни у нас, ни у Уррика нет сил переловить Белых жрецов. Мы даже не можем окружить кольцом то место, у которого побывал Нэо. А зло за горами растёт. Надеюсь, Корбут его остановит или хотя бы задержит. Хорошо хоть, ройгианцы не могут черпать из того источника, иначе они бы это уже делали. Потому-то они и стремятся в Варху.

– Я ничего не понимаю.

– Я тоже, – Эмзар пожал плечами, – но у главаря ордена Ройгу имелся какой-то талисман, с помощью которого он погубил Варху и обитель Адены. Те, кто напал на нас, решили, что эта вещь находится в крепости. Глупо с их стороны. Даже погаси мы огонь, они бы внутрь не вошли, а были бы поглощены ройгианским заклятьем. Как я понял, снять его без талисмана может либо наложивший, либо Ройгу, когда войдет в силу, и, надо надеяться, Эстель Оскора. Я был бы куда спокойнее, если бы амулет и вправду был спрятан в Вархе, но, похоже, его взяли под Кантиску и использовали, вызывая Оленя. И... я бы не хотел знать, где эта вещь. Потому что её и дальше будут искать здесь, а когда знаешь, всегда можешь проговориться...

Ройгианцы будут искать талисман, а наш неведомый противник – наши слабые места. И найдет, что самое печальное. Прошлый раз он начал с окраин, теперь, скорее всего, ударит в сердце. Сын Рене – хороший император, но, надеюсь, ты меня поймешь и не обидишься...

– Я понимаю, что ему далеко до отца, – тихо сказал Шандер, – а Белке до Эстель Оскоры. А Максимилиан думает не об Арции, и даже не о Церкви, а о себе. Эмзар, я не верю, что Феликс умер своей смертью, и меня бесит Ольвия Арройя... Но пока в Арции спокойно.

– И будет спокойно, пока жива правда о Войне Оленя, – вздохнул Эмзар, – будет очень, очень спокойно еще две или три ваших жизни, но не стоит себя обнадеживать. Зерна будущих войн уже брошены в землю.

– Что ж, ты меня не удивил, – жестко сказал таянский герцог, – война для меня дело привычное. Жаль, в магии я тебе не помощник.

– Ты сам сказал, что нужно делать лишь то, что за тебя никто не сделает. Таянцы умеют воевать, и, боюсь, это умение вам понадобится. Ты думал о том, как легко вас запереть за Перевалом?

– Не думал, – честно признал Гардани. – Перевал станет непроходим?

– Может, и так... Хотя я не чувствую этого, да и, – эльф заколебался, а потом все-таки произнес, – хозяйка Тахены всегда поможет дому Гардани. Вас могут предать люди, но не горы и не болота. А вот море, оно не подвластно никому... Скоро волны, как во времена моей юности, будут биться о Зимнюю Грядку. Но в этом нет злого умысла. Море и суша вечно спорят, и в этом споре не бывает победителей. Где-то вырастают новые острова, где-то тонут старые.

– А Эланд?

– Эланд обречен, так же, как и Гверганда, они уйдут под воду, но у людей будут годы, чтобы подыскать себе новые земли.

Эмзар немного помолчал.

– Мы не погасим Огонь, но это все, что мы сейчас можем. Нэо и Клэр прошлый раз принесли дурные вести и, боюсь, из нового похода привезут еще худшие.

– Куда они отправились?

– В Эр-Атэв и дальше, пройти путем старой легенды... Помнишь?

– Как же, письмо Майхуба... Он, кстати, исполнил все, что обещал.

– Да, – кивнул Эмзар, – атэвам можно верить. Если они дают слово, они его держат. Нужно чудо, чтобы они забыли клятву. Как и гоблины...

– Эмзар, – Шандер Гардани пристально посмотрел в лицо собеседнику, – мы знакомы шестнадцать лет. Для тебя это миг, для меня – треть жизни. Прости, но я буду говорить с тобой, исходя из последнего. Что ты хочешь мне сказать, хочешь и не говоришь? Рассказывай, я выдержу. Даю слово, что все останется между нами.

– Ты ошибаешься, Шани, – точеная рука эльфа легла на плечо человеку, – я не знаю никакой роковой тайны, а если бы знал, не стал бы таить ее от тебя. Думаю, Нэо, возвращаясь, не преминет заглянуть в Высокий Замок, так что новости ты узнаешь даже раньше меня. Я не пытался скрыть ничего, кроме своего настроения. Мне это не удалось... Я устал, Шани. Просто устал, но это бывает... О, а вот и твой юный спутник.

Стефан пад Уррик вошел в дверь с блаженным выражением, которое Эмзар не раз замечал на лицах смертных, попавших в обитель Детей Звезд, но на диковатом лице гоблина оно казалось особенно странным.

– Ты видел, Стену, Стефко? – улыбнулся Шандер.

– Да. Это... Это...

– Это – чудо, и это спасение для всех. А теперь я тебя огорчу. Утром мы возвращаемся.

– Но...

– Я сам думал задержаться на несколько дней, но началась война. Первый удар приняли на себя наши хозяева. Я оставляю здесь «Серебряных». Но две сотни клинков слишком мало, я отправляюсь за подмогой.

– «Зубры» тоже останутся, – не терпящим возражения голосом заявил Стефан. Юноша изо всех сил старался выглядеть спокойным, но в зеленых глазах уже полыхал огонь битвы.

«Молодость, – со щемящей нежностью подумал герцог, – молодость и уверенность, что с клинком в руке никакая напасть не страшна. С годами это пройдет...»

– Ты прав, Стефко, в этом деле наши народы должны быть вместе. А теперь пойдем к воинам. Нам предстоит им многое рассказать.

Юноша вздохнул, но перечить не стал, хотя ему смертельно хотелось остаться и поучаствовать в схватке.

...Они выехали на рассвете, хлебнув эльфийского дорожного питья. Герцога и сына гоблинского вождя сопровождали два десятка «Серебряных». Эмзар настаивал на полусотне, но Шандер полагал, что на них охотиться никто не станет. Король Лебедей все же отправил с гостями Норгэрея, способного, случись что, пустить в ход магию. Не понадобилось. Спустя квартал путники увидели Высокий Замок.

Герцогиня, узнав о возвращении мужа и сына от гонца, выехала навстречу. Объятий и поцелуев не было. Шандер и Илана на людях всегда были сдержанны, хотя редко кто на четырнадцатом году супружества смотрит друг на друга такими глазами.

– Что нового, кицуня¹⁰? – это словечко было единственным проявлением нежности, которое позволил себе Шандер.

– Все хорошо, – Илана чувствовала, что хорошего как раз мало, и именно поэтому улыбалась, – разве что Рыгор прислал письмо. Во Фронтере завелись какие-то безумцы.

– И что они натворили?

– Кричали, что Фронтера – пуп земли и нужно отложиться от империи. Рыгор их приструнил, а больше не случилось ничего...

– Ничего? – поднял бровь Шани. – Вот и отлично. Кицуня, я должен спросить у тебя одну вещь. Постарайся вспомнить, это очень важно.

Стефан, окинув смущенным взглядом мать и отчима, сделал попытку придержать коня, оставив их наедине, но герцог не позволил.

– Стефко, тебе нужно это знать. Как, впрочем, и многое другое. Ланка, дорогая, куда делась та дрянь, что висела на шее у Михая, когда его наконец убили?

¹⁰ «Кошечка» (*фронтерск.*).

КНИГА ПЕРВАЯ МЛАДШИЙ БРАТ

Памяти Ричарда Йорка

*Loyaulte me lie*¹¹.

Richard III

Добра – его, может, и нет.

А Зло – оно рядом и ранит.

Федерико Гарсиа Лорка

ПРОЛОГ

– И все-таки я не понимаю, как можно стоять на краю беды и не делать НИЧЕГО, чтобы ее предотвратить.

– Брат, не лукавь! Ты задаешь вопрос, зная ответ. Чем сильнее страдания, тем громче мольбы о спасении, а чем громче и искреннее молитва, тем...

– Не надо повторять очевидное. Но к чему тогда вся эта ложь о Любви и Прощении? Пусть будет честен и толкнет Тарру в пропасть своей рукой, а не ждет, чтобы это сделали другие.

– Он не может. Он не причинил страдания ни одному живому существу. Он жаждет спасти всех, кто не причастен Злу и Гордыне.

– То есть готов погибнуть, не пошевелив и пальцем во имя спасения своего мира, своих близких, своей жизни? Кто будет смотреть, как убивают его детей, и не поднимет меч в их защиту? Спасать слизняков и осудить тех, кто знает цену Любви, Чести, Свободе?

– Этим Ему не спасти, потому что они не пойдут за Ним. Но, похоже, брат, ты путаешь меня со своим вечным соперником.

– Можешь быть уверен, дойдет черед и до Него. Если Он посмеет взглянуть нам в глаза.

– В этом можешь не сомневаться. Он уверен в своей правоте не меньше, чем мы в том, что небытие лучше того, что Он несет с собой.

¹¹ «Верность делает меня твердым» (старофр.) – девиз Ричарда Йорка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ESSE QUAM VIDERI!¹²

*А в сыновней верности в мире сем
Клялись многие, и не раз, –
Так сказал мне некто с пустым лицом
И прищурил свицовый глаз.
И добавил: – А впрочем, sluкавь, солги –
Может, вымолишь тишь да гладь!
Но уж если я должен платить долги,
Так зачем же при этом лгать?!*

А.Галич

2879 год от В.И.

Ночь с 12-го на 13-й день месяца Лебеда.

Арция. Эльтова скала

Александр и сам не знал, зачем пришел сюда в эту ночь. Сейчас ему следовало или молиться, или пытаться уснуть, а его понесло на пользующуюся дурной славой скалу. Юноша улыбнулся одними губами: если ты завтра умрешь, если твой бой безнадежен, не все ли равно, как и где провести последние оры¹⁴. В конце концов, его жизнь оборвалась бы восемь лет назад, если бы не назвавшийся Романом золотоволосый и синеглазый бродяга, исчезнувший, как сон. Возможно, он и был сном, пригрезившимся измученному ребенку, заснувшему под грохот волн... Ни примятой травинки, ни сломанной ветки, ни следов от костра – не осталось ничего. Ум твердил одно, а сердце стояло на своем. На том, что таинственный красавец приходил на самом деле, и именно он заставил горбатого заморыша любить и ценить жизнь... С той встречи для Александра Эстре началась новая жизнь. Не было ночи, чтобы он сначала тайком от братьев и матери, а потом от родичей ре Фло не пробирался на оружейный двор, где его ждал капитан Дени Гретье, неумолимо вколачивавший в сына покойного сюзерена воинские премудрости.

Это была их тайна. К шестнадцати годам Сандер весьма сносно обращался с самыми разными видами оружия, превосходно ездил верхом и стрелял из арбалета. Наблюдая за учебными поединками молодых нобилей¹⁵, он понимал, что с большинством из них мог схватиться на равных, а то и победить. Пожалуй, какое-то время он продержался бы и против старших братьев, но граф Мулан был слишком сильным противником.

Про бывшего циалянского рыцаря¹⁶ ходило множество слухов, один страшнее другого. Никто не знал, как и почему тот шесть лет назад покинул Фей-Вэйю¹⁷ и стал странствующим рыцарем. Мулан по-прежнему носил цвета ордена, за ним не числилось никаких провинностей, он не женился и не поступил на королевскую службу. Оставался ли он рыцарем Оленя или же расстался с сестринством, не знал никто. У таких не спрашивают.

¹² Быть, а не казаться (лат.).

¹⁴ Ора – принятая в Благодатных землях мера времени, одна двадцать шестая суток (половина времени, за которое над горизонтом поднимается одно из созвездий Звездного Круга).

¹⁵ Дворянин.

¹⁶ Циалянские рыцари – Белые рыцари, рыцари Оленя – дворяне, добровольно давшие обет безбрачия и служения ордену святой Циалы (сестринства), в котором состояли исключительно женщины. Белые рыцари не принимали пострига и при желании могли отказаться от своих обетов, поставив об этом в известность сестринство и дав клятву не разглашать доверенных им тайн.

¹⁷ Главная резиденция циалянского ордена.

Белый Граф, как его обычно называли, слыл непобедимым и в бою, и в спорных поединках, в которых бойцы выходили без доспехов, лишь со старинными легкими шпагами и кинжалами. Он был беспощаден. Если большинство рыцарей охотно оставляло побежденным жизнь, Мулан убивал. Спокойно, равнодушно, безжалостно, словно выполняя нужную, но приевшуюся работу. Оттого-то последние четыре года он и не находил себе противников, вынужденно довольствуясь групповыми турнирами с их неизбежными ограничениями.

И все равно Александр не жалел, что вызвал страшного Мулана. Пусть и он, и его покровители знают: Тагэре можно убить, но не оскорбить и не испугать!

Юноша поднял глаза к низкому небу: ни звезд, ни луны... Жаль. Хотелось бы взглянуть на них еще разок. Может, к утру облака разойдутся? Тряхнув головой, словно отгоняя безрадостные мысли, младший сын Шарля Тагэре начал подниматься по узкой неровной тропе, петлявшей среди скал. Дорога кончалась на самой вершине скалы, неожиданно ровной и широкой. В погожие дни оттуда открывался прекрасный вид на Эльтскую бухту, но сегодня все было укутано угольной чернотой. Будь на месте Сандера кто-то другой, он бы уже десять раз сорвался в пропасть, но младший из Тагэре ходил по скалам, как корбутский архар. В этом он обошел даже своего учителя. Дени все же побаивался высоты, а для Александра стоять на краю бездны было верхом наслаждения. Он и в Эльте и во Фло, где провел шесть лучших лет своей жизни, выискивал самые крутые обрывы и самые высокие скалы.

В дом, почитавшийся родным, Александр вернулся без всякой радости, но Филипп поссорился с Раулем и велел младшим братьям покинуть Фло. Жоффруа был откровенно рад вырваться из слишком уж жестких рук Короля Королей и его капитанов, а вот Сандеру разлука далась с трудом. Юноша не мог взять в толк, как после гибели отца и Бетокской битвы брат-король мог рассориться со своим великим кузеном. Жоффруа намекал, что в этом замешана молодая королева, но разве может женщина сломать дружбу, закаленную великой бедой?

Тропа оборвалась, и юный герцог оказался на продуваемой всеми ветрами вершине, впрочем, в эту ночь ветра спали. Сунул руку под нависший камень. Запасенные несколько дней назад сухие ветки были на месте, да и кто мог их унести? Люди сюда не заходят, боятся неведомого, не понимая, что повседневная жизнь бывает куда страшнее призраков, по слухам, посещающих Эльтову скалу в новолуние. Нынче как раз новолуние, но даже свети луна в полную силу, ее лучи не пробили бы плотную завесу туч, раздумывавших, пролиться ли дождем здесь или подождать хорошего ветра и унести вглубь Арции. Александр высек огонь. Костры он разводил хорошо, даже лучше Филиппа, и вскоре рыжее пламя весело плясало, отгоняя бархатную тьму. Тагэре улыбнулся: скорее всего, это его последний костер, а значит, незачем беречь топливо...

– В прежние времена я бы поклялся, что ты указываешь путь контрабандистам, – юноша вздрогнул от неожиданности и рывком поднялся, хватаясь за кинжал.

– Я пришел с миром, – голос из темноты явно принадлежал зрелому сильному мужчине, – любопытно стало, кто это жжет в новолуние костры на проклятой скале... Позволишь разделить твое одиночество?

– Конечно, – сердце Александра сжалось от охватившей его надежды, – восемь лет назад он тоже прощался с жизнью... Может, и на этот раз сюда завернул его таинственный знакомец? Но надежда как вспыхнула, так и погасла – шагнувший в круг света человек на Романа не походил. Ночной гость был сед, как лунь, но лицо его отнюдь не было старым, а гибким, легким движениям позавидовал бы сам граф Мулан. Чужак опустил на камень и протянул руки к огню.

– Наверное, мне стоит представиться. Мое имя Аларик, я не здешний.

– Меня зовут Александр. Я здесь живу.

– Я догадался, – усмехнулся Аларик. А вот глаза у него и вправду напоминали глаза Романа, только были много светлее. – Но я полагаю, ты здесь проводишь далеко не каждую ночь. Ты взволнован, это очевидно. Может быть, тебе нужна помощь?

Великомученик Эрасти! Как же Александр ненавидел эти слова. Ему вечно предлагали помощь слуги, сестры, прочие родичи. Все, кроме не замечающей его матери... Сандеру едва сравнялось четыре, когда он в ответ на очередные причитания железным голосом произнес: «Я сам», потом это стало его негласным девизом. Но предложение ночного гостя отнюдь не казалось оскорбительным. Так же, как семь лет назад расспросы Романа. И Александр, удивляясь самому себе, вежливо ответил:

– Благодарю вас, сигнор¹⁸, но помочь мне нельзя.

– Я не спрашиваю, можно ли тебе помочь, – засмеялся седой, – я спрашиваю, НУЖНА ли тебе помощь?

Александр удивленно замолк, а потом с налету выпалил:

– Завтра я дерусь с графом Муланом... Теперь понимаете?

– Представь себе, нет, – Аларик покачал головой, – я так понимаю, что граф Мулан – это местная знаменитость. Что, он и вправду хороший боец?

– Нет более верного способа умереть, чем скрестить меч с великим Муланом!

– Великий Орел, какие глупости! – ночной гость зло сверкнул глазами. – Лично я знаю с десяток способов куда более надежных. Уж поверь мне! Нет шпаги, на которую не нашлась бы лучшая, а что до вашего Мулана, сдастся мне, не так уж он и велик...

– Но... Вы же его не знаете...

– Зато я знаю шпагу, – отмахнулся собеседник, – она не терпит громких слов. Я встречал немало воинов, фехтовавших, как боги, они не распускали слухи о собственной непобедимости и не дрались для их подтверждения с теми, кто слабее.

– Я сам его вызвал, – буркнул Александр, желая быть справедливым даже к недругу.

– Неважно. Будь Мулан настоящим воином, он бы сумел избежать ссоры. Из-за чего все произошло? – вопрос был задан таким тоном, что не ответить было невозможно. И Сандер ответил:

– Он издевался над нашим гербом.

– Не над тобой?

– Нет... Я знаю, что я урод, – юноша отважно взглянул собеседнику в глаза, – упоминанье об этом вряд ли бы заставило меня потерять голову...

– Ты был с этим Муланом один на один?

– Нет. Там был мой средний брат и двоюродный, затем...

– Хватит, – оборвал его Аларик, – вставай!

– Что?

– Вставай, говорю, и доставай шпагу. Я покажу тебе пару приемов, о которые твой «непобедимый» обломает зубы...

2879 год от В.И.

Ночь на 13-й день месяца Лебеда.

Эр-Атэв. Эр-Иссар

Глаза калифа Усмана перебежали с лица старшего сына на лицо младшего и обратно. Красавец Наджед преданно ловил отцовский взгляд, Яфе хмуро молчал. Владыка атэвов усмехнулся в шелковистые усы и слегка шевельнул рукой, подзывая пузатого каддара¹⁹.

– Я хочу знать все.

¹⁸ Сигнор (от сигна – родовой герб) – потомственный дворянин.

¹⁹ Каддар (атэв.) – придворная должность, равноценная министерской.

Каддар тяжело плюхнулся на колени, облобызав синие сапоги повелителя, и проникновенно произнес:

– О Лев Атэва, сколь счастлив ничтожный Камаль, к чьим речам склоняется алмазный слух владыки. Да прольются мои слова водой и оросят зерно его мыслей. Случилось так, что в невольничий квартал вбежала бешеная собака. И по прихоти шестихвостого садана²⁰ некий торговец туда же привел караван черных рабов. Сам купец при виде огромного пса с хвостом, зажатом между ног, и мордой, покрытой пеной, бежал, оплакивая убытки. Бежали и слуги купца, и воины, и погонщики верблюдов, и охранники, а рабы бежать не могли, так как были в колодках. И бывает так, что путь осла пересекает дорогу благородного скакуна. Испуганный купец повстречал твоих сыновей, о Лев Атэва, покидавших дом мудреца Абуны, коего они посещали по твоему повелению.

Узнав о том, что вблизи рыщет бешеная собака, принц Наджед, да благословит Баадук его дорогу, вернулся в дом, повелев разыскать смотрителя дорог, дабы тот послал стражников с луками истребить опасную тварь и всех рабов, которых она покусала. А принц Яфе, да будут его пути подобны лучшим коврам, выхватил саблю и бросился туда, откуда все бежали. Я, недостойный, хотел его остановить, но принц не склонил свое ухо к моим устам. Мы услышали рычание, а затем вой, подобный вою злобного садана. Мы поспешили и увидели то, что увидели. Собака была рассечена надвое, и над ней стоял принц Яфе с окровавленной саблей.

– Я выслушал, – медленно произнес калиф, – Наджед, приблизься.

Старший принц исполненным изящества движением преклонил колени перед отцом.

– Я доволен, что мой сын вырос мудрым, – калиф снял с пальца перстень с квадратным изумрудом и бросил сыну, почтительно поцеловавшему отцовскую руку. Затем калиф все так же невозмутимо этой же рукой отвесил Наджеду пощечину: – Но я недоволен, что мой сын вырос трусом. Яфе, подойди.

Когда брат Наджеда встал на колени рядом с ним, Усман поднялся и, стремительно сорвав с пояса тяжелую плетъ, вытянул сына по плечам. Тонкая материя лопнула, показалась кровь. Глаза Яфе неистово сверкнули, но он сдержался.

– Это за то, что ты сначала делаешь, а потом думаешь, – калиф отцепил роскошную саблю и протянул младшему принцу, – а это за то, что ты знаешь: сын калифа не показывает спину псам. Черные рабы твои – впрочем, купец может их выкупить. Тем, кто не заметил вовремя смертоносную тварь, по десять палок. И да не развяжется завязанное.

Усман поднял бровь, и все, пятясь, покинули покои повелителя. Младший принц уходил последним, и калиф еле слышно окликнул:

– Яфе!

Сын остановился.

Отец выждал, пока закроются тяжелые двери, и лишь после этого заговорил:

– Хорошо, что в твоей груди сердце льва, а не тушканчика, но я хотел бы видеть в нем не только отвагу, но и мудрость. Глуп тот, кто за медную монету отдаст золотой самородок. Голова бешеного пса не стоит головы принца. Когда придет время идти в огонь, тот, кому это предназначено, должен быть жив. То, что предначертано тебе, другому не свершить.

Яфе молчал, упрямо насупив черные брови, и Усман внезапно почувствовал немыслимое облегчение. Сегодня он наконец избрал наследника, но даже его подушка не узнает об этом, пока не придет срок. Пусть будущий калиф научится терпению и мудрости. Время еще есть.

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебедя.

Эльта. Гостиница «Морской конь»

²⁰ Садан (атэв.) – черт, дьявол.

– Десять ауров на парнишку, – стройный голубоглазый человек в темном дорожном плаще небрежно подбросил объемистый кошелек.

– Вы с ума сошли, почтеннейший, – запротестовал худой нобиль в плаще с сигной в виде прыгающей лисицы, – это же сам граф Мулан!

– Ну и что, – пожал плечами незнакомец, – каждый, про кого говорят «сам», рано или поздно зарывается, так почему бы и не сегодня? Удача – дама капризная, ей надоедает, когда с ней обходятся, как с уличной девкой.

– Так-то оно так, – вздохнул толстяк в синем, – только уж больно силы неравны. Я видел Мулана на турнире, чистый кабан, право слово, а Александр... В чем душа держится, да еще калека. Он и меч-то в руках никогда не держал, все больше книжки.

– Я так рассуждаю, – вмешался в разговор человек с луком и с серебряным значком лесничего на зеленой суконной куртке, – что Мулан должен отказаться. Это не поединок. Это убийство, чести оно ему не добавит.

– А ему честь нужна что мне девственность, – хмыкнула чернокудрая красotka в вызывающе обтягивающем ее прелести платье, – капустаницы²¹ всех Тагэре под корень извести хотят, хоть больных, хоть здоровых... Видела я, как Мулан их задирает, из кожи вон лез. Старший-то сдержался, да и кузен их, уж на что боевой, только желваками играл. А Александр молчал, молчал, да как выплеснет вино тому в морду.

– Жаль его, – согласился толстяк, – хоть горбун, а душа отцовская! Не повезло. Может, оно и к лучшему, калекой жить и герцогу несладко.

– Да не хороните вы его раньше времени, – в голосе завязавшего разговор незнакомца прорезались властные нотки, – поживем – увидим. Я от своих слов не отказываюсь. Десять ауров! Нет, двадцать!

– Согласен, – вздохнул худой, – если тебе своих денег не жалко.

– И я согласен, – кивнул еще один толстяк с добродушным лицом и умными карими глазами, – мы тебя предупредили.

– Ваша совесть может быть чиста, сигноры, – отрезал голубоглазый, – считайте, что и я вас предупредил...

– Твоими бы устами, – лесничий заметно нервничал, – если этот белозадый убьет маленького Тагэре...

– Ты с ним не справишься, Колен, – еще один нобиль лет тридцати покачал головой, – с ним никто не справится, разве что покойный герцог...

– В бою – да, – не стал спорить названный Коленом, – но за убийство заведомо слабейшего в старину отбирали шпагу и шпоры...

– Ну, вспомнила бабка, как девкой была, – нобиль с лисицей зло засмеялся. – Кодекс Розы²² не для Белых, они отца повесят, а мать утопят.

– Все равно рыцарь, свершивший подобное, не рыцарь, а бешеный пес, и покарать его – долг любого. Если Мулан убьет Александра, говорить с ним нужно не с мечом в руке, а с арбалетом.

– И ты?.. – первый толстяк уставился на Колена с восхищенным недоверием.

– Клянусь святым Эрасти, я сделаю это. Вы все свидетели, – лесничий сжал губы, – малыша я им не прощу. А потом... Лес не выдаст, Циала не съест.

– Да прекратите вы панихиду играть, – взорвалась девица, – хуже нет приметы... Клянусь юбкой святой Циалы, будь он трижды горбун, а я сделаю его мужчиной, пусть только жив останется. И арга не возьму!

²¹ Презрительная кличка циалианок, видимо, возникшая из-за белых с черной оторочкой одеяний рядовых сестер, напоминавших расцветку бабочек-капустниц. Сестры более высокого ранга ходили в белом, оторочка послушниц была голубой, а воспитанниц синей.

²² Кодекс чести, обязательный для дворянства Благодатных земель.

– Ты и вправду это сделаешь, голубка? – голубоглазый обнял прелестницу за соблазнительные плечи. – А ты, видать, добрая девушка.

– Злая, – она с вызовом глянула на чужака, – очень злая, но в малыше больше толку, чем в Жоффруа и Эдваре, вместе взятых.

– Луиза тебе скажет, – осклабился нобиль с лисицей.

– Я знаю, что говорю. Могу и про тебя рассказать, хочешь?

– Ну, уж нет!

– Что ж, – улыбнулся голубоглазый, – не забудь про свою клятву, Луиза...

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебеда.

Эльта

Площадь перед гостиницей «Морской конь» была чисто выметена, а обычно расхаживающие по ней свиньи и гуси с позором изгнаны. По краям толпилась чуть ли не половина Эльты, но на середину, отмеченную четырьмя натянутыми веревками с навязанными на них цветными лоскутами, не заходил никто. Граф Мулан появился за четверть оры до назначенного срока. Холодно оглядел толпящийся сброд. Люди под тяжелым взглядом привычно опускали глаза, однако на сей раз нашлись трое, ответивших вызовом. Трактирную девку в красном можно было в расчет не принимать, а вот высокого худого человека в зеленом, даже не потрудившегося скрыть свою ненависть, Мулан запомнил. Этот, наверняка, попытается его убить, так что на обратном пути придется надеть под доспехи атэвскую кольчугу. Рядом с лесничим стоял еще один, среднего роста, стройный, с седыми волосами. В его лице не было ни ненависти, ни вызова, лишь ирония и любопытство.

Белый рыцарь был опытным бойцом и умел с первого взгляда оценить возможного противника. Седой ему не понравился. Мулан никогда его не видел, но спокойствие незнакомца, его непринужденная поза и что-то в небывало голубых глазах под темными бровями заставило рыцаря Оленя поскорее отвернуться. Если этот человек затеет ссору, что вполне возможно, придется держать ухо востро. Конечно, с талисманом Ее Иносенсии²³ он справится и с ним, и все же...

Но сначала – горбун. Смешная добыча, но после смерти щенка его толстый братец и кузен не могут не послать вызов убийце, иначе им никто руки не подаст. Ну а потом останутся только Филипп и его проклятый старший кузен. Но эти и так вот-вот друг другу в глотку вцепятся. Если так и дальше пойдет, с Тагэре вскоре будет покончено.

Граф небрежно сбросил молочно-белый плащ на руки оруженосцу, туда же полетела куртка из светло-серой замши, и Мулан остался в тонкой белоснежной рубашке, заправленной в темно-серые панталоны. Мягкие сапоги без каблуков были почти невесомы, но он мог драться и в полном боевом облачении. Увы. Публичный поединок все еще должен вестись по кодексу Розы – без брони, с ныне вышедшей из употребления легкой шпагой. Детские игрушки!

Мулан любил свои доспехи, тяжелое копье, двуручный меч и секиру, хоть и шпагой владел изрядно. В любом случае достаточно для того, чтобы прикончить горбатого хлюпика.

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебеда.

Эльта

– Жаль мне твоих денег, и парня жаль, – вздохнул кто-то в толпе.

²³ Титул Предстоятельницы (главы) циапианского ордена.

– Если ставить, то на волчонка, а не на кабана. Эта белая скотина не так сильна, как ей кажется.

Сердце Александра забилося, он узнал голос.

Аларик! Он тут. Тагэре обвел глазами толпу и сразу же столкнулся со спокойным, уверенным взглядом. Ночной гость словно бы говорил: «Ничего страшного. Твой враг нагл и удачлив, но он не всемогущ!»

Отсалютовав шпагой зрителям, Александр бросил куртку на ограждающую импровизированное ристалище веревку и, глядя прямо перед собой, пошел к центру площади. Он не чувствовал ни страха, ни волнения, словно его седой знакомец забрал их с собой. Душу заполняли решимость и уверенность в том, что он может победить. Если не ошибется, не запаникует, не даст себя обмануть, он победит. Обязательно победит. Нужно только смотреть в эти холодные глаза, а не на кончик шпаги графа. Дени учил угадывать движения противника по взгляду, и у него это получалось. Получится и сейчас. Пусть Мулан удивится стойкости своего несерьезного соперника и начнет пробовать разные приемы, а он, Александр, будет лишь защищаться. Да. Именно так. Сначала защита, а потом – атака. Первая должна стать и последней.

Юноша прекрасно помнил, что ему показал Аларик. Приемы кажутся до смешного простыми, но противопоставить им практически нечего. Однако Александр отныне умел не только наносить такие удары, но и парировать. На тот случай, – сказал гость, – если кто-то, глядя на тебя, научится делать то же, хотя такое вряд ли возможно... «На тот случай», значит, Аларик полагает, что его жизнь не закончится на этой маленькой площади. И она не закончится, Проклятый побери!

Сандер, как затеявший ссору, первым поднял шпагу в освященном веками приветствии, и Мулан ответил тем же жестом. Противники шагнули друг к другу, раздался скрежет стали о сталь. Первый выпад графа был силен, но прост, чтобы не сказать примитивен, и Александр отбил его без труда.

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебедя.

Эльта

Мулан начинал закипать – горбатый щенок оказался отнюдь не так прост, как казалось вначале. Он знал, что делать со шпагой, и к тому же дрался левой, что создавало кучу неудобств. Белый Граф фехтовал обеими руками примерно одинаково и нередко брал основное оружие в левую, зная, как тяжело отражать такие удары, теперь же ему пришлось переложить шпагу, чтобы уравнивать шансы, и это было унижительно. Впрочем, неприятности начались раньше, когда первый удар – сильный и безотказный, горбун отбил, причем так, что Мулан с трудом удержал оружие. Проклятье! Он же знает, что уроды обладают медвежьей силой, а слухи о том, что младший Тагэре ничем не интересуется, кроме книг, оказались лишь слухами. Чертов урод обвел вокруг пальца даже прознатчиков Ее Иносенсии.

Бой длился уже вторую десятинку²⁴, а Мулан ни на шаг не приблизился к победе. Он постепенно усложнял приемы, но нарывался на глухую оборону. Тагэре не пытался атаковать, но замыслы противника читал, как книгу. Взгляд горбуна не отрывался от лица Мулана, и серые внимательные глаза в очень темных ресницах, глаза покойного Шарля Тагэре, начинали действовать рыцарю Оленя на нервы. Пора было кончать! Как бы неприятно это ни было, но непобедимый боец, великий Мулан, Белый Граф потянулся мыслями к талисману. Теперь Анастазия узнает, что он не смог совладать с уродцем без помощи магии, и это весьма неприятно, но тянуть и дальше нельзя. Нужно убить паршивца одним ударом и немедленно, иначе репутация Мулана пострадает, вон сколько народа собралось поглазеть! Большинство пока считает,

²⁴ Десятая часть оры.

что он играет с мальчишкой, как кошка с мышкой, благо тот и не пытается нападать, но в толпе найдется и парочка опытных бойцов, которые поймут, если уже не поняли, в чем дело.

Мулан сосредоточился и мысленно произнес Слово. Оправленный в белый металл опал начал слабо пульсировать в такт биению сердца графа. Сейчас Тагэре подчинится. Не успеет Граф просчитать до шестидесяти, и щенок сам бросится на его шпагу. Стоит крови попасть на клинок, действие магии прекратится, а Ее Иносенсия узнает об очередной победе и о том, что одержана она с ее помощью. Жаль, конечно, но лучше не рисковать.

Камень пульсировал все сильнее. Двадцать... двадцать два... Тридцать...

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебеда.

Эльта

Александр почувствовал, что у него не хватает сил и дальше смотреть в страшные чужие глаза. Сердце сбилось с ритма и начало стучать с перебоями, хотя раньше ничего подобного не случалось. Младший Тагэре мог подолгу танцевать с клинком в два раза тяжелее этого, а сейчас вряд ли прошло больше двух десятинок. А ведь сначала все шло так хорошо. Александр сжал зубы и, старательно отгоняя подступающее отчаянье, попытался поднять глаза.

«Ты свободен, Сандер. Нет ничего, кроме свободы и чести. Все в твоих руках», – странным образом эти слова возникли в его мозгу, давление начало стремительно слабеть и исчезло. Сердце вновь застучало ровно, да и в глазах противника не было ничего ужасного. Напротив! В них бился страх! Что-то у Великого Мулана пошло не так! А на Александра снизошли спокойствие и уверенность. Он должен победить, и он победит. Для начала слегка отступим. Пусть атакует. Отлично! Такой выпад нам и нужен...

Многочисленные зрители так и не поняли, что произошло у них на глазах. Только Аларик заметил, как клинок юноши стремительно отвел оружие графа вправо. Эфес шпаги Александра оказался рядом с его правой рукой, заведенной назад. Следующим ходом бойца-левши было бы ударить наотмашь, целясь противнику, скажем, в шею. Сандер так и поступил. Предвидевший это Мулан, вывернув кисть, увел шпагу влево, легко парируя удар, которого не было. Оружия в руке Сандера не оказалось, сам же он, продолжая разворачивать корпус вправо, вынес ногу вперед и нанес резкий колющий удар **правой** в подставленный противником левый бок.

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебеда.

Эльта

Оруженосец и еще какой-то человек в фиолетовом унесли то, что только что было Великим Муланом, а Александр все еще стоял с окровавленной шпагой в руках, глядя перед собой. Он сделал это! Мулан мертв, а он жив. Теперь никто не посмеет назвать его заморышем и ничтожеством. Может быть, даже мать посмотрит на него другими глазами, так, как она смотрит на Филиппа, как она смотрела на Эдмона...

Чьи-то руки обхватили его за шею, и Сандер вздрогнул от неожиданности, а чернокудрая красotka в алом, низко вырезанном платье властно и весело поцеловала победителя в губы. Александр растерялся, а Луиза, прижавшись к нему, заговорщически прошептала:

– Пойдем поговорим.

– Поговорим? А почему не тут? – он непонимающе уставился на собеседницу.

– Дурачок, – засмеялась она, – хоть и герой. Я тебе ТАМ все объясню! Пойдешь?

– Сейчас, – рассеянно пробормотал он, обводя глазами окруживших его улыбающихся людей, – ты не видела здесь такого... Он седой с голубыми глазами...

– Как же, видела, – кивнула Луиза, завладев рукой Александра, – он поставил на тебя двадцать ауров... Никто не верил, а он сказал, что ты побьешь этого кабана. Знаешь, я никогда не видела таких, как этот нобиль. Он, как... как дождь в жару!

2879 год от В.И.

Утро 14-го дня месяца Лебеда.

Тагэре

Слуги и воины старательно отводили глаза. Королевский гнев – штука обоюдоострая, особенно если он обрушен на головы родичей. То, что с молодым Филиппом Тагэре шутить не стоит, в Арции уже поняли. Теперь же король был вне себя. И было от чего! По крайней мере, пришедшие с Его Величеством воины полагали, что герцог Ларрэн заслуживает куда большего, чем оплеуха, даже столь увесистая. Впрочем, Филипп довольно быстро овладел собой, восемь лет на троне научили его гасить свои чувства.

Появление короля стало для обитателей замка Тагэре полной неожиданностью. Когда дозорные увидели кавалькаду, никому и в голову не пришло, что это Его Величество Филипп Четвертый решил навестить родной дом. Вдовствующая герцогиня никоим образом не ожидала сына и приняла приглашение баронессы Герар, у которой родился долгожданный внук. Встречать Филиппа вышли лишь брат Жоффруа и кузен Эдвар. Малыш Сандер и тот куда-то подевался.

Когда Филипп, предвкушая отдых после дальней дороги и в глубине души радуясь, что разговор с матерью можно отложить, спросил про Александра, он не предполагал никаких неожиданностей, но сбежавший с круглой физиономии Жоффруа румянец заставил заподозрить неладное. Ларрэн не принадлежал к тем, кто скорее умрет, чем выдаст секрет. Сначала братец пробовал изображать неведение, заявив, что Сандер достаточно взрослый, чтобы его требовалось сторожить, но это не помогло. Король вытряс из Жоффруа правду, но было поздно. Ну почему он не приехал днем раньше?!

– Если его убили, я не знаю, что с тобой сделаю, трус капустный! – Филипп скрипнул зубами, с отвращением отвернувшись от родичей. Он и так погорячился, залепив Жоффруа прилюдно по физиономии. Тот, конечно, заслужил, но не дело, чтоб один Тагэре лупил другого.

– А что я мог сделать? – вновь заныл Ларрэн. – Матушка нам настрого запретила затевать ссоры, и потом это же Мулан!

– Да хоть сам калиф Усман! Ты должен был или сразу уйти и увести младших, или принять вызов. Чертов осел! Ты даже не соизволил поехать с ним.

– Он сам не хотел...

– Сам! Кто из вас старше? Мне кажется, Александр. Ему не наплевать ни на нашу честь, ни на наше дело. А ты еще ко всему и молчал... Хоть бы подумал, что будет, когда матери привезут еще один труп, словно ей тогда мало было.

Нельзя сказать, что Филипп так уж часто вспоминал про брата-калеку, но бросить мальчишку на растерзание Мулану и преспокойно вернуться домой! Король не надеялся, что Сандер жив, но он принял смерть лицом к лицу, как настоящий Тагэре! Странно, что эркард до сих пор не сообщил в замок. Наверняка боится, хотя во всем виноват этот заяц, по недоразумению являющийся их братом. Филиппа аж передернуло от отвращения. Он и раньше догадывался, что Жоффруа – ничтожество, но чтоб до такой степени!

Сандера он похоронит со всеми почестями, а потом займется Муланом. С этой бродячей смертью давно пора кончать, он и так слишком затянул и вот потерял брата. Жаль, что он уделял Сандеру так мало времени, ну да сделанного не исправишь! Король, даже не взглянув на Жоффруа и Эдвара, послал коня к воротам; следом за ним рванулся Гастон Койла, а потом и остальные. Кони, уже воображавшие себе уютные замковые конюшни и полные кормушки,

немного поартачились, но смирились и пошли легким галопом. Филипп узнавал родные места. Он не был в Эльте три года и вернулся на очередные похороны! Проклятый! Ну почему?!

Высокая фигура в зеленом вышагивала им навстречу, и король резко осадил белого иноходца.

– Пстой! Колен, это ты?

– Ваше Величество!

– Ты из Эльты? Ты знаешь...

– Знаю! – лесничий прямо-таки сиял. – И все знают. Ваш брат убил Мулана. Он настоящий Тагэре.

– Как убил?!

– Ловко убил, покойный герцог позавидовал бы. Четверть оры – и нет Великого Мулана!

– А Александр?

– Ни царапинки!

– Где он?

– В «Морском коне», его не отпустили, там такой праздник был, а потом Луиза его к себе утащила. Помните Луизу?

– Еще бы, – прыснул Филипп, – видать, у нее судьба такая – просвещать мужчин нашего рода. Теперь и малыш туда же! Он там еще?

– Надо думать...

– Вперед!

2879 год от В.И.

Утро 14-го дня месяца Лебедя.

Эльта

Сквозь щели в занавесках жизнерадостно пробивались солнечные лучи, где-то заржала лошадь, перекликались что-то разгружавшие работники, по всему, было не рано, уж во всяком случае, много позднее, чем он привык вставать. Александр кончил одеваться и слегка смущенно посмотрел на растрепанную Луизу.

– Я, наверное, что-то тебе должен?

– Ты? – женщина звонко рассмеялась. – Побойся бога! Ты побил Мулана, а твой седой приятель оставил мне весь свой выигрыш. Я теперь могу стать достойной уважения женщиной, – она надула щеки и живот и опустила глаза вниз, – а потом... Потом, ты мне просто нравишься.

– Я? – Тагэре уставился на нее с неподдельным изумлением. – Луиза, но я же – горбун.

– Чем меньше ты будешь думать об этом, а тем более говорить, тем лучше, – отрезала женщина, неожиданно став серьезной. – У тебя сильные руки, красивые глаза, и ты... ты умеешь быть благодарным. Можешь мне поверить, любая, когда тебя узнает поближе, не захочет никого другого...

– Когда узнает, – Сандер кривовато ухмыльнулся. – Как же она меня узнает, если у нее будут глаза?

– Если у нее будут не только глаза, но и сердце, узнает. И, – Луиза нарочито громко захотала, – когда будешь счастлив и знаменит, не забывай, кто научил тебя кой-чему важному.

– Что ты, Лу. Я тебя никогда не забуду.

– Верю, – красотка, ничуть не стесняясь своей наготы, встала и, подойдя к висящему у двери овальному зеркалу, принялась распутывать свалявшиеся кудри. – Мой тебе совет, поменьше слушай дураков, которые суют тебе в нос твою внешность. В тебе есть то, чего у них никогда не было и не будет!

– Ты о чем?

– Не знаю, как и сказать, – Луиза задумчиво склонила голову к плечу. – Вот тот седой, на площади. В нем тоже это есть, врать не буду, и куда больше, чем у тебя. Рядом постоишь – все другим кажется. Но он и постарше будет. А еще... Я многих здесь перевидала, кто лучше, кто хуже, но ни в ком такого и близко не было... – Луиза могла бы добавить, что была знакома, и весьма близко, и с братьями Сандера, и с кузенами и ни в ком не почуяла ничего подобного.

Александр хотел было уточнить, что она имела в виду, но не успел – на дверь обрушился град ударов, и голос, от которого сердце младшего Тагэре сначала подскочило к горлу, потом провалилось куда-то вниз и, вернувшись на положенное место, бешено затрепыхалось, проорал:

– Сандер, Проклятый тебя побери, а ну живо одевайся и выходи!

– Филипп!

– Нет, святой Эрасти!

Луиза звонко захохотала и ничтоже сумняшеся распахнула дверь, в которую не преминул ворваться Его Величество, для начала сжавший брата в объятиях, а потом залепивший ему здоровенный подзатыльник.

– Тебя убить мало! Как ты мог, тебе же было сказано!

– Мне? – возмутился Александр. – МНЕ ничего не говорили, а Жоффруа и Эдвар послушались.

– Выкрутился, мерзавец, – король хлопнул брата по плечу, – а если бы тебя убили?

– Значит, так было бы надо. – Александр посмотрел брату в глаза: – Неужели стать монахом или домашним шутом лучше, чем умереть?

– Вот оно что, – взгляд Филиппа смягчился, – каким же я был дураком. Я думал, что тебе хорошо с твоими книжками... Я виноват перед тобой.

– Ты?!

– Да, я, Проклятый меня возьми! Я должен был понять, что тебе нужно, должен был сам научить тебя всему, с матерью поговорить, в конце концов... А я невесть чем занимался. Юбки девкам задирал... Хорошо, ты сам догадался. Кто тебя учил?

– Дени.

– Так я и подумал... Ну, надо же, – король неожиданно расхохотался, – наш Сандер свалил Мулана! Непобедимого Мулана! Великого Мулана! Бери шпагу и пошли во двор!

– Шпагу?

– Именно! Мне нужен настоящий соперник. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Я давно понял, что от Жоффруа толку как от жабы шерсти, большой кузен думает только о себе, а тут – такой подарок!

– Подарок? – Александр широко открыл глаза.

– Не понимаешь? Ты мне нужен, брат. Очень нужен. Я могу на тебя рассчитывать?

– До смерти!

2879 год от В.И.

19-й день месяца Лебедя.

Мирия. Гвайларда

Было темно, страшно и больно, но Даро сдерживала слезы. Если матушка увидит, что она плакала, ее оставят здесь еще на ору. Нужно быть благодарной бланкиссима²⁶ за науку, а плакать – это роптать на Бога. Это грех. Девочка слегка пошевелилась, и острые каменные крошки сразу же вцепились в голые коленки. Сколько времени прошло? Может, про нее забыли? Может, постучать в дверь? Нет, лучше не надо! Прошлый раз она решила, что срок

²⁶ Второй после Предстоятельницы сан в циаианской иерархии. Бланкиссимы возглавляли сестринство в странах Благодатных земель. Кроме того, этот титул носила настоятельница Фей-Вэйи.

наказания давно прошел, а до него оставалась еще десятинка. Вместо того чтобы смиренно ждать, когда ее отпустят, она проявила нетерпение, то есть согрешила даже больше, чем когда запуталась, отвечая урок. И ее оставили здесь еще на две оры. Ой, скорей бы! Коленки болят, но это не самое страшное.

Маурита рассказывала, что в замке живет призрак Кровавого Педро. Когда его зря казнили, он стал привидением и ненавидит мирийских герцогов. Значит, и ее тоже, хотя она ему ничего плохого не сделала. Но все люди отвечают и за грехи своих родителей, и за все остальные грехи. Как только ты родился, ты уже во всем виноват. Мама это всегда говорит. Нужно молиться и просить прощения, и тогда, когда ты умрешь, тебя не накажут за то, что первый человек сорвал розы в саду у Бога, и за то, что Рене Сгинувший совратил избранницу святой Циалы и навлек проклятие на все Благодатные земли. Если короли и герцоги ведут себя плохо, небо наказывает всех, кто живет в их странах. Если она не будет слушаться, накажут всю Мирию. Мама так ей и сказала.

Когда она вырастет, она пойдет в монастырь к бланкиссима и будет молиться, чтобы искупить грехи родителей и братьев. Особенно Рито. Мама им очень недовольна, он не хочет молиться, а бланкиссиму просто ненавидит. Рито очень смелый и добрый. Он ничего не боится, но он грешник. Она не хочет, чтобы после смерти его закопали по шею в горячий песок в шаге от ручья, или чтоб его тысячу тысяч лет жалили пчелы, а только молитва безгрешной родной крови может искупить его грехи.

Ой! Что это там, в углу? Даро вскочила, забыв, что должна стоять на коленях и повторять молитву святой Циале. Там, в дальнем углу, кто-то был. Педро! Но ведь она ему ничего плохого не сделала!

– Даро! Тише ты! – Раздавшийся шепот показался ей прекрасней голосов божьих вестников, про которых так много говорила мама.

– Рито!

– Нет, дохлый Педро! Проклятая капуста! И чего она к тебе привязалась, ты всю эту дребедень талдычишь не хуже других.

– Я должна знать лучше, иначе из-за меня грех падет на всю Мирию.

– Бред какой! Убить эту камбалу мало. Я тебе тут кое-что принес. Ну и темнота тут, их бы сюда! Погоди!

Вспыхнувший огонек свечи выхватил из темноты толстенные балки, заколоченное круглое окно, пол, на котором поблескивала рассыпанная каменная крошка.

– Проклятый! – Державший свечу высокий юноша лет шестнадцати, чем-то похожий на изображение святого Эрасти, скрипнул зубами. – Они что, совсем сбесились!

– Рито! – Девочка, в которой уже угадывалась будущая красавица, с ужасом уставилась на брата: – Не говори так! Это грех!

– Грех – это то, что с тобой творят. Я скажу отцу!

– Нет, – она вцепилась ему в руку, – обещай, что не будешь! Ну, Рито! Пожалуйста! Уходи! Они сейчас придут... Они...

– Никуда они не придут, – юноша опустился на корточки и притянул сестренку к себе. – Прошло пол-оры, а тебя заперли на две. Так что кончай трястись, крольчонок. Поешь лучше. Они тебя еще и без ужина оставят.

– Оставят, – грустно подтвердила девочка. – Это мне наказание за нерадение.

– Если тебя за что и нужно наказать, – прошипел Рито, – то это за глупость. А ну ешь давай!

– Но ты отцу не расскажешь? Не расскажешь?

– Слово Кэрна, хотя следовало бы. Жуй!

– Шпашибо! Ой! Мои любимые! Откуда? И, – Даро в ужасе воззрилась на Рито, – как ты сюда залез? Тебя не видели?

– Ты молчи и ешь. Меня если кто и видел, то голуби или кошки. Залез я через крышу. Ужин тебе собрала Кончита. Она эту бледную немочь любит не больше меня.

– Рито!

– Дарита! Я не буду ничего говорить отцу, но если бланкиссима с матерью не уймется, я за себя не отвечаю.

2879 год от В.И.

24-й день месяца Лебеда.

Тагэре

Олень склонил к неестественно голубой воде увенчанную золотыми рогами голову, по водной глади скользила чета лебедей с изогнутыми шеями, а с высокой башни дама в розовом смотрела вслед рыцарю на белом коне...

– Матушка!

Эстела подняла голову от вышивания:

– Да, Филипп.

– Я беру с собой Александра.

– Что ж, я не возражаю...

– Мы едем завтра.

– Хорошо. Завтра, так завтра.

– С тобой остается Жоффруа.

– Мне было бы спокойнее, если б он был с тобой.

– Александр мне будет лучшим помощником, матушка. Да и боец он отличный. Даже мне с ним трудно.

– Сын, – голос Эстелы был абсолютно безмятежным, – а с Муланом ты бы справился?

– Не знаю, – Филипп на мгновение задумался, – может быть, и нет. Мулан мне цену знал, со мной он не стал бы играть. Александра он в расчет не принял, за что и поплатился. А братишка хорош! Они же с Дени каждую ночь до седьмого пота тренировались, и никому ни словечка! Вот характерец! Мы все виноваты перед ним...

– Виноваты? – Эстела посмотрела в ясные глаза старшего сына. – Возможно, и виноваты. Как Элеонора?

– Она с матерью и сестрами...

– Да, у нее много родственников, я бы даже сказала, слишком много.

– Мы уже говорили об этом, матушка. Ну, ничего, я ее догоню. Со мной будет Сандер, а к осени я заберу в Мунт Жоффруа. Надеюсь, вы тоже приедете.

– Я бы этого не хотела. Общество Вилльо приятным мне не кажется. Кстати, Рауль со мной согласен.

– Да, кузен все еще злится. Он рассчитывал на меня, а я вот взял и влюбился, – Филипп улыбнулся своей знаменитой, чарующей улыбкой, перед которой ни одна женщина от десяти до восьмидесяти лет не могла устоять.

– Короли дорого платят за любовь, – Эстела отложила шитье, – но дороже всех за королевскую любовь платят их подданные.

– Я не Пьер Лумэн, матушка, – засмеялся Филипп, – и мне вовсе не нравилась моя кузина, к тому же Изо еще совсем ребенок.

– Зато Элеонора старше тебя на пять лет. Ты на троне без году неделя, а сделал то, на что не отважился бы сам Анхель!

– Матушка, мы же договорились...

– Я не оспариваю достоинств твоей жены. Если единственным способом затащить ее в постель оказалась женитьба, то Элеонора Гризье, без сомнения, самая добродетельная дама из тех, которых я знаю. Но жениться на вдове сторонника Лумэнов, без гроша в кармане, но

с двумя детьми и ордой родственников, нарушить негласные обязательства перед Раулем... – герцогиня поколебалась и добавила: – мой старший племянник совсем из другого теста, чем мой покойный брат. Тому были нужны Шарль и Справедливость, а этот живет для себя. Если ты перестанешь его устраивать, он подыщет другого короля, для него невозможного мало...

– Я уже взрослый.

– Я знаю, Филипп, – вдовствующая герцогиня вновь склонилась к пальцам.

2879 год от В.И.

24-й день месяца Лебедя.

Фей-Вэйа

Изящная женская рука дернула за витой серебристый шнур, и дверь распахнулась. Тоненькая фигурка в белом склонилась в поклоне.

– Ваша Иносенсия!

– Человек из Эльты прибыл?

– Только что, Ваша Иносенсия.

– Пусть войдет.

Вошедший, толстяк с добродушным, незапоминающимся лицом, кряхтя, преклонил колено.

– Встань, Гуго, эти упражнения не для твоего живота.

– Благодарю Ее Иносенсию.

– Рассказывай. То, что Мулан мертв, я знаю. Как он погиб?

– Я был при этом. Все было очень просто. Он затеял ссору с младшими Тагэре. Жоффруа и Эдвар смолчали, Александр – нет.

– Горбун? Очень интересно. Что он сделал?

– С позволения Ее Иносенсии, он выплеснул в лицо Мулану стакан красного вина.

– Дальше.

– Мулан чуть было не прибил его на месте, но было слишком людно. Граф сам хотел, чтобы были свидетели, он знал, что Ларрэн не очень смел, но на глазах горожан не сможет не вступить за честь Тагэре. Мулану пришлось удовольствоваться младшим. Он не очень огорчился, надо вам сказать. Убить уродца казалось нетрудным, а потом Ларрэн, хочешь – не хочешь, должен продолжить бой, иначе он стал бы конченым человеком. Поединок назначили на утро, все, как положено. Мулан боялся, что горбуна запрут в замке и дело сорвется, но Жоффруа и Эдвар никому не сказали. Короче, бой состоялся, и Александр прикончил нашего славного графа.

– Что?!

– Я бы и сам не поверил, но все случилось у меня на глазах. Я не шибко разбираюсь во всех этих фехтовальных штучках, но горбун вовсе не книжный червь, о нет. Думаю, он тайком учился.

– Тайком? Странно...

– Младший Тагэре горд, как Проклятый, он не хотел, чтоб над ним смеялись. Кто-то во Фло наверняка взялся учить сынка покойного герцога и преуспел в этом. Мулан не ожидал, что нарвется на сопротивление. Я слушал, что говорили зрители. Александр дерется левой рукой, это делает его серьезным соперником для любого, и он, как многие горбуны, очень силен. Тагэре держал удары и не отступал, Мулана это взбесило, он ошибся и сам насадил себя на шпагу мальчишки.

– Граф не пытался применить Силу?

– Думаю, нет. Его разозлило, что соперник, которого он собрался прихлопнуть, как муху, оказался крепким орешком. Думаю, граф не хотел, чтобы Ее Иносенсия узнала, что сам он не в состоянии справиться.

- Похоже на него. Больше ничего необычного не произошло?
- Ничего, кроме того, что я проиграл двадцать ауров...
- Тебе их возместят... погоди, а кому ты их проиграл?
- А кто его знает. Странный какой-то человек. По виду нобиль, но одет просто, консигны не видно. Лет что-то около сорока, может – больше, может – меньше, сразу не разберешь. Волосы седые, а лицо молодое. Я его никогда не видел.
- Ты уверен?
- Как в том, что вижу вас. Такого не забудешь.
- Тебе не показалось, что он как-то вмешался?
- Нет, он не маг. Он, по-моему, из тех, кто всегда ставит на темную лошадку...
- Хорошо, иди.

2879 год от В.И.

1-й день месяца Дракона.

Ариция. Эльта

В последний момент Филипп все же взял с собой Жоффруа, и теперь братья Тагэре с эскортом в полторы сотни всадников, не очень спеша, но и не задерживаясь, ехали по Морскому тракту. Море осталось позади, местность повышалась, рябины и березы уступили место дубам и кленам, кое-где поднимались пока еще невысокие холмы, некоторые из них венчали замки из светло-серого камня. Александр никогда не забирался на юг дальше Фло, и ему все было внове. Мысли металась между оставленной Эльтой и столицей, в которой ему отныне предстоит жить. Случилось то, на что он никогда не надеялся, – он едет рука об руку с братом-королем, он нужен, впереди настоящая жизнь, полная важных и неотложных дел. И все же сердце щемило. Младший из Тагэре и не думал, что так привязан к Эльте, к одинокой скале на берегу, где ему дважды встречались... Кто? Александр не был суеверным, но и золотоволосый Роман, и седой Аларик чем-то неуловимо отличались от людей. Даже таких, как его покойный отец или Рауль ре Фло. Причем, если Роман еще мог быть сном, то Аларика видело множество людей.

Лесничий Колен принял его за странствующего авантюриста, одного из тех, кто с юности до старости скитается по миру в поисках приключений. Воины от бога, они не спешат продавать свои мечи сильным мира сего, свобода и дорога – вот их кредо. А Луиза заметила в седом нобиле нечто непонятное, но отличающее его от остальных. И еще она сказала, что и на нем самом лежит та же печать. Александр вздохнул: и ящерица может напоминать дракона, но лучше прожить свою жизнь хотя бы тигром. Младшего из Тагэре немного мучила совесть, он так и не простился со своей первой женщиной, было не до того, и, кроме того, он немножко боялся новой встречи.

Со спины высокого серого коня, подаренного братом, Александр заметил в толпе красное платье. Проводить братьев Тагэре вышла вся Эльта, люди смеялись, махали руками и шляпами, девушки бросали под копыта королевскому коню цветы, но среди здравниц в адрес Филиппа Александр с удивлением уловил и свое имя. Осознание того, что Эльта его любит, поразило юношу, как громом, и одновременно он понял, что и ему безразличны все эти ремесленники и купцы. Посмеявшись над собственными мыслями: не успел занять место в кавалькаде брата, и уже ощущает себя Проклятый знает кем, Александр постарался припомнить все, что знал о государственных делах.

Увы, в Эльте питались в основном слухами. Матушка, без сомнения, знала больше, но она с младшим сыном говорила лишь по обязанности, а Филипп полагал, что в Мунте братишка во всем разберется сам. Может, и так, но в первый же день попасть вприсак не хотелось. Покинув Фло, Сандер лишился не только друзей, но и новостей. Впрочем, слабоумный Пьер Шестой,

кажется, по-прежнему сидит в Речном Замке²⁷ и призывает кузена Шарло. Зато его честолюбивую супругу вместе с объявленным бастардом сыном за двадцать тысяч ауров передали ифранскому королю Жозефу, который совершил эту покупку явно не из родственных чувств.

Теперь Агнеса со своим отпрыском обитает при дворе известного своей скупостью Паука²⁸. Сумятица в Арции для хитрого южанина что море для кэргоры²⁹ – чем глубже, тем лучше. Когда продавали низложенную королеву, все были уверены, что ее преемницей станет дочь Рауля. Но пухленькой белокурой Изабелле придется искать другого мужа, королевой же стала Элеонора Гризье-Вилльо. Говорят, она чудо как хороша.

Александр не сомневался, что избранница Филиппа – самая прекрасная женщина в мире, но то, что говорил про родичей королевы Рауль, настораживало. Кузен сетовал, что сыновья красавицы от первого брака, отец, превратившийся из заштатного барона Вилльо в графа Ревя, мать, трое братьев, пять или шесть сестер и невесть сколько кузенов и кузин обходятся Арции дороже, чем армия и флот. И все равно Сандер заранее прощал незнакомой невестке все за счастье, которое та подарила брату. Если Филипп ради этой женщины пошел против матери и Рауля, значит, она того достойна.

Юноша тайком взглянул на короля, чей белый иноходец горделиво выступал позади пажа, вздымавшего знамя с тремя белыми нарциссами. Герцог Эстре не завидовал ни красоте Филиппа, ни его короне, но при виде брата не мог не вспоминать о собственном уродстве. В Эльте к нему привыкли, да и во Фло сначала солдаты, а потом и все остальные стали относиться к горбуну с теплотой, а вот в Мунте...

Да, он брат короля, но он – горбун, а значит, будут лстивые улыбки в глаза и шепоток в спину, будет ложное сочувствие или нарочитая бодрость при разговорах с мужчинами и невольное отвращение в глазах женщин.

Что бы там ни говорила Луиза, вряд ли кто-то решится бескорыстно связать с ним свою жизнь. Что ж, против судьбы можно бороться лишь до известного предела. Люди, даже самые сильные, не могут летать или ходить по воде, так зачем об этом мечтать? Ему никогда не испытать то, что испытал Филипп, сражавшийся за свою любовь и победивший, ну так что же! Герцог Эстре будет верен своему брату, и эта верность поможет перенести все, что выпадет на его долю.

2879 год от В.И.

11-й день месяца Дракона.

Мирия. Кер-Эрасти

Бык гневно взревел и бросился на врага, но гибкий байланте³⁰ в последний момент грациозно отскочил в сторону, и черная туша пролетела мимо. Зверь с трудом остановился, подняв тучу пыли и песка, и развернулся в поисках обидчика, который не заставил себя ждать. Высокий темноволосый юноша, пританцовывая, шел к быку, вызываясь размахивая ярким полотнищем. Животное тупо уставилось на ненавистный предмет, роя землю огромными копытами, а затем кинулось вперед. На сей раз человек отступил совсем немного, алая ткань лихо проползла по спине взбешенного быка, который вновь не смог ничего поделать со своим вертким противником. Неудачной оказалось и следующая атака, во время которой юноша умудрился перескочить через зверя, используя могучую спину как точку опоры. Он откровенно забавлялся, играя со смертью. Темные волосы взмокли, белая рубашка прилипла

²⁷ Замок в Мунте на острове посреди Льюферы (построен в 2390 году при Этьене Красивом), являющийся одновременно тюрьмой и одной из императорских, а позднее королевских резиденций.

²⁸ Презрительное прозвище короля Ифраны Жозефа.

²⁹ Агрессивное крупное морское животное, обладающее природным костяным тараном.

³⁰ Байланте (*мирийск.*) – дословно «танцор». Основное действующее лицо ритуальной мирийской Байлы – пляски с разъяренным быком.

к спине. Не считая ножа на поясе, он был безоружен, но его ловкость могла поспорить с ловкостью мангуста, танцующего со змеей.

Бык устал первым, бока заблестели от пота, а пена на губах стала розовой от крови. Напоследок человек заставил зверя дважды обернуться вокруг своей оси, упиравшись мордой в наброшенный на палку алый плащ. Затем парень отскочил в сторону, с усмешкой дернул рога за хвост и, в несколько прыжков достигнув ограды загона, скрылся за распахнувшейся перед ним дверцей, лязгнувшей перед носом противника, измученного, но все еще грозного.

– Ну, Лючо, – веселое лицо обернулось к смуглому поджарому человеку, – как я сегодня?

– Очень неплохо! Жаль, тебя не увидят в Кер-Эрасти.

– И мне жаль, – засмеялся юноша, стаскивая промокшую рубашку. – Только в танце и можно жить.

Старик нежно любил своего ученика, несмотря на то, что тот был сыном и наследником мирийского герцога. В глазах любого байланте это было страшным недостатком, но Рито Кэрна сломал предубеждение Лючо, так же как и сопротивление собственной семьи, воспринявшей его увлечение как оскорбление родовой чести. Хосе Рафаэль Николас Мартинес Кэрна де Вальдец маркиз Гаэтано был упрям, как стадо быков, и смел, как свой легендарный родич Эрасти. Он решил стать байланте и стал им вопреки всему и всем.

– Ты стал бы великим байланте, Рито, – проворчал Лючо, – догадайся родиться в другой семье.

– Да я б душу Проклятому заложил, чтоб так и было, знал бы ты, как меня тошнит от того, что творится в Гвайларде. Если б не отец и не Даро, только б меня здесь и видели.

– Байла забыта по обе стороны Пролива, – покачал головой старик.

– Но со смертью можно играть и там. – Рито задумался, нахмутив темные брови. – Лючо, друг мой, моя жизнь – это моя жизнь, и я ее потрачу так, как хочу. Берег Бивней не худшее место в мире, а братец Тието сможет ползать на пузе перед капустницами куда лучше, чем я.

2879 год от В.И.

27-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

Александр изо всех сил скрывал волнение: он был в Мунте, и он ехал вместе с братом, хоть и не рядом. У городских ворот к ним присоединился кортеж королевы, выехавшей навстречу мужу. Блестящие сигноры окружили Филиппа, и если Жоффруа умудрился остаться рядом с братом, то Александр, хоть и был куда лучшим наездником, чем большинство присоединившихся, а может быть, именно поэтому, не стал оттирать конем придворных дам и кавалеров, стремившихся пробиться поближе к Его Величеству. Сам же Филипп, похоже, видел только Элеонору, и она была именно такой, какой ее Александр и представлял.

Воистину, Элеонора Гризье была рождена для трона. Другое дело, что далеко не всем женщинам, отмеченным печатью небывалой красоты, удастся взлететь так высоко, многие оканчивают свою жизнь женами купцов или мелких баронов, а то и становятся куртизанками... Красота это не все, нужен и соответствующий норов, и удача. Элеоноре повезло встретить Филиппа, но как же она была прекрасна!

Большие фиалковые глаза мельком скользнули по лицу Александра, и королева уже улыбалась супругу, а сзади и с боков напирало десятка полтора всадников. Александр придержал коня, толкаться среди чужаков ему не хотелось, пусть Филипп сначала расскажет своей королеве о братьях...

Между Александром и Его Величеством набивалось все больше народа, но младшего Тагэре это не огорчало. Более того, ему хотелось как можно дольше оттянуть знакомство с двором и неизбежные сочувственно-ироничные взгляды. Пока это ему удавалось: когда он был верхом и в плотном темном плаще, его уродство почти не бросалось в глаза.

– Сигнор в первый раз в столице?

Александр удивленно поднял глаза. С ним заговорил высокий молодой человек на пару лет старше его самого. У незнакомца было правильное лицо, которое могло показаться высокомерным и холодным, если б не открытая улыбка и живые темно-синие глаза. Сандер поймал себя на мысли, что слишком пристально разглядывает незнакомца, а это неприлично, и торопливо пробормотал:

– Да, я здесь впервые. Я из Эльты...

– И почему же вы не отстаивали права на место рядом с королем?

– Не знаю, – Александр пожал изуродованным плечом и по взгляду собеседника понял, что тот заметил его горб, – не хотелось толкаться...

– Вот и мне не хочется. Меня зовут Сезар. Сезар Малве.

– А я Александр.

– Вы надолго в Мунт?

– Не знаю, как получится...

– Это зависит от вас, – Сезар улыбнулся с неприкрытой теплотой, и Александр расплылся в ответной улыбке, – главное, не давайте тем «пуделям», которые топчутся впереди, поднимать на вас хвост. Уверяю вас, они весьма далеки от совершенства, хотя придерживаются о себе чрезвычайно высокого мнения.

– Это я уже понял, – кивнул Александр.

– Вы уже знаете, где будете жить?

– И да, и нет... Я приехал к брату, но где он меня устроит, не знаю...

– Я сейчас покину сию блистательную процессию, – улыбнулся Сезар, – у меня есть более важные дела, чем подсчитывать, сколько драгоценных камней нашили себе на воротники милейшие Вилльо, но мне хотелось бы продолжить наше знакомство. По вечерам я тренируюсь на Охотничьем дворе, это не так далеко от королевской резиденции. Вам каждый покажет, я там бываю с седьмой по девятую ору.

– Я обязательно приду, – кивнул Александр.

2879 год от В.И.

27-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

– Филипп, зачем ты притащил сюда этого несчастного? – на прелестном личике королевы застыло самое искреннее недоумение.

– Элла, я же не спрашиваю, почему вокруг тебя столько родни.

– Это и твоя родня, и самые преданные твои слуги, но уверяю, если бы мой брат или сестра родились такими, как бедный Александр, я бы скрыла этот позор.

– Человек, победивший Мулана, не может быть позором, душа моя, – в голосе Филиппа послышалось раздражение, и Элеонора это поняла.

– Ну, что ж, ты поступил, как хороший брат, но вряд ли Александру здесь лучше, чем дома, где к его уродству привыкли. Если он такой замечательный воин, отправь его на эскотскую границу.

– Почему ты хочешь, чтобы я отослал Александра?

– Я боюсь...

– Чего?!

– Когда я на него смотрю, мне страшно, что наш сын родится таким же.

– Глупости. Всем известно, что матушка, когда была беременной, упала с лошади. Ей советовали избавиться от ребенка, но отец запретил... Александр родился таким из-за несчастного случая, но ты ведь не станешь скакать на лошади в грозу?

– Не стану. Но герцогиня Тагэре не любит младшего сына и стыдится его. Это знают все.

– Ты ошибаешься. Ей тяжело смотреть на Сандера, это правда, но только потому, что она винит в его несчастье себя и не может ему помочь.

– А, теперь я понимаю, почему ты забрал его. Но мой тебе совет: чем раньше он окажется при деле и среди воинов, тем будет лучше для всех.

– Я так и так собирался взять его с собой, в Эстре опять беспорядки, а он все же эстрийский герцог. Когда Сандер наберется опыта, я наверняка поручу ему какой-нибудь гарнизон, у него получится.

– Я вовсе не имела в виду давать ему армию, – королева раздраженно отбросила за спину роскошную золотую косу, – у тебя достаточно преданных слуг. Фернан хоть сейчас готов привести в покорность любого мятежника. Уверена, он не откажется приглядеть и за твоим братом.

– Нет, дорогая, – Филипп ласково коснулся щеки жены, но голос его не допускал возражений, – пока Сандер останется со мной, а потом... Проклятый! Ставлю коня против дохлой кошки, что лет через пять малыш сам за кем хочешь приглядит!

2879 год от В.И.

27-й день месяца Дракона.

Ариция. Мунт

Им с Жоффруа отвели комнаты в восточном крыле. Апартаменты были большими и пышными, но Сандеру они показались чужими и ужасно неудобными. Вышколенные слуги предоставили королевским братьям все, что нужно, и исчезли. Жоффруа старательно приоделся и куда-то ушел, даже не взглянув на младшего брата. Александр остался один. Он просидел у окна несколько ор, но, за исключением лакеев, подававших обед, о нем никто не вспомнил. Разумеется, у Филиппа было множество важных дел.

Александр и не надеялся, что брат все бросит и будет с ним нянчиться, но отчего-то было грустно. Когда перевалило за шестую ору, Сандер решился. Одевшись как можно более неприметно – привлекать к себе внимание он никогда не любил, – младший из Тагэре вышел из своих комнат и спросил слугу, как пройти к Охотничьему двору. Это действительно оказалось рядом. Лакей предложил проводить монсигнора³¹, но Александр, чувствующий себя рядом с рослым красавцем, одетым в роскошную расшитую золотом ливрею, уродливым заморышем, отказался. Слуга принял отказ с королевской невозмутимостью и сообщил пароли и отзывы для выхода и входа во дворец. Александр, мысленно себя обругав (мог бы догадаться и сам, но в Эльте и Фло все знают всех в лицо), выскользнул на лестницу.

Вокруг толпились разряженные люди, никто из них даже не взглянул на молоденького горбуна, и младший из Тагэре, так никем и не узнанный, покинул дворец своего брата. В глубине души Сандер боялся, что Сезара не будет или он постарается побыстрее отделаться от гостя из провинции. Брат короля догадывался, что Мунт жесток и равнодушен, но увидеть брезгливую жалость в глазах так понравившегося ему молодого нобилия было бы особенно больно.

Сезар оказался на месте. Он о чем-то разговаривал с четырьмя рослыми красавцами, трое из которых были белокурами, а один – темно-русый. Больше на утоптанной площадке никого не было. Александр хотел было незаметно уйти, так как знакомство со столь блистательными кавалерами отнюдь не входило в его планы, но Сезар увидел его и приветственно замахал рукой. Отступать было поздно, пришлось подойти.

Когда Сандер под насмешливыми взглядами четырех незнакомцев пересекал площадь, он готов был провалиться сквозь землю, но дрессировка, которой подвергал его Дени, взяла свое. Юноша шел спокойно, слегка приподняв подбородок, и лицо его оставалось совершенно невозмутимым. Того, что над ним сейчас будут подтрунивать, он не боялся, но думать, что

³¹ Обращение к особе королевской крови или главе независимого герцогства, в остальных случаях – лезть.

Сезар найдет эту травлю забавной и с легкостью к ней присоединится, было очень больно. Александр лихорадочно придумывал фразы, которые должны показать, что он относится к себе не более серьезно, чем его веселые собеседники, но этого не понадобилось.

– Рад тебя видеть, Александр, – улыбка Сезара была такой же теплой, как и утром, – а я уж начал бояться, что ты не придешь...

– Кажется, виконт Малве наконец-то нашел себе друга, – лениво заметил белокурый красавец в синем, богато украшенном платье.

– Надеюсь, что так, – улыбнулся в ответ Сезар, но что-то в его тоне заставило Александра насторожиться. – Вы же знаете, как трудно нынче встретить благородного человека.

– Да, Мальвани слишком значительные персоны, чтобы искать общества при дворе. Им нужно нечто совершенно особенное, – вступил в разговор темно-русый. – И откуда же прибыл твой новый знакомый?

– Насколько мне известно, из Эльты, – невозмутимо ответил Сезар, сдувая пушинку с рукава своей темно-серой куртки.

– Значит, наш молодой и красивый гость – земляк короля? Уж не означает ли это, что Сезар Малве сменил наконец гнев на милость и решил добиваться расположения Его Величества?

– Отнюдь нет, Мальвани никогда не нуждались ни в чьем расположении, а вот королям расположение Мальвани бывало весьма полезным. Особенно в военное время...

– Да, но теперь войны не предвидится, – заверил еще один блондин, одетый в зеленое с черным и оранжевым.

– Действительно, – задумчиво согласился Сезар, – судя по тому, какими воинами окружает себя король, воевать он в ближайшие сто лет не намерен. Другое дело, если кто-то вздумает воевать с ним... При взгляде на таких молодцов, как вы, у Жозефа или Джакомо вполне может возникнуть такое желание.

– Жозеф – трус, – усмехнулся первый из вступивших в разговор.

– Да ведь и я о том же, – не стал спорить Мальвани.

Александр уже понял, что Сезар и четверка разряженных красавцев отнюдь не были друзьями, скорее наоборот. Он слушал малопонятный разговор, не имея возможности вмешаться и досадуя на свою провинциальность. Евтихий недаром ел свой хлеб, вколачивая в ученика азы риторики и диалектики, но Сандер слишком мало знал придворную жизнь, чтобы оценить всю иронию и уловить все намеки. Однако было очевидно, что разряженная четверка Сезара Мальвани ненавидела, а он их презирал и не скрывал этого. Во дворе по-прежнему не было ни души, и Эстре понял, что исход у этого дикого разговора может быть только один.

– Все знают, что Мальвани горды, как Проклятый, – повернул русский, – но и на Проклятого нашлась управа.

– Из того, что вы сказали, видимо, следует, что найти управу на меня вы можете лишь с помощью женщины? – невинно осведомился Сезар.

– Это переходит уже всякие границы, – взорвался зелено-черно-оранжевый.

– Какие именно? – изысканно улыбнулся Мальвани. – Есть ли в этом королевстве границы, которые я мог бы переступить и которые еще не переступило ваше многочисленное семейство?

– Это оскорбление, – тут уже загомонили все трое, а четвертый, в черно-розовом, старательно сделал вид, что его тут нет.

– Разве? – поднял бровь Сезар. – А мне кажется, дорогие виконты и бароны, что оскорбить вас невозможно.

– Хватит! – отрезал сине-серебряный. – Мы долго терпели, и наше терпение лопнуло. Сейчас нам никто не помешает.

– Да, ваше терпение лопнуло в удивительно подходящий момент, – засмеялся Сезар, – четверо против одного. Своей храбростью вы явно перещеголяли милейшего Паука...

– С тобой твой несравненный приятель, – буркнул русский, – всего-то два жалких виконта на одного Сезара Малве, разве это много?

– Да мне и четверых таких маловато, – отрезал Сезар, – но Александра не трогать. Он мой гость, а не секундант, и я приглашал его не для драки.

– Что ж, – подвел итог синий, бывший, видимо, за главного, – горбун может и не драться, но он останется здесь. Нам совсем не нужно, чтоб он притащил сюда твоего дядюшку с дюжиной гвардейцев.

– Я буду драться, – услышал собственный голос Александр, – ваше предложение, уж не знаю, барон вы или виконт, весьма любезно, но, как вы тонко подметили, двое на одного лучше, чем четверо, к тому же вы называли меня другом Сезара, не хотелось бы вас разочаровывать.

– Браво, красавчик, – хохотнул зеленый, – так уж и быть, мы тебя не убьем.

– Александр, – впервые лицо Сезара утратило свою безмятежность, – предоставь мне самому уладить это дело.

– Нет, – на сердце младшего Тагэре внезапно стало легко и весело, и он сам не заметил, как тоже перешел на «ты», – я привык отвечать за себя перед Богом и людьми сам. Надеюсь, я тебя не подведу.

– Тогда, – повернул темно-русый, – за дело.

2879 год от В.И.

Вечер 27-го дня месяца Дракона.

Мирия. Гвайларда

В дверь постучали настойчиво и резко, и настроение владыки Мирии сразу же испортилось. Так стучала лишь его супруга, и ее визит означал очередной неприятный разговор. Женщина, которую он когда-то любил, не только изгнала радость из собственного сердца, но и старательно портила жизнь другим, полагая себя при этом всеобщей спасительницей. Энрике давно устал проклинать себя за опрометчивую женитьбу, но отступать было некуда, и он приготовился выслушать очередное назидательное сетование, перемежающееся доносами. На сей раз гнев Эвфразии вызвал воистину святотатственный поступок. Кто-то запер бланкиссиму Дафну на всю ночь в комнате для наказаний.

– Я не сомневаюсь, что это сделал ваш сын, монсигнор, – герцогиня обличающе смотрела на супруга, и Энрике не выдержал:

– Если я не ошибаюсь, Рафаэль вышел из вашего чрева!

– Но он был зачат во грехе, – отпарировала Эвфразия, – в страшном грехе, ибо я легла на ваше ложе вопреки родительской воле и без благословения божьего. Наш сын – это небесная кара, вы должны это понять. Только покаянием и молитвой мы можем искупить наш грех. – Эвфразия, – герцог чувствовал, что закипает, – ваша последующая жизнь столь безупречна и богоугодна, что я могу с чистой совестью заниматься делами герцогства, а Рафаэль – плясать с быками.

– Ни у кого, зачатого и рожденного в грехе, не может быть чистой совести, – поджала губы супруга. – Лишь осознание собственной скверны, пост и молитва открывают перед людскими душами райские врата. Я молюсь за себя и за вас, вы же ежечасно отягощаете себя все новыми прегрешениями.

От необходимости отвечать Энрике избавило появление Рафаэля. Юноша вбежал в комнату, задорно блестя глазами.

– Вы звали меня, отец?

– Да, Рафаэль, у меня к тебе дело, но сначала ответь. Это ты запер бланкиссиму Дафну?

– Я? – Огромные черные глаза непонимающе уставились на герцога. Слишком непонимающе. – Первый раз об этом слышу.

– Вы лжете, сын мой, – вступила герцогиня, – только вы могли совершить столь неподобающий поступок.

– Я? – Глаза Рафаэля стали еще больше и безмятежнее. – Да, я не люблю и не уважаю бланкиссиму Дафну, считаю ее лгуньей и ханжой, но я никуда ее не запираю. Весь вечер и всю ночь я провел с байланте, при необходимости они это подтвердят.

– Эти грешники, оскверняющие собой вверенное вашему попечению герцогство, – Эвфразия предпочла говорить не с сыном, а с мужем, – подтвердят любое слово, направленное против истины и во вред бланкиссиму.

– Рафаэль, – в голосе герцога слышалось раздражение, хотя было не ясно, против кого оно направлено, – кто-нибудь может подтвердить ваши слова, кроме байланте, которые действительно не являются подходящим обществом для наследника короны?

– Меня видели слуги, и когда я уходил, и когда возвращался, – пожал плечами ничуть не смущенный наследник, – а по дороге в Кер-Эрасти я встретил кортеж графини Ллуэва и помог Ее Светлости сорвать приглянувшуюся ей горную розу.

– Что ж, – вздохнул Энрике, поняв, что его наследник вступил в сговор с его возлюбленной, и Рената не моргнув глазом засвидетельствует, что Рафаэль пребывал в ее обществе, – человек не может находиться в двух местах одновременно. Видимо, вы, сгнора, и ваша наперсница ошиблись в своих выводах. Бланкиссиму не любят многие.

– Но ни у кого, кроме вашего сына, не хватит наглости нанести святой сестре такое неслыханное оскорбление.

Энрике собрался сказать что-то примиряющее и отпустить жену и сына, но Рафаэль его опередил.

– Матушка, – голос паршивца удивительно верно передал интонации самой герцогини, – вы учили меня, что нет кары, которая бы не была заслуженной. Видимо, бланкиссима была наказана за свое злонравие.

– Рафаэль! Вы забываетесь.

– Отнюдь нет, матушка, – Рито был сама кротость, – нет сомнения, что святая равноапостольная Циала покарала бланкиссиму за жестокое обращение с Дариоло, заставив ее пережить то же, что по ее милости почти каждый день переживает невинное дитя. То, что никто не видел и не знает, как сие произошло, равно как и то, что волею небес, – Рафаэль старательно закатил глаза, – я имею свидетелей своей невиновности, доказывает, что ночь в комнате наказаний есть кара Господня и предупреждение.

2879 год от В.И.

Вечер 27-го дня месяца Дракона.

Ариция. Мунт

Александр достались местный трус и зелено-черно-оранжевый – видимо, эта пара в компании красавцев почиталась более слабой, но юноша не обиделся. В конце концов, он в Мунте первый день, а по его внешнему виду не подумаешь, что он путный боец. Ну да репутация дело наживное! Александр улыбнулся и, выхватив шпагу, принял стойку, сделав упор на левую ногу. Так, понятно, левша для нашей парочки в диковинку. С гонором-то у них все в порядке, но вот об уме этого не скажешь! Красавцы ударили одновременно, целясь чуть ли не в одну и ту же точку. Эх их!

Усмехнувшись, Сандер перенес центр тяжести с левой ноги на правую и небрежным поворотом клинка отвел оба выпада. Шпаги красавцев позорно ушли вниз и влево. Ну и удары у вас, господа! За такое во Фло уши дерут! Вновь сменив опорную ногу, Эстре бросился вперед, демонстративно целясь в шею оказавшемуся справа зелено-черному. При другом раскладе

песенка красавчика была бы спета, но Сандер не был уверен, что противников нужно убить, да и пикировка перед дуэлью вызвала острое желание подурачиться. Атака была показной, как говаривал Дени – «петушиной», но зелено-черный этого не знал и, не рискнув парировать якобы смертельный удар, отшатнулся, сбив труса, который грохнулся на землю.

Надо отдать ему справедливость, вскочил он быстро, но желание продолжать схватку у него стало еще меньше. Добить обоих казалось легче легкого, но стоит ли?

– Александр, – голос Сезара долетел словно бы издалека, – «пуделей» нужно пинать, но не убивать.

Ага! Значит, он правильно промедлил. На всякий случай Сандер сделал в сторону вставшего косой выпад, «поймав солнце на клинок», как учил его Гретье. Солнечный зайчик попал трусу в глаз, что его окончательно сломало. Бедняга как-то по-рачьи отступил и исчез с глаз долой. Теперь можно было спокойно заняться вторым, на лице которого читалось искреннее недоумение.

Краем глаза Сандер заметил, как Сезар со злой улыбкой на лице теснит своих соперников. Юноша даже уловил обрывки разговора. Что-то про собак... «Пудели»? Ладно, потом спросим.

Весело подмигнув зелено-черному, Сандер провел несколько стремительных атак на разных уровнях, словно бы перетекая из одной позиции в другую. «Это как музыка, – сказал ему Аларик, – ты становишься туго натянутой струной, и вокруг тебя такие же струны. Важно одно – чтобы твоя струна звучала дольше».

Красавец за ним не успевал. Не успевал до такой степени, что, возмись Сандер за дело всерьез, по зелено-черному можно было бы заказывать панихиду. Опять говорят... Эстре прислушался, не забывая дразнить соперника.

– Ну, что, «пудель»? Будешь еще на тигров тявкать?

Опять собаки... И тигры... Тагэре переместился так, чтобы видеть Малве. Ага! Тот уже разобрался с одним из противников, потерявшим шпагу и получившим изрядную царапину на щеке, но второй, в синем, держится неплохо.

Отчего-то ужасно захотелось закончить бой первым. Хотя бы потому, что противники у виконта куда приличнее, чем у него. Стыдно будет провозиться со своим одним дольше, чем Сезару с обоими. Выждав, когда черно-зеленый попытался перейти в атаку, Сандер, сощурившись, обвел его шпагу своей, и рывком увел в сторону. Виконт, или барон, невольно шагнул вперед, и сам загнал себя в ловушку. Правая рука Александра Эстре, ничуть не более слабая, чем левая, сомкнулась на правом предплечье оторопевшего черно-зеленого, а Сандер резким движением высвободил свою шпагу из сплетения и приставил к горлу соперника.

Счастливо улыбнувшись, он обернулся к Сезару.

– Не вздумай мне помогать, – крикнул виконт, – я быстро! Ну что, уроды, хорошего друга нашел себе Сезар Мальвани? Жаль, убивать вас нельзя... Ну, хоть выпорем...

2879 год от В.И.

Вечер 27-го дня месяца Дракона.

Мирия. Гвайларда

Разгневанная герцогиня ушла, шурша тяжелыми благочестивыми юбками. Сын и отец молчали. Герцог по-прежнему сидел за своим рабочим столом, Рито пристроился на ручке кресла. Шестнадцать лет – самое время делать глупости, большие и маленькие. Энрике смотрел на наследника, словно видел его впервые. Рафаэль вырос необузданным, добрым и веселым, качества, подходящие для байланте, но не для герцога. Нужно ему как-то втолковать, что на свете есть вещи, на которые не стоит замахиваться, и что злить циалианок опаснее, чем быков. Антонио это понимает, а вот Рито и Рената нет, и вряд ли поймут, за что он их и любит. Сегодня

им все сошло с рук, потому что их школярская каверза оказалась полной неожиданностью, но Дафна злопамятна, как десять элфантов, и она владеет магией.

– А теперь, когда мы одни, может быть, ты скажешь мне правду? Это сделал ты или, может, наш святой родственник?³²

– Я, – вздохнул Рафаэль, – не могу смотреть, как эта дохлая рыбина издевается над Даро! Отец, – юноша одним движением оказался на полу у отцовского кресла, как когда-то в раннем детстве, когда хотел спросить о чем-то важном, – отец, почему в замке всем заправляет Дафна? Почему Даро обещали циалянкам? Мать сошла с ума, я это понимаю, но малявка в этом не виновата. Она боится и не хочет. Да и какая из нее капустаница при ее-то красоте? Давай ее просватаем...

– Нет, – вздохнул Энрике и сказал сыну то же, что и задавшей те же вопросы Ренате, – государи не должны нарушать слово, тем более данное тому, кто сильнее.

– Эта бледная тварь сильнее тебя? – Рафаэль схватил отца за руку. – Капустница сильнее герцога?!

– Да, – уронил тот тяжело и безнадежно, – однажды я попытался отобрать у них Даро. Избави тебя Боже испытать то, что пережил тогда я. Дафна очень сильна в магии, она не часто показывает зубы, но, можешь мне поверить, я не пойду против нее. Даро не столь уж высокая цена, она могла попросить и больше.

– Отец, но ведь магия не может преступать некий предел?! Есть кардинал, есть Архипастырь, у капустниц тоже есть самая главная. В конце концов, напиши антонианцам.

– Ты хочешь сменить волка на медведя? – махнул рукой герцог. – Рафаэль, я надеюсь, что это наш первый и последний разговор на эту тему. Не смей трогать Дафну. Не смей вмешиваться в воспитание Даро. Если бы бланкиссима не была наперсницей твоей матери, девочка уже была бы в обители на правах воспитанницы. Пока она с нами, радуйся хотя бы этому.

2879 год от В.И.

Вечер 27-го дня месяца Дракона.

Ариция. Мунт

– Матушка, – Сезар радостно приветствовал немолодую, но все еще изумительно красивую женщину, – знакомься, это Александр, он только сегодня утром приехал из Эльты.

– Это замечательно, сын мой, – светловолосая сигнора с тонкой иронией посмотрела на обоих, – но, похоже, твой друг проделал этот путь бегом, а ты его сопровождал.

– Да нет же, – Сезар рассмеялся, – просто мы немножко поговорили на Охотничьем дворе со всякими братьями и кузенами.

– И что? – Смех исчез из глаз женщины.

– Их было четверо, нас двое. В прихожей лежат четыре шпаги и три кинжала. Да не волнуйся же, – Сезар улыбался, но немного виновато. – Никто из «пуделей» не пострадал, Жорес немножко ранен, но ничего страшного.

– То есть как это немножко?

– Ну, я немножко не рассчитал удар, а это скот, как назло, дернулся не туда, куда нужно... Ерунда, за неделю заживет.

– Что я слышу? – высокий сидящий мужчина в зеленом епископском облачении, дающий полное представление, каким будет Сезар через двадцать с лишним лет, вошел в комнату. – Мой племянник опять дрался с этими...

– Ну, дрался, – вздохнул тот, – но они первые начали.

– Не сомневаюсь, – заметил клирик, – но ты с восторгом продолжил. Стало быть, они полагали, что вчетвером с тобой справятся?

³² Имеется в виду сподвижник императора Анхеля Эрасти Церна (Кэрна), причисленный к лику святых.

– Даже втроем, – признал Сезар. – Люсьен, как всегда, делал вид, что его тут не было. Но с Александром у них промашка вышла. Дядя, ты не представляешь, как он дерется! Как-то подковинному, вот уж с кем бы я не хотел шпагу скрестить, разве что на тренировках... Слушай, где ты учился? – Сезар положил руку на плечо Сандеру. – Я ведь тебя даже не спросил.

– Сначала в Эльте, – честно ответил Александр, – а потом во Фло, меня учил капитан Дени Гретье. А что не так, как все, – Александр с вызовом посмотрел в глаза Мальвани, – так это потому, что я драться, как все, не могу.

– Мне кажется, наши герои должны умыться и переодеться, – сгнора Мальвани решительно положила конец разговору, и вышеупомянутые герои безропотно последовали за худым носатым слугой.

– Бедный мальчик, – мать Сезара задумчиво проводила взглядом новоявленных приятелей. – Такая беда... А сердце, похоже, золотое, да и глаза чудесные... Кого-то он мне напоминает.

– Тебе бы только молодых людей разглядывать, – засмеялся ее деверь, – неужели ты не поняла, какого друга откопал твой неподражаемый сын?

– Сезар говорит, что Александр из Эльты и что он приехал сегодня утром в свите короля...

– Похоже, он и сам пока не знает. А можно было и догадаться, по крайней мере, тебе. Ты ж его и раньше видела. Очаровавший нашу семейку горбун – это Александр Тагэре, младший сын убитого герцога. Похоже, он в Шарля не только глазами удался. Мальчишка сегодня дрался второй раз в жизни и добыл две шпаги из двух. Неплохо.

– «Похоже», – передразнила епископа сгнора, пытаясь скрыть замешательство. – И как я могла забыть?! А с кем и когда он дрался в первый раз?

– Три недели назад. С Великим Муланом, которого и убил. Похоже, то была отнюдь не случайность.

2879 год от В.И.

28-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

Король с видимым удовольствием бросил на ковер несколько шпаг и кинжалов.

– Наш спор, дорогая, разрешился сам собой. Пока я здоровался с тобой и узнавал новости, мой маленький братец успел подружиться с Сезаром Малве и подраться с твоими братьями и кузенком. Обормотов извиняет только то, что они не догадались друг другу представиться. И я намерен немедленно исправить сие упущение.

– То есть? – Элеонора закусил губку.

– Я позвал всех на ужин.

– Всех – это кого?

– Твоих родичей, моих братьев и сына Анри.

– Хорошо, – вздохнула Элеонора, – но, надеюсь, ты уже объяснил Александру, что ему с Мальвани лучше дел не иметь.

– Нет, и не собираюсь. Тигры³³ всегда были верны Арции, а из-за того, что твой отец не ладит с маршалом, я не стану ссориться с одной из самых сильных фамилий, тем паче я Анри по уши обязан. Если б не он, нас бы тут не было.

– И все равно Сезар чересчур заносчив, ему нужно указать его место.

– Он-то как раз свое место знает... Нет, право слово, я рад, что они спелись с Сандером. Тагэре всегда были сильны дружбой с Мальвани. Ну, идем?

Однако прошло больше оры, прежде чем королева была готова. Не то чтобы красота Элеоноры нуждалась в исправлении, просто та любила смотреться в зеркало, к тому же ей

³³ Сигна семейства Мальвани – лежащий тигр.

нравилось, когда ее ждут. Король уже начинал закипать, но, увидев жену в нежно-лиловом расшитом жемчугом платье и аметистовой диадеме, подчеркивающей золото волос и белизну кожи, расцвел и нежно поцеловал ей руку.

– Клянусь, Элла, ты самая прекрасная женщина в мире...

– Я предпочла бы, чтоб ты помнил об этом и в мое отсутствие, – лукаво улыбнулась Элеонора, и супруги рука об руку вышли в ярко освещенную «атэвскую» столовую. Приглашенные чинно сидели вдоль обтянутых шелком стен, и Филипп усмехнулся, заметив, что братья Эллы постарались устроиться подальше от Александра и Сезара, а отец королевы – граф Ревы то ли действительно не знает, что произошло, то ли делает вид, что не знает.

– Дорогая Элла, – Филипп подвел жену к братьям, – позволь тебе еще раз представить Жоффруа и Александра.

Королева томно протянула руку сначала среднему, потом – младшему. Стоявший рядом Филипп не мог видеть глаз своей супруги, а вот Александр, взглянув в лицо красавице-невестке, понял, что в жене брата, которой он так мечтал понравиться, обрел смертельного врага.

2879 год от В.И.

16-й день месяца Собаки.

Восточный берег Ганы

Огромный вороной конь возник из дождевых струй у самого крыльца небольшого изящного здания, по самую крышу увитого диким виноградом и жимолостью. Стройный седой человек легко спрыгнул наземь и, не заботясь о своем скакуне, взбежал на крыльцо, где его уже ждали. Странное дело, неуютный осенний ливень хлестал как из ведра, но гость, одетый полетнему легко, не казался ни вымокшим, ни замерзшим.

– Ты звал меня, – улыбнулся он хозяину, – и вот я здесь, но у меня не так уж много времени.

– Входи, Рене. Я жду тебя второй день. Прости, что вызвал тебя, я знаю, что...

– Переживу, – перебил Рене, – перейти Явеллу не самое страшное, а вот твое отсутствие у Вархи может обернуться большой бедой. Эмзар, что случилось?

– Ты войди хотя бы... Сколько я тебя знаю, ты вечно торопишься.

– И все равно опаздываю. – Рене усмехнулся, но все же прошел вперед пропустившего его хозяина в затянутую белым комнату и с удовольствием огляделся. – Хорошо все же иметь свой дом.

– Когда ты волен его покинуть, – в тон ему откликнулся Эмзар. – Выпьешь что-нибудь?

– Пожалуй. Ваши уже вернулись?

– Да, кварту назад. У башни Адены зреют рябины и порхают птичьи выводки. Земля залечила рану, но оттуда никто не выходил.

– Ты думаешь, Геро не нашла Эрасти и покинула Тарру?

– Может, и так. Но скорее они оба там и ждут своего часа. Это любимое занятие всех, над кем не властно время... Мы все ждем, хоть и не всегда знаем, чего.

– Смертные тоже умеют ждать и помнить.

– Ты о своих эландцах?

– Не только, хотя Берег Бивней готов. Роман говорит, гоблины тоже.

– И таянцы. Гардани держат слово.

– Кровь Шандера оказалась лучше моей, – взгляд Рене столкнулся со взглядом Эмзара, – хотя и в моем роду есть достойные. Я хотел бы избавить этого мальчика, сына Шарля Тагэре, от всех бед, но что я могу ему дать? Разве что показать несколько ударов... А ему, похоже, придется взвалить на плечи не только свое увечье, но и всю Тарру.

– Нэо тоже говорил о нем... Я смотрел его гороскоп. Многое сходится, но дважды мы уже ошиблись. Кричали «дракон», а это была лишь тень от облака. Может быть, полюбившийся вам с Нэо горбун так и останется братом короля. Будет его правой рукой, а, вернее, и головой, и сердцем, поднимет Арцию из руин и тихо отойдет в мир иной... Подобное уже бывало, и не раз. Хотя за горами сейчас неспокойно.

– Да, Роман рассказывал, да и сам я видел достаточно. Но Арция пока ждет. А что не может ждать?

– Варха. Я готов поклясться, что внутри что-то произошло. Нет, пламя горит и будет гореть, пока я жив! – Эмзар внезапно стукнул кулаком по изящной столешнице, и этот жест человеческой ярости и отчаянья со стороны короля эльфов сказал Рене больше, чем самый долгий разговор. – Огонь горит, Рене, – повторил Эмзар уже спокойнее, – и, клянусь Звездным Лебедем, сквозь него никто не проходил, но за ним что-то происходит. Я хочу, чтобы ты увидел сам.

– Пожалуйста, – пожал плечами Рене, – но я никогда не видел Кольца, мне не с чем сравнить...

– Дело не в Кольце, оно как раз осталось прежним, дело в чем-то, чему я не могу подобрать названия.

Они вышли под немилосердный дождь, не замечая его, миновали сначала ряд изысканных построек, затем насквозь промокшую рошу, упрямо сопротивлявшуюся приходу осени, и оказались перед Стеной. Синее, как небо в месяце Иноходца, как глаза погибшего Астена, пламя тянулось к низким темным тучам, словно земля и небо сошли с ума и поменялись местами. Ни порывы ветра, ни ливень не были властны над Лебединым Огнем. Он горел ясно и светло, как горит надежда и упрямство в сильных сердцах, какая бы вокруг них ни сгустилась мгла.

– Так вот оно какое, Кольцо Вархи, – прошептал Рене, – я знал про него, кажется, все и все равно потрясен.

– Кольцо Вархи – это память, честь и боль нашего народа, но мы пришли не за этим. Сейчас я придержу огонь, а ты заглянешь внутрь. Я уже делал это. Трижды. Два раза мы видели то, что должно, но последний раз... Это было в первое новолуние после дня Летнего Солнцестояния. Я не сразу решился позвать тебя так далеко от моря, но ты должен увидеть, что там творится. Хотя бы за прошедшие месяцы ничего не изменилось. Здесь любые перемены могут быть лишь к худшему. Нэо говорил тебе про башню Адены, ты знаешь, ЧТО мы сдерживаем все эти годы.

– Эмзар, – Рене коснулся руки эльфа, – почему ты решил заглянуть за Стену именно сейчас?

– Сам не знаю... Возникло ощущение чего-то непонятного, а потом все эти мелочи, которые встречал Рамиэрль в последние годы. Каждая по отдельности ничего не стоит, но все вместе... И я решился, а Норгэрель мне помог.

– Ты не думаешь, что оттуда что-то вырвется, едва ты уберешь пламя? Может, твои предчувствия – умело расставленная ловушка?

– Нет, в этом я уверен. Мое желание не было навеяно из-вне, и кто бы там ни был, ему не угадать, как и когда я ослаблю защиту. Смотри, только внимательно.

Рене кивнул и больше не отводил глаз от синей поверхности, по которой бежали узкие сияющие полосы, чей свет отражался в глазах эльфийского повелителя и его странного гостя. Эмзар сосредоточенно прищурился, как будто целясь из лука, и в пламени на самом верху, как раз напротив собеседников образовались и поползли вниз две щели, отрывая огромный лепесток, начавший плавно и стремительно отходить вовнутрь.

Перед Рене предстала бесконечная равнина, словно бы засыпанная только что выпавшим снегом. Он знал, что не далее чем в весе³⁴ полыхает такая же пламенная стена, однако небо над снежной гладью оставалось молочно-белым. По небу то и дело пробегали чудовищно яркие сполохи, сменявшие друг друга не в строгом порядке, присущем радуге, но словно бы по желанию обезумевшего художника, захотевшего поместить ядовито-лиловый рядом с нестерпимо-малиновым, а сверкающую желтизну, способную ослепить даже атэва, смешать с безумной зеленью. Игра красок, повторяемая мириадами снежных или не снежных кристаллов, сводила с ума, и тем не менее Рене сумел разглядеть вдали что-то вроде то ли столба, то ли башни, в центре которой, казалось, поместили яркую звезду.

И так сверкавшая сильнее любой из ведомых Рене, она стала наливаясь еще более нестерпимым светом, но длилось это не дольше мгновения – небесно-голубой лепесток, стремительно распрямившись, встал на место. После внутреннего безумия свет Кольца Вархи казался нежным и ласкающим, он снимал усталость и боль, как прикосновение женских рук, любящих и любимых.

Рене поднял глаза на едва стоявшего на ногах Эмзара.

– Ты был прав, что показал мне это. Я видел подобное. В Сером море. Похоже, наш «друг» решил перебраться поближе к своим марионеткам.

– Я так и думал, – кивнул Эмзар, с благодарностью опираясь на плечо друга, – не знаю, как он прошел и что может здесь натворить, но он владеет магией Света. Рене, я не представляю, что нам с этим делать....

Рене Аларик Аррой, император Арции, сгинувший в Сером море много веков назад, не ответил, да и что тут ответить. Иногда вопросы задают просто потому, что нет сил и дальше молчать и нести в себе неподъемный груз. Так они и стояли в струях дождя, осиянные светом Кольца Вархи. Эмзар Снежное Крыло, король последних эльфов Тарры, и тот, кто родился человеком. Они и раньше были похожи, но теперь, когда бесконечная война смела с лица Эмзара эльфийскую безмятежность, а вечность осенила своим крылом Рене из рода Арроев, это сходство стало пугающим.

2879 год от В.И.

17-й день месяца Собаки.

Арция. Мунт

По этикету к епископу следовало бы обращаться «Ваше Преосвященство», но Александр при всем желании не мог видеть в дядюшке Сезара клирика. Резкий, властный, острый на язык, Жорж Мальвани никогда не говорил ни о Книге Книг, ни о грехах и прочих церковных вещах. Возможно, находясь среди собратьев, он вел себя подобающе, но в кругу семьи брат маршала был нобилем со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сандер его любил, впрочем, он любил всех Мальвани, начиная от загостившегося в Оргонде Анри, которого он видел два раза в своей жизни, и кончая совсем юной Анриэттой. Чем неуютнее было во дворце, тем больше его тянуло в старинный особняк на площади Ратуши, где можно быть самим собой, не опасаясь насмешки или подвоха. Сегодня они с Сезаром собрались послушать знаменитого менестреля, вернувшегося в Мунт после очередной отлучки, но у Жоржа были свои планы, по крайней мере, насчет Сандера.

– С тобой хочет говорить Его Высокопреосвященство. Сезар, если желаешь, можешь поехать с нами, но нам нужно заехать в Духов Замок.

– Туда-то еще зачем? – удивился Мальвани-младший.

– Затем, – многозначительно ответил епископ. – Кстати, Сезар, ты уже второй месяц таскаешь Сандера по Мунту, почему ты не показал ему одну из главных достопримечательностей?

³⁴ Мера длины. Столько за ору проходит походной рысью лошадь.

– Да потому, что меня от нее тошнит, – хмыкнул виконт.

– Тошнит?

– Наполовину тошнит, наполовину жуть берет. Ума не приложу, чего это все на колени валяется. По мне, так оттуда бежать хочется.

– Ты мне об этом не говорил, – в голосе епископа зазвучали странные нотки.

– А ты не спрашивал, – резонно возразил племянник.

– Но Сандеру туда сходить нужно. Хотя бы для того, чтобы составить собственное мнение. Впрочем, ты его уже настроил...

– Ничего страшного, – улыбнулся Александр, – я постараюсь быть честным. Я не очень хороший знаток живописи. Может, мне и понравится. Это тот самый храм, что восстановил епископ Илларион?

– Восстанавливает, – откликнулся Жорж, – ну, хватит болтать. Поехали, негоже заставлять старика ждать.

Замок Святого Духа находился на противоположном конце длинной улицы Святого Мишеля. Именно этой дорогой почти тридцать лет тому назад везли его отца. Александр пытался представить себе, как это было, и не мог. Все выглядело таким мирным и спокойным. Днем улица превращалась в рынок. Горожанки и служанки из богатых домов с корзинами, кричащие продавцы, гогочущие гуси, безмятежные оборванцы, высматривающие ротозеев с полными кошельками, – все это как-то не вязалось с мрачной процессией, синяками³⁵, эшафотом... Зато сам замок Сандеру не понравился. Мрачный, тяжеловесный, он казался зловещим и неуместным, как старый шлем в муравейнике.

– Здесь теперь только храм или дюж³⁶ тоже?

– Замок перестроили, – объяснил епископ и уточнил: – Разделили на две части, в большей по-прежнему заправляют антонианцы³⁷, а меньшая открыта для всех. Там храм, две часовни, больница для бедных и королевский приют для сирот. Сезар, как я понимаю, ты не горишь желанием поклонить колени перед святыней?

– Не горю.

– Тогда поддержи лошадей. Пошли, Сандер.

Александр спешил и с бьющимся сердцем ступил под своды увенчанных часовней ворот. Он сам не знал, чего ожидал от Замка Святого Духа, но на душе было беспокойно, хотя никаких причин, кроме оброненных Сезаром слов, для этого не было.

Внутренний двор был замощен сероватым булыжником. С одной стороны его ограничивало унылое серое здание, про которое только и можно было сказать, что это богоугодное заведение, приютившее под своей крышей тех, за кого платит Его Величество. Несколько мальчиков и девочек в грубой суконной одежде таращились с крыльца на снующих по двору богомольцев, на крыше здания сидело множество голубей, чье присутствие печальным образом сказывалось на статуях святых, украшавших высокую мощную стену, явно построенную совсем недавно. За ней скрывалось гнездо антонианцев, потеснившееся ради того, чтобы все добрые люди могли посещать открытую Илларионом святыню. Жорж решительно направился

³⁵ Презрительная кличка сыщиков из Тайной Канцелярии, в ведении которой находились дела о государственной измене и оскорблении величества. Упразднена в 2871 году указом Филиппа Тагэре, который объявил рассмотрение подобных преступлений королевской прерогативой.

³⁶ Небольшой монастырь-тюрьма, где содержались узники, обвиненные в недозволенном колдовстве, богохульстве и ереси. В Арции для того, чтобы отправить туда человека за богохульство и ересь, требовалось согласие светских властей, но дела о недозволенном колдовстве находились в исключительной юрисдикции антонианцев.

³⁷ Орден святого Антония имеет особые полномочия при расследовании дел о ереси и недозволенном колдовстве. Предстоятель ордена подчиняется Архипастырю и имеет ранг кардинала. Он назначает своих епископов в странах Благодатных земель. Члены ордена, непосредственно занятые дознанием, именуются Скорбящими Братями и используют специфическую магию.

к пологой лестнице из серебристого камня, и Александр последовал за ним. Они миновали массивные стены и оказались внутри.

День был солнечный, и льющийся через высокие окна свет позволял рассмотреть внутреннее убранство во всех деталях. Александр огляделся, разыскивая знаменитые фрески, и... испытал полнейшее разочарование. Небесный Портал³⁸ был богат, его иконы явно вышли из-под кисти лучших иконописцев Арции, но не более того. То же относилось и к росписям на левой части потолка и стен. В храме не было ничего примечательного, если не считать облупленной, грубо оштукатуренной стены, по которой змеились мелкие трещинки. Кое-где пласты штукатурки обвалились, явив взору неопрятную кладку. Александр лихорадочно оглядывался, пытаясь понять, из-за чего загорелся сыр-бор, что здесь могло напугать Сезара и почему людей пускают в здание, отремонтированное не более чем наполовину. Напоследок младший из Тагэре оглянулся и понял, что был несправедлив. Чудо в храме все-таки было, но не такое и не там, где он ожидал. Он думал о фресках в алтарной части, а они оказались над входом.

Сандер смотрел и не мог отвести взгляд от пепельноволосой девушки, держащей на раскрытой ладони алую бабочку. Нежное лицо с печальными глазами казалось воплощением чистоты и обреченности. Святая Рената³⁹, помилованная царем язычников, могла быть только такой.

– Нам пора. – Голос Жоржа вырвал Александра из сказочного мира. Они молча вышли и сели на коней. Только когда Духов Замок остался позади, епископ осведомился:

– Что ты скажешь о Триедином?

– Триедином? – Брови Александра непроизвольно взмыли вверх. – Каком Триедином?

– Фрески над Небесным Порталом, – епископ не мог скрыть изумления.

– Большинство прихожан при виде их валятся на колени, – вставил Сезар, – а меня от них тошнит.

– Но я их не видел, – прошептал Александр, – над Небесным Порталом только старая стена с трещинами...

2879 год от В.И.

17-й день месяца Собаки.

Арция. Мунт

Его Высокопреосвященство воровато оглянулся и, вытащив с полки переплетенный в потертую кожу фолиант, сунул руку в образовавшееся отверстие. Царка была на месте, и Евгений с наслаждением опрокинул стопочку, мысленно подсмеиваясь над негодными медикусами, запретившими ему все, что только можно запретить. Хорошо хоть не сказали, что вредно дышать, а он себя чувствует ничуть не хуже, чем десять лет назад! Староват, конечно, но для клирика это не предел. Святые отцы живут долго, то ли потому, что угодны Творцу, то ли, наоборот, успевают надоесть небожителям еще при жизни, и те стараются елико возможно оттянуть личное знакомство.

Евгений хихикнул и спрятал царку в тайник. По правде говоря, ему бы давно следовало передать бразды правления Жоржу Мальвани, лучшего преемника по таким временам не придумать, но если ты надел кардинальскую шапку, носи ее до смерти. А ему нужно протянуть еще лет десять, кантисское воронье вряд ли утвердит Жоржа его преемником, уж больно тот для них чужой, а без поддержки Его Высокопреосвященства Тагэре придется несладко. Филипп правильно делает, что не таскается в Духов Замок. Евгению Илларионово детище не по душе, и

³⁸ Изготовленная в виде иконостаса двухстворчатая дверь, отделяющая большую часть храма от его южной, алтарной части.

³⁹ Святая Рената, бывшая верной дочерью Церкви Единой и Единственной, была захвачена атэвскими корсарами и продана одному из атэвских вождей. Девушка отказалась разделить с ним ложе, ссылаясь на то, что дала обет посвятить себя Церкви. Атэв сказал, что отпустит ее, если она докажет, что Творцу нужна ее жертва. В тот же миг на ее ладонь села огромная алая бабочка.

пока он кардинал Арции, главным храмом останется эрастианский собор. Впрочем, и капустницы с их Предстоятельницей (кто же знал, что малышка Анастасия вырастет в такую, прости господи, пантеру), и Илларион с его постной рожей беспокоили старого клирика куда меньше, чем дела мирские, в которых король себя вел, по меньшей мере, глупо.

Опыт подсказывал старому клирику, что десять лет относительного мира по нынешним поганым временам предел, а еще эти Вилльо... Евгений искренне любил Филиппа, но в последнее время от него сплошное расстройство. И где только он раскопал эту красотку с ее родственничками?! Вот уж журуны, почище Фарбье, те за полсотни лет насосались, а Вилльо из грязи да в князи! Евгений никогда не любил ныть о том, «что было бы, если бы», но чем больше он смотрел на нынешний двор, тем чаще ему приходило в голову, что Филипп Тагэре далеко не так похож на отца, как хотелось бы и как думалось вначале. Девять лет назад Арция была готова за нового короля огонь глотать, а сейчас даже Мальвани уехал.

Конечно, в Оргонде он нужнее, без помощи маршала Жозеф проглотит герцогство с потрохами, а каждая победа Паука – поражение Арции. То, что Филипп выдал сестру за Марка Оргондского, хотя тому до Тагэре, что мопсу до гончей, правильно. Чем больше у Ифраны врагов, тем лучше. Но лиарская свадьба стала последним умным шагом Филиппа. Потом он встретил Элеонору Гризье, и все полетело в тартарары. Он рассорился с ре Фло, пригрел свору новых родичей, от которых тошнит не только нобилей, но и простолюдинов.

Евгений на своем веку повидал немало, цветы зла расцветали и на менее благодатной почве, а Филипп словно ослеп. Анри пытался с ним поговорить. О чем – никому не известно, но на следующий день маршал собрался и уехал помогать Марку, и отъезд этот был слишком уж скоропалительным...

Во дворе зацокали копыта, и Его Высокопреосвященство из-за портьеры выглянул в окно. Так и есть. Жорж, а с ним племянник и младший Тагэре. Еще один сын Шарло. Горбун, о котором никто не вспоминал, пока тот не свернул голову окаянному Мулану. Евгений приглядывался к юноше два месяца, но откладывать разговор и дальше нельзя.

2879 год от В.И.

17-й день месяца Собаки.

Арция. Мунт

Кардинал обитал в особняке рядом с большим эрастианским храмом. Александр не без волнения рассматривал облицованное белым мирийским мрамором трехэтажное здание, украшенное барельефами, живописующими житие святого Эрасти. Сейчас он увидит человека, в семьдесят с лишним лет проскакавшего восемь диа⁴⁰, чтобы миропомазать на царство его брата. Евгений был добрым другом всех Тагэре, но Сандер его ни разу не видел. Освоившись в столице, он начал подумывать о том, чтобы через Жоржа Мальвани испросить аудиенции у Его Высокопреосвященства, но кардинал первым сделал шаг навстречу. Почему? Простое любопытство или память об отце? А вдруг нечто большее?

Жорж Мальвани с улыбкой наблюдал за своим протеже.

– Сандер, наверное, я зря это говорю, но веди себя со стариком так же, как со мной. То есть никак не веди. Будь тем, кем ты есть, и вы поладите. А теперь ступай.

– А вы?

– Еще не хватало тебя за ручку водить. Мы с Сезаром подождем в моем кабинете, – и епископ с племянником немедленно удалились. Сандеру ничего не оставалось, как последовать за дебелим клириком с источавшими мед и масло глазами. Перед тяжелой дверью с бронзовыми накладками провожатый остановился, сделав приглашающий жест, и Эстре порадовался, что встреча пройдет без участия приторного толстяка. Юноша толкнул дверь и оказался

⁴⁰ Мера длины, примерно равная дневному конному переходу.

в просторной светлой комнате, заполненной книгами: внушительные тома громоздились на столе, креслах и даже на полу. Окна были распахнуты, на подоконнике стоял глиняный кувшин с поздними полевыми цветами, а по одной из стен карабкался невиданной красоты плющ⁴¹. Комната казалась пустой. Тагэре недоуменно огляделся, и тут за его спиной раздался голос:

– Проходи и садись.

Повернувшись, Александр увидел кардинала, утонувшего в кресле, стоящем у низкого столика, заваленного свитками и книгами.

Сухощавый, невысокий, с белыми волнистыми волосами и темным, словно бы вырезанным из мореного дуба лицом, Евгений мог показаться желчным и даже злым, если бы не живая лукавинка в глазах.

– А ты мне нравишься, – без обиняков заявил Его Высокопреосвященство. – Лицом не поймешь в кого, но глаза отцовские. Даже страшно. Сдается мне, ты куда больший Тагэре, чем все остальные, вместе взятые.

– Ваше Высокопреосвященство!

– А ты не перебивай. Молод еще. Знаю, не нравится тебе, когда про семью вашу плохо говорят, но я не со зла. Если мы друг другу врать начнем, нас скоро со всеми потрохами съедят. Понимаешь, о чем я?

– О Вильо? – предположил Александр.

– Если бы, – махнул рукой Евгений, – выпьешь чего или не начал пока?

– Начинаю, – улыбнулся юноша.

– Оно и хорошо, – кивнул клирик, – ни от чего не отказывайся, не испробовав, а в вине беды нет, вся беда в людских мозгах да слабоволии. Вот, – старик хлопнул рукой по толстеному тому, – в Книге Книг про одиннадцать грехов толкуют, а я так полагаю, что главный грех – это слабость душевная, все остальные грехи – поросята от этой свиньи. И сдается мне, свинья эта изрядно твоего брата придавила. И не блести на меня глазами, а думай. Думай, герцог.

Сандер честно попытался исполнить требование кардинала, но мысли метались, как перепуганные кошки. То ему казалось, что он понимает все, то он переставал понимать хоть что-то. Внезапно старик велел:

– Расскажи мне о Мулане.

Александр рассказал, умолчав лишь про Аларика и накатившую на него и столь же стремительно схлынувшую беспомощность. В конце концов, к делу это не относилось. Евгений надолго замолчал, а потом спросил:

– Ты был в новом храме?

– Да.

– И что?

– Я увидел обычные иконы, фреску со святой Ренатой и обшарпанную стену, где должен быть Триединый.

– Так, – сплел пальцы Его Высокопреосвященство, – об этом забудь. Вредно не видеть то, что видят все, хотя, похоже, прав именно ты. Держи это знание при себе и держись от Духова Замка подальше, если сможешь. Ничего хорошего оттуда не выползет. Интересно, что бы твой отец сказал. Сезара от этих картинок мутит, мне все одно, есть они или нет, хотя на Кастигатора⁴² смотреть не люблю, страшный больно. А народ с ума сходит. И тут приходит последний из Тагэре и заявляет, что там, кроме обшарпанных стен, и нет ничего.

– Ваше Высокопреосвященство, как вы меня назвали?

⁴¹ Посох, увитый плющом, – символ Церкви Единой и Единственной.

⁴² Кастигатор (Судия) – одна из трех ипостасей Триединого наряду с Создателем (Крэатором) и Спасителем (Калватором).

– Как? Последний из Тагэре... Проклятый, – кардинал решительно пододвинул к себе графин с предназначенной для гостей настойкой, – вот так сорвется с языка, не сразу сам поймешь, что сказал...

– Ваше Высокопреосвященство!

– Заладил «Высокопреосвященство, Высокопреосвященство». Прямо птица папагалло⁴³. Может, мне что в голову и пришло, но тебе пока знать это незачем. Ты другое запомни, и накрепко. О фресках молчи. Дело это темное, лучше о нем не знать. Я Шарло говорил и тебе скажу: волшба, которой в орденах балуются, уж не знаю от кого, но добра в ней, что в кошке жалости. На отца твоего она не действовала, на тебя, похоже, тоже, и пусть об этом до поры до времени никто не знает. Заодно имей в виду, что в святых книгах вранья не меньше, чем правды, если не больше. Твой отец своему сердцу верил, и ты верь. А теперь о братце твоём.

Про слабость человеческую я тебе не просто так говорил. А теперь о гордости скажу. Гордому человеку с помойки уйти просто, а остаться тяжело. Если так и дальше пойдет, скоро возле Филиппа одна шелупонь останется. Мальвани сами по себе, но хоть не предадут, а Рауль из гордости своей, того и гляди, врагом станет. Гартажи с Крэсси тоже вот-вот зарычат. Их понять можно, они не моськи, чтобы королю и его, прости, святой Эрасти, королеве пятки лизать. Про Жоффруа молчу, не знаю, откуда такой в вашей семье взялся. Только ты и остаешься. Если ты брата бросишь, новые родичи его совсем подомнут, а с ним и Арцию.

– Но... Филипп сильный человек! Он... Когда отец и Эдмон погибли... И потом. Даже женитьба его... Он же против Рауля пошел!

– Пошел? – зло усмехнулся кардинал. – А может, повели его? Вот что, Александр, – старик встал, давая понять, что разговор окончен, – если захочешь меня видеть – приходи. Тебя всегда приму, хоть днем, хоть ночью. И запомни: твое место рядом с братом, что бы тот ни натворил. Сейчас Филипп – это Арция, а от нее и так немного осталось.

– Я люблю Филиппа, – просто ответил Александр и неожиданно улыбнулся, – мне будет легко следовать вашему совету.

2879 год от В.И.

11-й день месяца Зеркала.

Варха

Осень раскрасила высокие клены в алое и золотое. Вообще-то севернее Гелани клены, буки и каштаны росли неохотно, но эльфы, пришедшие остановить расплзающееся от зачарованной Вархи безумие, больше других любили именно эти деревья. Дети Звезд без сожалений покинули изысканные особняки Убежища и обосновались в простеньких домах, более приличествующих смертным, но отказать себе в возможности взглянуть на осенний закат сквозь пурпур кленовой листвы эльфы не могли. За шесть сотен лет на берегу Ганы вместо хмурого, сырого чернолесья поднялись столь любимые Лебедями светлые рощи, в которых журчали родники, а над цветущими до самого снега дикими розами порхали сиреневые и серебристые бабочки. Увы, безмятежную красоту этих мест то и дело нарушали кровавые стычки между не оставлявшими надежд прорваться к Кольцу северными гоблинами с их балланскими⁴⁴ союзниками и сторожевыми отрядами из Таяны и Южного Корбута.

Эмзар не сомневался, что, до того как сначала дожди, а потом и снег сделают нижнюю Таяну непроходимой, их ждет самое малое один бой, ну да не привыкать... Конечно, Лебеди могли сделать окрестности Вархи неприступными в любое время года, но поддержание магического огня требовало полной отдачи и приходилось надеяться на клинки смертных, многие

⁴³ Ярко окрашенная крупная птица, обитающая на юге Кангха, легко заучивает человеческую речь.

⁴⁴ Баллана – государство, образовавшееся из отколовшейся от Таяны ее северной оконечности, ряда небольших горных княжеств и бывшего внутреннего Эланда, находится в Союзе с государством северных гоблинов, по сути, являясь его придатком. Господствующая религия – ройгианство.

из которых остались навсегда в ганской земле. Это было справедливо, потому что эльфы в Вархе защищали всю предгорную Тарру, и это было несправедливо, потому что жизнь людей и гоблинов слишком коротка, чтобы они могли от нее устать...

Снежное Крыло невольно улыбнулся. В последнее время его все сильнее тянет на философию, в пору приглашать сюда для многомудрых бесед Жана-Флорентина... Король Лебедей задумчиво провел ладонью по темным волосам, глядя на пламенеющие деревья. Сколько раз за свою жизнь он видел осень, но так и не привык к ее неистойой, обреченной красоте...

– Эмзар, – Норгэрель вышел из расступившихся зарослей все еще цветущего шиповника и со смущенной улыбкой смотрел на старшего брата. Сын Залиэли и Ларэна так походил на Астена, каким тот был до своего первого ухода из Убежища, что Эмзару порой казалось, что время вопреки основам мироздания все же повернуло вспять...

– Да?

– Я тебя искал... Мне нужно с тобой поговорить.

– Что-то случилось?

– Не знаю... То есть случилось. Со мной.

– И что же? – Эмзару удалось сохранить спокойное лицо, но не спокойное сердце.

– Не знаю, – синие глаза Норгэреля смотрели тревожно, – меня все время тянет к Стене, даже не к Стене, а за нее... Нет, это не то, что ты подумал. Меня никто не пытается туда заманить, я не взнудан, просто я не могу ни о чем другом думать... Особенно на рассвете. И потом еще эта боль...

– Какая боль?

– Я здоров, я знаю, что здоров. Ты можешь меня считать несмышленищем, я и вправду не видел ничего, кроме своих островов и этих мест, ну разве что совсем немного, когда мы шли от Гверганды к Гане, но меня все же учила... мама. Я не знаю, откуда пришла эта боль. Обычно ее можно терпеть, но порой она становится невыносимой.

– Что именно ты чувствуешь?

– Все, кроме радости и покоя. Отчаянье, безысходность, невозможность что-то исправить, желание броситься сквозь Стену, какой-то холод, который не берет ничто: ни вино, ни магия, ни огонь... Что бы это ни было, оно рождается внутри меня. Я уверен, что никто в этом не виноват.

– Уверен? – поднял бровь Эмзар. – Это хорошо, что ты уверен, но, если ты мне доверяешь, я хотел бы убедиться в этом сам.

– Конечно.

Они молча прошли к Эмзару, дом которого был надежно защищен не только от врагов, но и от друзей, которые могли прийти не вовремя. Дело было не в том, что король Лебедей опасался за свою жизнь. После ухода последних недовольных на Острова удара в спину он не ждал, но многое из того, что он делал, было слишком тайным и слишком опасным, чтобы впутывать в это других, не столь сильных и стойких. Есть бремя, которое Правитель должен нести один. Эмзару еще повезло, у него были Клэр, Нэо, Рене... А вот Норгэрелю знать все необязательно. По крайней мере, так казалось до сегодняшнего дня.

– Садись у камина, – коротко велел Снежное Крыло, – и смотри в пламя.

Король Лебедей подошел сзади к брату и положил руки ему на плечи, сливая свою память и чувства с памятью и чувствами Норгэреля. У племянника такие вещи получались лучше, но копыта седьмого по счету Топола топтали арцийские тракты, а ждать было нельзя.

2879 год от В.И.

11-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Мунт оказался отнюдь не так жесток и равнодушен, как Сандер опасался. Напротив. Город и его жители оказались на удивление дружелюбными и снисходительными к горбатому северянину. Возможно, дело было в Сезаре. Виконта Малве столица обожала, равно как и его уехавшего в Оргонду отца, и дядюшку-епископа, в котором видела преемника Евгения. Сандер часто ловил себя на мысли, как ему повезло, что судьба в первый же день послала ему Сезара. Тот был старше на три года, но в их отношениях не было ничего от сигнора и аюданта. Виконт с удовольствием показывал Сандеру Мунт, они обсуждали лошадей и оружие, часами оттачивали свое мастерство на Охотничьем дворе или спорили над минувшими битвами и философскими трактатами.

Странное дело, до приезда Александра близкого друга у Сезара не было, хотя приятелей хватало. Большинство из них с готовностью протянули руку и младшему Тагэре. Резкий на словах, но невероятно добрый сын графа Гартажа Одуэн, вечно в кого-то влюбленный Этьен Ландей со своими стихами, молчаливый Никола Герар, кузены Крэсси, взбалмошный Поль Матей, братья Трюэли, веселые и непонятные, как и их знаменитый дед, – все они отличались удалью и неприкрытой ненавистью к выскочкам Вилльо.

Сандер понимал, что дружба с врагами королевы вряд ли радует Филиппа, но это была дружба, а вот с новоявленными родственниками отношения не складывались. После пресловутой дуэли и примирения на глазах у короля Сандер обращался со свежее испеченными виконтами и баронами осторожно, как с тухлыми яйцами – не дай бог разбить. Вилльо платили герцогу Эстре настороженной вежливостью. Неудивительно, что, оказываясь в одно и то же время в одном и том же месте, они старались держаться друг от друга подальше. Родня Эллы крутилась вокруг царственной четы, а Александр, сам того не замечая, оказался центром другого лагеря. Это его огорчало, но иначе не получалось. Чем больше он узнавал Вилльо и Гризье, тем отвратительнее они ему казались, причем каждый был мерзок по-своему.

Отец Эллы, на старости лет ставший графом Реви, удручал удушающей смесью подобию страстия и высокомерия. Старший из братьев королевы Фернан получал удовольствие от власти над кем бы то ни было, Жорес, видимо, судил о других по себе, во всем и во всех видя лишь самое грязное, а Винцент был непроходимо глуп, нагл и тщеславен. Кузен Люсьен оказался мелочным, трусливым и лживым, а подрастающие в Аганне сыновья Элеоноры от первого брака, по словам Луи Трюэля, обещали вскоре затмить пакостностью своих многочисленных дядьев. При этом все родственники Ее Величества отличались удивительной жадностью и редкостной красотой, которую сами же сводили на нет полным отсутствием вкуса и чувства меры. Неудивительно, что Вилльо стали притчей во языцех, а когда весельчак Луи обзавелся четверкой ученых пуделей, откликавшихся на клички Жор, Фер, Вин и Люс, Мунт прямо-таки взорвался куплетами и песенками, повествующими о собачонках, возомнивших себя львами.

Это было бы смешно, если б «пуделя» не сжирали чуть ли не треть казны, и если бы они не стали ближайшими приятелями Филиппа. Александр чувствовал зреющее в городе раздражение и не мог ничего поделать. Говорить с братом-королем после матери, кардинала, маршала, графа Обена было бессмысленно, не говорить было нельзя. Сандер чуть ли не каждый вечер давал себе слово завтра же выложить все, что думает, но каждый раз что-то мешало. Когда чего-то не хочешь и боишься, всегда найдешь предлог потянуть еще немного... Дени наверняка бы счел это трусостью, да и Рауль тоже. Хотя бы ради них Сандер должен был попытаться. Завтра же! Больше он не станет откладывать.

Александр подошел к окну. Полнолуние... Что же все-таки за фигуры проступают на серебряном диске? Атэвы видят там своего пророка, а в Эльте говорят, что на Луне свил гнездо огромный Орел и смотрит оттуда на землю... Младший из Тагэре распахнул рамы и уселся на подоконнике, подставив лицо холодному ночному воздуху. Когда-то на этот двор с фонтаном и аккуратными клумбами, правда, из других окон, смотрел его отец. О чем он думал?

Сандер был слишком мал, чтобы заслужить отцовскую откровенность, но герцог был с ним неизменно ласков, хотя по-настоящему говорил с младшим сыном лишь трижды. Два раза, застав его одного на своей любимой угловой башне, и перед своим последним отъездом, когда, вопреки дурным приметам, поворотил коня. Мать так и не простила, что последние слова и последний поцелуй достались ему, уроду и выродку... Ну, почему, почему он всегда чувствует себя перед ней виноватым? Что он сделал не так? Или все дело в его увечье, о котором добрые люди столь настойчиво уговаривают забыть, что еще хуже насмешек и издевательств...

Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре – это завещание отца и его благословение. Решено! Он выскажет Филиппу все, и будь что будет, пусть даже его отошлют назад в Эльту.

Странно, почему ему в последнее время кажется, что его красивый и сильный отец был несчастен? Что на самом деле произошло между ним и матерью? Сандер, конечно, слышал историю про Делию ре Фло, но не верил ни одному слову. За годы, проведенные в замке Рауля, он достаточно узнал свою вдовую тетку, чтобы понять: между ней и Шарлем Тагэре ничего не было и быть не могло. Делия была глуповатой, но доброй и искренней, она бы не смогла ничего скрыть. А вот он может... Никто ничего не знает ни о Романе, ни об Аларике, открывшем ему заветные приемы, ни о странных вещах, случившихся во время дуэли. Теперь Сандер почти не сомневался, что Мулан пытался колдовать, но у него сорвалось. Почему? Ошибся, передумал или вмешался Аларик? Сын Шарля Тагэре дорого бы дал за еще одну встречу с седым воином, но ищи ветра в поле!

Что-то ощутимо ткнуло под локоть, и Александр вздрогнул от неожиданности. Кошка! Большая, черная, с узкой хищной мордой. В лунном свете короткая шерсть зверька блестела, словно полированный гематит.

– Ты чего? – Сандер не очень уверенно коснулся лоснящейся спинки. – Ты здесь живешь?

Кошка, видимо, сочла вопрос приглашением. Коротко мявкнув, она перебралась Сандеру на колени. Юноша почесал ночную гостью за ушами, и та, милостиво прищурив глаза, замурлыкала. Александр Тагэре сидел на окне и смотрел, как редкие облака пересекают лунный диск. Кошка уютно урчала, снизу доносилось журчание фонтана, пахло сожженной листвой и какими-то поздними цветами, не известными на Севере. Ночь приближалась к середине, но спать совершенно не хотелось, напротив. Впрочем, в полнолуние не спится многим, а завтра к тому же был день его рождения. Лучшего времени, чтобы поговорить с Филиппом, не найти. А вдруг брат тоже не спит и сейчас один?

Сандер бережно, но непреклонно снял с колен разнежившуюся кошку, натянул поверх рубашки куртку и выскользнул из покоев, правда, его ночная гостья его опередила, тенью скользнув вперед. Странное дело, почему-то нигде не было видно стражников. Неужели Филипп так уверен в себе, что снял внутренние караулы, никому ничего не сказав? Это выглядело по крайней мере странным. На всякий случай Сандер решил проверить и по узкой лестнице поднялся на внутреннюю галерею, опоясывавшую двор. Так и есть, никого! Возвращаться герцог Эстре не стал. К королевским покоям можно пройти и через Малую Тронную. Надо же, а кошка все еще идет с ним. Ну и пусть... А может, она голодная? Проклятый, почему у него нет привычки Жоффруа брать на ночь еду? Дворец большой, поваров чуть ли не армия, а накормить приблудившуюся животину нечем...

– Нет у меня ничего, – покаянно сообщил Александр негаданной спутнице, но та и ухом не повела, продолжая трусить рядом, – ну, хочешь идти, иди.

Говорят, Пьер Шестой сошел с ума от страха перед кошками, а причиной наверняка была такая же оголодавшая мурлыка, забравшаяся в открытое окно. А дверь в Малую Тронную распахнута... Обычно ею пользуется прислуга, но ночью ей здесь нечего делать. Сандер заглянул внутрь. Зал, который назвать Малым можно было, лишь сравнив его с Большим, был пуст, но свечи в свисавших с потолка огромных люстрах ярко горели, освещая черно-золотые ковры, пустующий трон, оружие и портреты на стенах. Оружие... Оно-то откуда здесь взялось? Вчера

не было, да и картины поменяли. Очередная прихоть Эллы? Она может людей заставить и ночью работать. А это что?! Заглядевшись на картину весьма вольного содержания (надо же такое вывесить в тронном зале), Сандер обо что-то споткнулся и с удивлением обнаружил, что это корона.

Корона, которая невесть сколько лет по ночам лежит у королевского изголовья, валялась на полу, как какая-то негодная железка. Сандер поднял тяжелый золотой обруч, усыпанный нестерпимо блестящими самоцветами. Придумать сколь-нибудь приемлемое объяснение такому безобразию юный герцог не успел, так как в зал ввалились какие-то люди. Несомненно, их целью была королевская опочивальня, примыкающая к Малой Тронной. Сандер изо всей силы закричал, чтобы предупредить брата и, сорвав со стены кстаи оказавшуюся там шпагу, опрометью кинулся к двери Филиппа. Корона мешала, но отдавать ее неизвестным, которые (Александр это понял сразу) пришли не только убить короля, но и завладеть венцом Волингов, было нельзя. Юноша изо всей силы заколотил кулаками в дверь. Внутри было тихо, как в могиле. Замирая от ужаса – вдруг он опоздал, Филипп уже мертв, а убийцы вернулись за оброненной ими короной, – Александр изо всей силы ударил в дверь ногой, и тонкая, слишком тонкая для королевской опочивальни дверь распахнулась.

Филипп и Элла мирно спали в объятиях друг друга. Именно спали. Сандер видел, как мерно вздымается грудь брата и трепещут ресницы королевы. От крика и грохота проснулся бы и мертвый, но спящие даже не шевельнулись. Опоили! Опоили, убрали стражу, во всем крыле сейчас вряд ли найдешь бодрствующего человека... А может, это магия? Но ведь епископ Илларион вроде бы извел всех арцийских колдунов. Впрочем, чего гадать, сейчас главное выжить! Сандер поудобнее встал в дверном проеме, поджидая убийц. Их было четверо, в лицо он никого не знал, хотя по повадкам угадывались опытные, уверенные в себе бойцы. Но на сопротивление они не рассчитывали, иначе бы оделись для настоящего боя, а так ни доспехов, ни мечей. Только шпаги. Придворное оружие, годящееся разве что для дуэлей. Но ему это дает шанс!

Корона мешала, и Сандер не придумал ничего лучше, чем надеть ее на голову. Она легла, как влитая, сразу стало тяжело и неудобно, но хоть не придется о ней беспокоиться, да и от рубящего удара сверху прикроет. Сзади спал брат, впереди была смерть, и между ними оказался лишь он, Александр Тагэре. Что ж, Сандер, этот бой пострашнее стычки с «пуделями» и драки с Муланом. Тогда смерть была твоей личной неудачей, сейчас ставка неизмеримо выше. Жизнь брата и судьба Арции – вот цена твоей шпаги нынче ночью. Усилив воли Сандер унял колотившееся сердце и в последние мгновенья постарался припомнить все, чему его научили Дени и Аларик.

Защищать двери удобнее, чем метаться по залу – и спина прикрыта, и те, кто за спиной, но Сандер решил рискнуть. «Пудели» уже научились принимать его всерьез, но по ухмылкам нынешних противников юноша понял – его держат за нахального, бестолкового щенка. Отчего б не подыграть? Александр резко отступил влево, освобождая проход и вдобавок открывая правый бок. Клонут? Есть! Один устремился в незащищенную дверь, двое других явно собирались прикончить подставившегося дурачка, а четвертый, чтобы не толкаться и не мешать товарищам, сделал пару шагов назад. Они не были знакомы с Алариком!

Поняв, что уловка удалась, Сандер не мешкал. Переложив шпагу в правую, он развернулся стремительно и изящно, словно в бешеном мирийском танце, только этот пируэт был исполнен особого смысла. Полукруг слева направо с одновременным переносом веса тела на правую ногу и резкий выпад снизу вверх. Он не только отбил нацеленное на него оружие (это можно было сделать и проще), но и полоснул по шее того, кто проскочил в дверной проем.

Удар вышел даже удачнее, чем Сандер задумал. Кровь хлынула фонтаном прямо в глаза обоим бросившимся на него разбойникам, и Александр не преминул этим воспользоваться, двумя четкими ударами добив ослепленных. Не ожидавший такого поворота четвертый замеш-

кался и тут же получил сильнейший укол в неосторожно выставленное вперед предплечье. Резкая боль в руке притупила реакцию, а следующий выпад в сердце стал смертельным.

Про знаменитый двоянный удар Счастливого Рене некогда знали все забияки Благотных земель. Но повторить его не мог никто. До сегодняшнего дня. Откуда он это знает? Неважно...

Прислонившись к стене, Сандер перевел дух и поднял глаза. Проклятый! Все, оказывается, только начиналось. На смену убитым пришли другие. Эстре так и не понял, откуда они взялись.

– Отдай корону и можешь уходить, – пожилой воитель с императорскими нарциссами на тунике глянул на него с таким презрением, что Сандер как никогда осознал свое убожество.

– Уходи, – подтвердил высокий благообразный старец в архипастырском облачении, ступавший вслед за воином, – ты нам не нужен. Утром, если хочешь, можешь вернуться и подобрать, что останется.

– А останется не так уж и мало, – заверил еще один, тучный, с короткой бородой, раздетый в черное и красное.

– Уходи, пока позволяют, – жалкий человечек с помятым женоподобным лицом выглянул из-за спины воина с нарциссами, – они возьмут все, что хотят. Они всегда берут.

– Они рождены брать, – печально кивнул еще один, совсем молодой, со смутно знакомым лицом. – Беги, спасайся, лучше жить, чем не жить.

Александр быстро оглянулся. Брат по-прежнему спал, а вот Элла проснулась и в ужасе забила в глубь постели. Он крикнул ей, чтобы она постаралась разбудить Филиппа, но та, похоже, вовсе обезумела от ужаса. Приводить ее в порядок было некогда, и младший из Тагэре повернулся к врагам. Клирик, если только он не колдун, не в счет, так же как и те двое, что отговаривали от драки. Самый опасный – тот, с нарциссами. Но и черно-красного сбрасывать со счетов нельзя. Нападут одновременно или по очереди, и знают ли они прием со сменой рук?

Однако те не нападали, только первый свистнул лихим охотничьим свистом, и в Тронную вбежала свора собак. Это были не медвежьи гончие, не волкодавы, а всего лишь «пудели», левретки и болонки, но их было много. Черно-красный вскинул руки и что-то пробормотал, и из неосвещенных углов полезли полчища крыс. Сандер поудобнее перехватил шпагу. Этого еще не хватало! Мерзкие твари приближались сплошным шевелящимся ковром. Неустанно твякающие собачонки и молчаливые крысы, большие, жирные, с мутными, словно слепыми глазами... Они шли на собачий визг, как идет слепец на голос поводыря. Сандеру стало страшно, но отступить было некуда. За спиной истошно завизжала Элла, этот звук вкупе с собачьим лаем разбудил бы и мертвого, но не спящего короля. Неужели никто ничего не слышит? Хотя кому слышать, он один и рассчитывать может лишь на себя.

Но помощь все-таки пришла, хоть и не та, которую он ждал. Собачонки и крысы остановились, не решаясь идти навстречу своим извечным врагам. Сандер не заметил, откуда выбрались кошки, родные братья и сестры той, что пришла к нему вечером, но черные хищницы, хоть их едва ли было больше полудюжины, были настроены весьма решительно. Но и это было не все. Что-то тяжелое и мягкое коснулось его бедра, и Сандеру показалось, что он сходит с ума. Рядом с ним стояли два черных льва. Огромные гривастые коты скалили зубы, давая понять, что нападающим придется иметь дело с ними.

Вперед двинулся воин с нарциссами на груди, львы сделали шаг ему навстречу...

– Погодите, – мелодичный женский голос произнес всего одно слово, но странные животные тут же исчезли, лишь одна из кошек продолжала путаться в ногах юноши, с ненавистью глядя на прекрасную женщину в белом. – Мальчик, я хочу поговорить с тобой, – красавица обворожительно улыбнулась, нетерпеливым жестом велел всем прочим отойти, и те отошли.

– Мальчик, – как же она была хороша, – не мешай воинам делать свое дело. Ты их не остановишь, только погибнешь зря. Те, кого ты хочешь защитить, тебя не стоят. Твои братья тебя предадут, не задумавшись. Твоя невестка тебя ненавидит, ты слишком благороден, чтобы избавиться от них, но если судьба идет тебе навстречу, зачем ей мешать? Корона идет тебе, очень идет. Посмотри в зеркало, сам увидишь... Неужели ты захочешь ее отдать и стать таким, каким ты был до этой ночи? Я знаю, что за желания ты загадал, когда выезжал из дома. Они могут сбыться.

Ты хотел блага Арции? Но от кого это зависит, как не от короля? Ты хотел, чтобы тебя любили? Тебя будут любить, мудрых и сильных всегда любят. Ты хотел избавиться от горба, королевская мантия скроет его. Ты будешь лучшим королем, чем Филипп. И ты это знаешь. Смерть твоих братьев и королевы с ее сворой – благо для Арции. Вы с Раулем вернете ей былое величие. Мы хотим помочь Арции. Арции и тебе. Ну же, мальчик, уйди. Филипп спит, он ничего не почувствует, обещаю, его смерть будет легкой.

Нежный голос завораживал, а из зеркала на ставшей вдруг такой близкой противоположной стене на него глядел стройный человек в королевской мантии с искрящейся короной на темных волосах. Когда он с усилием оторвал глаза от отраженья, воин с нарциссами стоял совсем рядом. Высокий, уже в годах, с жестким, словно выкованным из стали, но удивительно притягательным лицом, он спокойно и властно ожидал, когда ничтожный мальчишка отдаст почести истинному величию и уберется с дороги, но Александр с криком «защищайтесь!» бросился вперед. Незнакомец небрежно взмахнул шпагой. Клинки со звоном сшиблись. Он был невероятно, немыслимо силен, но Сандер выдержал. Оба одновременно отпрянули назад. Стальной сделал выпад, один из выпадов Аларика! Александр отбил.

Вновь звон металла, стальной блеск в глазах противника... Сейчас он попробует сменить руку... Так и есть! Угадал! Что ж, у него остался последний прием. Аларик сказал, что его не знает никто, но сейчас еще не время.

Странно. Во взгляде соперника мелькнуло нечто похожее на одобрение. Видно, в отличие от Мулана, этому воину убийство желторотого претило, но бой оказался честным. Да, бой будет честным и смертельным... Сандер бросился вперед в низком выпаде, но его шпага встретила пустоту. Противник исчез. Исчезло все – залитый кровью пол под ногами, зеркало на дальней стене, картины, убийцы, люстры с горящими свечами...

Александр словно бы стоял в пустоте, осиянной жемчужным светом, но неудобства это не доставляло. Наоборот, никогда в жизни ему не было так хорошо и покойно, а потом он увидел Его. Легкая фигура в светло-серых одеяниях словно бы возникла из сияющих глубин, и раздался голос, негромкий, глубокий, преисполненный величайшей любви и понимания. Пришелец звал его с собой, он любил его, он знал о нем все. И детские обиды, и смешные мечты, и скрытые от всех остальных слезы.

Все существо Сандера ответило на этот зов, рванувшись навстречу человеку в сером, и тут сзади раздался надсадный кошачий вопль, отвратительный в своей неуместности в этом месте, исполненном отрешенного покоя. Крик повторился. Ах, да... Тронная зала... Что так давит ему виски? Корона... Корона Волингов на голове, а на руках кровь... Он убил человека... Он и раньше убивал, как же это ужасно... Кошка опять завопила. Где она? Ах да, Филипп! Пока он тут, убьют Филиппа. Он должен вернуться...

Из жемчужного сиянья проступили смутные силуэты с обнаженными клинками. Александр стиснул эфес, гадая, куда лучше нанести удар.

– Опомнись, сын мой, – незнакомец встал между ним и его противниками, бездонные, исполненные величайшего сострадания глаза смотрели прямо в душу. – Забудь о том, что ты оставляешь. Это лишь прах и тлен. Оставь корону и меч и иди за мной следом. Твои помыслы чисты, на твоих руках не столь много крови, чтобы ты не мог ее отмыть. За тобой пустота,

перед тобой же люди из плоти и крови. Они грешны, но если ты остановишь их мечом, их кровь падет на тебя, и я уже не смогу ввести тебя в царствие свое. Оставь же их, сын мой, я жду тебя.

...Сын мой... Так с ним еще никто не говорил. С такой добротой и любовью. И вправду, зачем ему чужая корона и этот меч? И что ему эти люди? Филипп! Но брата там нет, человек в сером не может солгать. Сандер лихорадочно обернулся. Опочивальни не было, сзади была лишь пустота, как и говорил незнакомец! Нет, не пустота! Он словно бы стоял на вершине горы и смотрел на раскинувшийся внизу Мунт. Вот изогнувшаяся, как атэвский клинок, Лююфера, вот купол собора святого Эрасти, вот нестерпимым сияньем горят шпили замка Святого Духа... По ниточкам улиц ползут похожие на букашек люди и лошади, на площади кипит ярмарка. Разве это прах и тлен?!

– Они грешны, их не спасти. Им не нужна твоя жертва, они отринули небо, и небо отринуло их. Иди за мной и не оборачивайся...

Уйти. Навсегда. Туда, где нет ничего, кроме Света и Любви, где никто не оскорбит, не унизит, где он будет любить всех и все будут любить его, но...

Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре! Он не может уйти, и он не уйдет.

Огромные скорбные глаза человека в сером. Он его любит, он ждет его. Он хочет его спасти... Но спасение ценой предательства всех этих людей, не подозревающих о том, что их ждет гибель? Он – Тагэре. На нем корона Волингов. В руках у него меч. Только перешагнув через его труп, эти, из мглы, пройдут.

Странник говорил что-то еще, но Сандер заставил себя не слышать, сосредоточив свое внимание на противниках. Вряд ли они навалятся все, неудобно. Значит, будем сражаться по очереди. Жаль, что он не надел кольчуги, ну да что жалеть о том, что не сделано...

2879 год от В.И.

11-й день месяца Зеркала.

Варха

Равнодушные лунные лучи серебрили темные воды Ганы, в студеное черное небо не было ни облачка, даже ветер и тот уснул в покрытых инеем умирающих травах. Дни стояли солнечные и теплые, но по ночам подступающая зима брала свое. Было ясно и тихо; лишь за поредевшими кленами и буками прорезали тьму синие сполохи, да из орочьего лагеря тянуло дымом – «Зубры» коротали ночь у костра, готовые к любым неожиданностям. Для горцев все в этой жизни было понятно. Союзники-эльфы с помощью магии сдерживают страшное зло, приспешники этого зла норовят ударить Хранителей Огня в спину, а дело орков и таянцев принять удар на себя. Пятисотлетняя война, раздиравшая нынешнее Междугорье⁴⁵, выковала железное племя, не знавшее, что значит спокойствие... Да, эти смертные не знают мира. А он сам и его соплеменники? Разве они не забыли о покое, как раньше забыли о былом величии?

Эмзару вдруг захотелось подойти к орочьему костру, пошутить с высокими узкоглазыми воинами, попробовать испеченного на углях кабаньего мяса, угостить в ответ старым вином, которое гоблины наверняка не оценят, но все равно будут искренне благодарны. Рядом с ними все просто и понятно, рядом с ними перестаешь искать ответы на проклятые вопросы, которых становится все больше. Вот и сегодняшний разговор с Норгэрелем прибавил к бесчисленным тревогам и сомнениям еще одну.

Снежное Крыло, хоть и рискнул объединить свою память с памятью брата, так и не понял, что же с тем происходит, разве что ощутил страх и боль, которую тот носил в себе. Удивительно еще, как бедняга дотерпел до сегодняшнего дня. Эмзар поднял глаза к луне, пытаясь поймать что-то зыбкое, ускользающее... Он был уверен, что Норгэрель не стал жертвой сущности из тонкого мира. Случалось, заклятья мага падали на него самого, причем выражалось

⁴⁵ Междугорье – область между Лисьими горами и Корбутом.

это в весьма причудливой форме, но это явно был не тот случай. Враги? Эмзар верил всем, кто остался у Кольца, да и не было в Тарре эльфа, умевшего то, чего не умел король Лебедей.

Ройгианцы, Преступившие из числа людей, ороuchi жрецы, немногочисленные слуги Первых богов Тарры, все они владели магией, оставлявшей характерные, только ей присущие следы, но здесь не было ничего подобного. Только смертный ужас, холод и безнадежность, сжигающие даже не жизнь, но волю к жизни... Конечно, был еще Рене, о судьбе которого даже Эмзар думал с содроганием, но тот сам выбрал свою нынешнюю дорогу и взнуздal свою боль, как атэвы взнуздывают диких коней. Но муки Рене, равно как и его схватка с небытием, это совсем иное.

Бедный Норгэрель. Он терпел, сколько мог, а потом пришел к нему, как старшему, надеясь на помощь, но не получил ее. И у него еще хватило силы улыбнуться перед уходом и его же успокаивать! Говорят, его отец был таким же... Если так, мать можно понять. Но что же это за напасть?! Не узнав причины, нельзя лечить следствие. Будь причиной несчастья Варха, брат не был бы единственной жертвой. Внутрь Кольца заглядывали четверо, а беда случилась лишь с одним.

Четверо, нет, трое. Он все время забывает, что Рене самой смертью защищен от опасностей, грозящих живым. Но ведь с ним самим ничего не случилось, а он видел сверкающее безумие дважды, да и Нэо как ни в чем не бывало отправился посмотреть, что творится за Лисьими Горами, и заодно проведать своего «приемыша», как он называет младшего сына погибшего Шарля Тагэре. Александр – живой вызов року, звезды четырежды приговорили его к смерти, а он все еще жив. Так в свое время вопреки судьбе выходил из всех передрыг Счастливчик Рене. Неужели кольцо все-таки замкнулось или вот-вот замкнется? Первый из императоров, последний из королей... Нет, пока еще рано делать выводы...

Король Лебедей решительно набросил плащ, бросил в сумку пару фляжек старинного вина и вышел в осеннюю ночь. У него больше нет сил думать, и он ни за что не уснет.

Холодный рассвет Снежное Крыло встретил вместе с гоблинами.

2879 год от В.И.

12-й день месяца Зеркала.

Ариция. Мунт

Александр проснулся сразу, но долго лежал, вглядываясь в светлеющее небо за окном и пытаясь догнать ускользающий сон. Он совершенно точно помнил, что видел что-то очень и очень неприятное, пожалуй, даже страшное, но отчего-то злился на память, милосердно избавившую его от дополнительного груза. Дворец Анхеля понемногу просыпался. Под распахнутым настежь окном звенели оружием и топали стражники, и это непонятно почему вызвало у Сандера немыслимое облегчение. Пробило семь с четвертью. Пожалуй, пора вставать.

Вообще-то в день рождения можно поспать и подольше, но Сандер еще летом решил никому ничего об этом не говорить. Филипп и Жоффруа наверняка забудут, а другие и вовсе не знают, ну и прекрасно! Свои именины и дни рождения Сандер ненавидел с раннего детства. Ненавидел, потому что оказывался в центре внимания и был вынужден выносить сначала слезливое сюсюканье женщин, потом стеснительное панибратство мужчин. Ему говорили обычные в таком случае глупости, и от неисполнимости пожеланий и оттого, что приходилось целый день благодарить, улыбаться и делать вид, как он рад и счастлив, хотелось выть и кусаться. Тянуло надерзить и убежать туда, где его никто не найдет, хотя бы на ту же Эльтову скалу, но приходилось терпеть. Хорошо, что сегодня этого не будет. А ведь через четыре часа ему исполнится семнадцать. В этом возрасте герои старинных легенд отправляются совершать подвиги, спасать красавиц, убивать чудовищ, находить сокровища...

Филиппу не было девятнадцати, когда Евгений помазал его на царствование. А Эдмон так и не дождался ни своего семнадцатилетия, ни посвящения в рыцари... Посвящение... Сандер

хотел и боялся заговорить об этом с братом, рыцарская цепь куда дороже короны северного герцогства, которого он никогда не видел и не увидит. Но сначала он выскажет все, что думает о Вилльо, даже если это выведет Филиппа из себя.

Александр Тагэре вздохнул, встал с кровати и подошел к висящему в простенке небольшому зеркалу. Из серебристой глубины на него смотрело худое сероглазое лицо, обрамленное темными, слегка выющимися волосами. Не красавец, конечно, но с таким лицом жить вполне можно. Если бы не плечо... Рука привычно потянулась к гребню и коснулась чего-то влажного и прохладного. Сандер взглянул и не поверил собственным глазам: на темном дереве лежали три совершенно неуместных в осеннюю пору нарцисса. Три живые белые звездочки с дурманящим запахом казались только что сорванными. Сандер поднес цветы к лицу. Откуда они? Почему сегодня? Как попали в запертую изнутри комнату? Через окно? Слишком высоко, и он ничего не слышал, а он всегда спал очень чутко.

Странное дело, но три весенних цветка в росе наполнили душу неведомым, летящим счастьем. Кто бы их ни принес, это был друг, и он любил его. Александр улыбнулся своему отражению, бережно поставил цветы в хрустальный кувшин, натянул куртку и, насвистывая – небывалое дело, – помчался на Охотничий двор. Сезар с Одуэном, единственные из их компании, кто был способен вставать раньше десятой оры, уже ждали. Они профехтовали до полудня, отрабатывая новый прием, а выходя с Охотничьего, налетели на братьев Трю-элей в полном составе. Эжен, как всегда, что-то жевал, Луи нарочито громко учил приличным манером своих пуделей, разумеется, спутавших поводки, а красавец Ювер довольно подхихикивал, не забывая подмигивать хорошеньким горожанкам.

– Вот они, – радостно сообщил человечеству младший внук графа Обена, – мокрые, как лягушки. Вот что значит вставать ни свет ни заря...

– Зато вы пыльные, как мыши, – беззлобно отругнулся Одуэн Гартаж, – и куда это вы наладились?

– Вас ждем, – сообщил Эжен, проглотив очередной кусок посыпанной пряностями плетеной булочки, – дед хочет вас видеть.

Про знаменитого Обена Трюэля Сандер был наслышан еще во Фло, но удалившийся от дел командор городской стражи почти не выходил из своего особняка и очень редко кого-то приглашал к себе. Сандеру давно хотелось увидеть толстого графа, оказавшего Арции и Тагэре немало услуг, но он боялся показаться навязчивым, а тут такая удача! Правда, они с Сезаром и вправду мокрые, как вытасщенные из воды котятка. Сандер вопросительно взглянул на друга.

– Ничего страшного, – заметил тот, – старый кабан судит не по одежке, раз зовет, значит, нужно.

И они пошли. У ворот резиденции Трюэлей Александр, к своему удивлению, обнаружил Этьена Ландея, как всегда препирающегося с Никола Гераром, неодобрительно отозвавшимся об очередной великой любви приятеля. Рядом кузены Крэсси сосредоточенно наблюдали, как Поль Матей дразнит левретку, возлежавшую в окне кареты, принадлежавшей какой-то даме, приехавшей в иглечий святого Кирилла. В итоге к дверям Обена подошла внушительная процессия. Их ждали и немедленно препроводили к столу.

Граф Обен, огромный и величественный в своем костюме коричневого бархата с золотым шитьем, приветливо кивал большой головой, указывая гостям места за столом, заставленным золотой и серебряной посудой. Жарко пылал камин, пахло специями, дорогим вином и поздними цветами. Сандер, немного стесняясь короткой эльтской куртки, уместной на Охотничьем дворе, но не за этим столом, занял было место между Сезаром и Никола, но хозяин усадил его рядом с собой. Обед был более чем королевским, но Александр не мог как следует им наслаждаться. Дени учил его владеть мечом и секирой, а не отличить мясо барашка, выкормленного на солончаковых пастбищах, от ягненка, вскормленного молоком, и тем более каплуна, питавшегося мирийскими земляными орехами, от пулярки, кушавшей лишь замоченную в парном

молоке пшеницу. Не имея возможности поддерживать беседу, Александр старательно жевал, слушая рассуждения Обена о сходстве и различии атэвской и мирийской кухонь. Наконец обед был закончен и слуги вынесли все, кроме вин, которых у старого греховодника было более чем достаточно.

С Трюэлями могли сравниться разве что Мальвани, в доме которых знали толк и в красном атэвском, и в белом ифранском, и в темном мирийском. Кубки были наполнены, и тут хозяин властно поднял руку. Шум, неизбежный, когда за столом собирается дюжина крепких молодых людей, смолк, и старый граф тяжело поднялся.

– Я рад приветствовать в своем доме вас всех. И еще больше рад, что вы и без моей помощи сбились в стаю. Так и держитесь. Разные вы, ох какие разные, – Обен покачал седой головой, – но общего в вас тоже немало. Вы – люди благородные, подлецам руки не подадите и проходу не дадите, друг друга, если что, прикроете. Если вы при этом еще и об Арции думать приучитесь, вам и вовсе цены не будет. «Пуделей» дразнить каждый драный кот сможет, а вы выросли уже. Пора и о большем подумать, ваши отцы в ваши годы армиями командовали.

Скажите, войны нет? Ерунда! Есть сейчас война, только не всем видная. И мы эту войну проигрываем, и позорно... Ну да это долгий разговор, вы сначала подумать попробуйте. Меж собой поговорите. А потом, глядишь, я вас опять обедать позову. А сегодня у нас другое дело.

Александр, твой отец говорил, что я знаю все и даже больше. Увы, не сподобил святой Эрасти... Слишком поздно догадался, никогда себе не прошу, – глазки графа подозрительно блеснули. – Откуда мораль. У умного десять дорог в голове, а у подлеца – одиннадцать. Ну да я опять не про то. Не все я знал, не все предвидел, а сейчас и вовсе выстарился, едва брюхо таскаю, – граф с нежностью глянул на свое объемистое чрево, – но кое-что все же помню. Сегодня, – Обен возвысил голос, – сыну моего друга и сюзерена исполняется семнадцать лет. Великий Воль в эти годы корону надел. Ему легко было: что голова, что корона, что меч, что сердце, все одно к одному подходило, да одно другое дополняло. А вот тебе, боюсь, всю жизнь чужую голову в короне стеречь доведется. И не только от врагов, но и от глупостей, а это потруднее будет. Я про тебя все, что можно и нельзя, разузнал. И не сомневаюсь, что правильно делаю.

Девять лет назад, когда Шарло Тагэре наконец решился править Арцией, хотел я ему подарок сделать. Все продумал, калифу написал, да только судьбу не всегда обгонишь. Хотя пытаться нужно... Короче, Сандер, ковали этот меч для твоего отца, а носить его тебе. Арман!!!

Седой слуга, видимо, стоял под дверью, потому что появился тотчас, неся на вытянутых руках меч в простых серых ножнах.

– Возьми, – потребовал Обен, и Сандер выхватил клинок. Такого он еще не видел. На почти черной стали, словно водяная зыбь, дрожали и переливались бесчисленные струйки от неведомой арцийским кузнецам закалки. Черную рукоять украшали изображения трех серебряных нарциссов и единственный камень, зеленый и тревожный, как кошачьи глаза в ночи, а вдоль хищного лезвия шла надпись «Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре». Александр почувствовал, что ноги его не держат, сердце колотилось где-то у самого горла, руки дрожали. Он с трудом оторвал взгляд от черного клинка. И увидел взволнованные лица стремительно вскочивших друзей. Никола Герар опрокинул стул, темно-синие глаза Сезара стали остры и серьезны, как во время поединка, на лице Луи Трюэля застыло столь не свойственное ему благоговение, Этьен Ландей смотрел на меч с неприкрытым восторгом, Одуэн Гартаж судорожно сглотнул, Сандер видел, как побелели сжимавшие кубок костяшки пальцев... Его друзья... А он держит в руках меч, предназначенный отцу и девять лет пролежавший в доме легендарного Обена. Но почему он не отдал его Филиппу? Или Раулю?

– Читай!

– «Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре», – повторил побелевшими губами Сандер, глядя в глаза графу, – отец говорил мне это... Когда уезжал...

– Он знал, кому ЭТО сказать, – наклонил голову Обен Трюэль.

2879 год от В.И.

12-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Филипп и вправду забыл поздравить брата, тем паче утро выдалось скверным. Многозначительные намеки Эллы о ее возможной беременности вновь оказались пустым звуком, а с эскотской границы пришло письмо от Рауля ре Фло, очередной раз напоминавшего, что крепости надо чинить, а солдатам платить. Денег не было. Граф Реве, который должен был собрать в провинции Ларрэн налоги, вернулся ни с чем, ссылаясь на недород и нерадение. Филипп понимал, что к рукам тестя прилипло немало, но доказать это было довольно сложно и означало ссору.

Элла, как всегда, когда у нее что-то шло не так, как она хотела, смотрела на мир обвиняюще, словно виноваты были все, кроме нее, а Рауль... Сквозь скупые строки письма отчетливо проглядывал будущий неприятный разговор, к которому Филипп не был готов. Стараясь скрыть раздражение, король просидел до обеда в кабинете, якобы разбирая бумаги, а на деле глядя в стену и думая обо всем понемногу и ни о чем. К обеду королева не вышла, зато заявили ее отец и два старших брата и завели разговор о том, что южные провинции будут давать доход лишь после того, как обретут настоящих сигноров. Подразумевалось, что владения бывших лумэновских нобилей, отошедшие в казну, следует немедленно раздать новым родственникам. Заодно Морис Реве намекнул, что и земли Жоффруа и Александра (особенно плодородный Ларрэн) нуждаются в более умелой и опытной руке, чем у юных братьев Его Величества, и что он, Морис Реве, готов до двадцатипятилетия Жоффруа взвалить на себя и эту ношу.

Филипп стал подсчитывать, на какой же срок отец Эллы намерен подмять под себя провинцию, и вспомнил, что младшему брату сегодня исполнилось семнадцать. Это был прекрасный повод прервать никчемный разговор, да и к Сандеру Филипп был искренне привязан, другое дело, что тот старался держаться незаметно, ничем не подчеркивая свое высокое положение. Надо бы мальчишке что-то подарить, но что? Его Величество никогда не отличался умением делать подарки. Те из родичей и уцелевших друзей, кто был понаглее, рано или поздно выклянчивали у короля то, что хотели; те же, кто гордо молчал, как правило, не получали ничего. Филипп не был жадным, просто ему было не до того. Но семнадцать лет – это семнадцать лет! Можно было бы устроить бал, но поздно, да и Сандер с его увечьем и привычкой держаться в тени вряд ли был бы рад танцам. Лошадь ему, что ли, подарить? Или шпагу? Оружие он любит...

Король отослал за Александром слугу, но тот вернулся один, доложив, что монсигнор Эстре как ушел утром, видимо, на Охотничий двор для ежедневной тренировки, так и не возвращался. Филипп почувствовал себя последней свиньей. Он собирался позаботиться о младшем брате, а вспомнил о его празднике лишь на шестой оре пополудни. Да, Александр ничего не просит и не лезет на глаза в отличие от всех этих Гризье и Вильбо, но сам-то он должен был поддерживать мальчишку-калеку в чужом городе.

– Монсигнор Александр сейчас находится в особняке Трюэлей, – многозначительно сообщил Морис Реве, – вместе со своими друзьями, к каковым, как известно Его Величеству, относятся молодой Мальвани, Одуэн Гартаж, Трюэли и еще несколько отпрысков известных фамилий. Ваш брат умеет выбирать себе друзей. Насколько мне известно, они отмечают день рождения монсигнора Александра.

Король не любил на себя сердиться и уцепился за возможность перенести свой гнев на других. Трюэль! Жирный лис! Этот-то уж точно ничего не забывает. При дворе толстяка не видели добрых два года. С тех самых пор, как Филипп женился на Элле и окружил себя новыми родичами, граф отошел от дел, занимаясь, по слухам, усовершенствованием подлив к блюдам

мирийской кухни и ведя на сей счет обстоятельную переписку с главным поваром мирийского герцога. Но так ли это?

Настроение, и без того плохое, стало вовсе отвратительным. Для чего граф собрал у себя весь этот выводок?! Старый плут никогда ничего не делал зря. Приручает Сандера? А почему бы и нет. Элла отчего-то беднягу не переносит, а Миранда Мальвани в память об отце сдувает с мальчишки пылинки, вот он и болтается целыми днями вместе с Сезаром. Тот вроде бы и не делает ничего, а между братьями Эллы и приятелями Мальвани идет настоящая война...

Король угрюмо приказал, как только герцог Эстре вернется, провести его к нему, и вновь обернулся к Реви, который не преминул рассказать о вызывающем поведении мелких нобилей. Мелких? Да еще два года назад барон Вилльо почел бы за великую честь сидеть за столом любого из них...

Александр появился, когда смутное недовольство короля дошло до предела, превратившись в требовавшую выхода ярость. Юноша неожиданной для горбуна легкой походкой вошел в кабинет и остановился у двери, выжидательно глядя на брата и его гостей. На фоне роскошных одеяний фаворитов простенькая темная куртка Александра казалась чуть ли не вызовом. Серые глаза молодого герцога блестели, на высоких скулах проступил румянец, таким его Филипп еще не видел. Сначала ему показалось, что брат пьян, но нет, это было нечто иное. А потом взгляд притянула зеленая вспышка. На усыпанных драгоценностями и золотым шитьем роскошных туалетах одинокий камень на рукояти меча можно было и проглядеть, но на фоне темного сукна он прямо-таки бил в глаза.

– Я не видел у тебя этого меча, Сандер. – Что же ему подарить, Проклятый его побери, и чего это он так сияет?

– Это подарок.

– Чей? А ну покажи.

– Графа Обена, – Александр вынул меч из ножен и протянул королю. Сверкнула черная сталь, по которой побежали серебряные буквы. «Не Арция для Тагэре, а Тагэре для Арции»... Святая Циала, какой клинок! Воистину королевский. Филипп сорвал с шеи тончайший шелковый платок, подбросил вверх и подставил меч. Две половинки упали к ногам. Даже для атэвского клинка это было слишком!

– Это... – Александр запнулся, но все же закончил: – Граф хотел подарить это отцу...

– А подарил тебе, – король, нахмурившись, вернул меч, – что ж, меч его, кому хочет, тому и дарит. Думаю, после ТАКОГО подарка я тебя вряд ли чем-то порадую. Твои друзья щедры и внимательны, с их стороны было бы весьма любезно думать о короле и Арции не меньше, чем об одном из королевских братьев. Что-то я не замечал за Сезаром Малве или молодыми Трюэлями желания послужить короне... Да и старый кабан, похоже, не так болен, как хочет показать.

Сандер удивленно взглянул на брата, а потом внезапно тряхнул головой, отбрасывая со лба темную прядь, и очень тихо сказал:

– Мои друзья верны Арции и чести. Я ручаюсь за них. А этот меч должен принадлежать королю Тагэре. Никто другой его не вправе носить. Граф боялся вызвать у тебя тяжелые воспоминания, я же, когда погиб отец, был слишком мал. Обен Трюэль решил, что мне его подарок доставит радость, а тебе – боль. Но я отказываюсь от этого меча. Он должен служить или королю, или никому.

Александр стремительно отцепил ножны и вновь протянул брату меч. Вспыхнули геральдические нарциссы на рукояти, а зеленый прозрачный камень показался глазом какого-то странного существа, вечного и все понимающего. Филипп невольно протянул руку:

– Хорошо. Я буду его носить... В память об отце... Тебе сегодня исполнилось семнадцать, я помню.

Король лихорадочно оглянулся по сторонам в поисках достойного подарка. Граф Ревин понял его затруднение и, сняв богато изукрашенный кинжал, с поклоном протянул Александру.

– Вы расстались с одним клинком, разрешите преподнести вам в этот знаменательный день другой. Он сделан лучшими оружейниками калифата.

– Благодарю вас, граф, – голос юноши звучал спокойно и ровно, – это щедрый дар.

– Ну что вы, монсигнор, – еще раз поклонился Ревин, – мы же родичи. Надеюсь, я буду вам полезен.

Король усмехнулся и, взяв кувшин, сам налил в драгоценные кубки вина себе, брату и Ревину с сыновьями.

– Твое здоровье, Сандер. Ты уже почти взрослый, не забывай ни о том, что ты Тагэре, ни о том, что ты брат короля. Завтра я в твою честь дам большую охоту.

– Спасибо, – Александр пригубил вино и поставил кубок.

– Я же сказал, что ты уже почти взрослый, – засмеялся Филипп, – можешь выпить до дна. До дна, я сказал.

Сандер улыбнулся одними губами и быстро допил.

– Я еще нужен?

– Ты мне всегда нужен, – хлопнул его по плечу король, – но сейчас можешь идти. Завтра рано вставать, а ты вряд ли успел научиться ночью пить, а днем охотиться. Ступай и выпись хорошенько... До завтра.

Александр поклонился и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Король посмотрел ему вслед, а потом перевел глаза на меч, который все еще сжимал в руках.

– Роскошное оружие, – заметил граф Ревин, – Обену пришлось потратиться.

– Он заказывал его для Шарля Тагэре, этим все сказано. Вы знаток, Морис. Что это за камень?

– Простите, Ваше Величество, но я такого никогда не видел. Сначала я принял его за звездчатый богомольник, но это не так...

2879 год от В.И.

12-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Сандер не жалел о сделанном. Дружба брата и мир в Арции дороже меча, даже такого. Но вот поверят ли ему друзья, поймут ли, что он и вправду не расстроен и не обижен? Сезар, может быть, и поймет, а Одуэн и Никола нет. Те не могут простить королю родичей королевы... Проклятый, но что Филипп нашел в Вилльо? Ведь из-за этой своры рядом с ним почти не осталось старых друзей, разве что Гастон, но он глуп...

На башне отзвонили полночь, сменился караул. Что ж, вот и кончился его семнадцатый день рождения... Сандер искоса глянул на подаренный кинжал. Куда б его деть, чтобы и Ревин не задеть, и от ненужной вещи избавиться... Младший из Тагэре задумчиво тронул богато украшенные ножны. Хорошая сталь, но не с его горбом таскать на себе такую вещь. Другое дело черный меч, хотя чего о нем думать, нет и нет, Филиппу он больше пристал. Этот клинок должен принадлежать королю Тагэре, а не его младшему брату. Интересно все же, как называется тот камень, который вделан в рукоятку. Эстре не так уж и хорошо разбирается в самоцветах, но такие он видел. На цепи, украшавшей грудь Аларика, когда тот сбросил плащ, чтобы обучить его своим ударам... Может быть, Аларик бывал в Атэве, ведь такой клинок мог родиться лишь в Армских горах...

Хватит! Он не будет больше думать об этом мече, он поступил совершенно правильно... Но и кинжал Мориса ни за что не наденет. Сандер решительно отвернулся к окну. А нарциссы

стали как будто еще свежее, а роса на них так и не высохла. Все же один подарок у него остался. Сезар говорит, что если каким-то особенным образом обходиться с цветочными луковицами, можно заставить растения цвести не в срок. Но кто озаботился сделать это ради него?

В дверь требовательно постучали. Смешно, он провел в Мунте меньше полугода, а приучился запираяться. Ни во Фло, ни в Эльте он этого не делал...

Сандер одернул куртку, можно подумать, что так он станет красивее, и рывком распахнул дверь, столкнувшись взглядом с королем.

– Не спишь?

– Нет, – Александр посторонился, пропуская брата и с удивлением глядя на меч в его руках.

– Возьми. Он твой.

– Но...

– Никаких «но». Это не семейная реликвия. Обен был волен подарить его тому, кому хочет. Не знаю, что на меня нашло... Думаю, ты будешь носить его с честью. Прости, что забыл тебя поздравить.

– Ничего, я и не хотел...

– Сандер, прекрати это.

– Что? – он и вправду не понимал, что должен прекратить.

– Прекрати стесняться сам себя. Ты – Тагэре, ты – мой брат и герцог Эстре. А через четыре года⁴⁶ на именины Эллы станешь рыцарем...

– Филипп!

– Уж если ты недостойн, я не знаю, кто достоин. Считаю это моим подарком, а этот глупый кинжал я с твоего разрешения верну графу Реву. Не возражаешь? – король рассмеялся. – Я ведь боялся, что ты его в окно выкинул.

– И выкинул бы, – кивнул Сандер, – но его могли узнать. А я не могу... Я не могу и не хочу быть с тобой несогласным, но они – мерзавцы! Неужели ты не видишь?!

– Кто «они»? – голос Филиппа сразу стал чужим и холодным, но Александр решил идти до конца.

– Вилльо, Гризье, вся их родня. Филипп, неужели ты не видишь, что они за люди? Жадные, мелочные, злобные... Раньше тебя любили все, а теперь?! Ты женился на Элле, а не на ее семье, они же тебя позорят.

– Сандер! Замолчи!

– Я могу замолчать, но петь на улицах от этого не перестанут. Рауль....

– Теперь Рауль в ход пошел. Незачем мне было отпускать тебя во Фло.

– Хорошо, я только от себя скажу. Почему рядом с тобой нет никого из друзей отца? Из тех, кто воевал с ифранкой, остался только Гастон, да и тот вот-вот дверью хлопнет. А Обен и Евгений? Если бы не они, нас бы тут не было, а...

– А Обен в присутствии целого выводка отдает тебе предназначенный отцу меч, а Евгений приглашает для тайной беседы. Я не слепой, Сандер, и вижу, кто чем дышит. Нет, – король положил руку на плечо брата, – в тебе я не сомневаюсь, да и их по большому счету можно понять, но я не отошлю Вилльо и не окружу себя старой аристократией, как бы они тебе, да и мне, ни нравились. Не понимаешь? Ты еще мальчишка, Сандер, хоть и дерешься, как демон. Поваришься в мунтской мерзости лет десять и поймешь, что лучше собака на цепи, чем волк в лесу. Мне нужны Вилльо, потому что им нужен я.

– Филипп!

⁴⁶ С 2643 года в Арции в рыцари посвящали молодых дворян, достигших двадцати одного года. Это была привилегия монарха. Обычно церемония приурочивалась к какому-то событию – дню рождения или именинам короля, коронации, Именованию наследника престола и так далее.

– Надеюсь, ты никому не передашь наш разговор. А хоть бы и передал... Сандер, я не отец. И никогда не буду таким. Внешне мы похожи, но я помню герцога Шарля Тагэре. Это был гигант, и друзей и соратников он выбирал под себя: Рауль, покойный дед, дядья, Обен, Евгений, маршал Мальвани, они все, ВСЕ признавали его первенство. Они могли злиться на него, спорить, не понимать, но они подчинялись и шли за ним. Отец был их настоящим королем. Даже проиграй он войну, окажись в изгнании, заболеет, он бы остался их вождем, а я?!

Я тень Шарля Тагэре на троне Арции, я уж не говорю о том, что я младше их всех, это-то как раз не беда. Я как пони среди боевых жеребцов, Сандер, но я король. И я хочу быть настоящим королем! Хочу и буду. А Рауля называют Королем Королей, и, останься я с ним в дружбе, так бы и было. Он бы правил Арцией от моего имени, как хотел, разве что по делам военным советовался с Анри, а интриги плел вместе с Обеном. И это бы вошло у них в привычку.

Александр, пойми. Король должен быть выше всех. Если его головы не видно за теми, кто окружает трон, нужно сменить окружение, пока окружение не сменил короля. Я не сразу к этому пришел, но другого выхода нет. Или я и Вилльо. Или друзья отца... но без меня!

– Но почему Вилльо?!

– Проклятый, да потому что они подлецы, выскочки и ничтожества! Они без меня ничего не значат, их ненавидит простонародье и презирают нобили, значит, они будут мне верны. Я могу им приказывать, могу делать с ними и их руками все, что хочу. Я с их помощью сломаю старую знать. В государстве никто не может быть равным королю, только тогда не будет войн и усобиц. Если бы Этьен Аррой это понял, если бы окружил себя новыми дворянами и оттеснил бы, а то и убрал своих дядьев, у нас не было бы ни Лумэнов, ни Войны Нарциссов. Я не собираюсь повторять его ошибок. У меня есть жена, скоро будут наследники, и я намерен оставить им прочный трон.

– А Ифрана?

– Что Ифрана?

– Жозеф боится Мальвани, а Джакомо – Рауля, а из Ревы полководец как из кошачьего хвоста меч.

– Жозеф не нападет. Ему нужно, чтобы мы оставили мысли о возвращении Ифраны, а сам к нам он не полезет, да и Анри в Оргонде ему спать спокойно не даст. А Джакомо... Что ж, какое-то время придется потерпеть... В Тагэре эскотцев сдерживает Рауль, ну а Эстре... Там привыкли жить от набега к набегу. Лучше война на окраинах, чем крамола в столице. Я знаю, что тебе не нравятся родичи Эллы, что ж, а я не в восторге от твоих друзей... Рано или поздно тебе предстоит выбирать между ними и мной, а им между тобой и своими фамилиями. Я был бы рад увидеть лет через пятнадцать Сезара Мальвани маршалом Арции, но если он будет думать только о войне и исполнять мои приказы.

– Мальвани могут быть друзьями, но не слугами.

– Значит, главное ты понял. Мне нужны подданные, Сандер, подданные, а не указчики и приятели, которые захотят – помогут, а захотят – нет. Я не хочу крови, но, если потребуется, я ее пролью. Можешь так и сказать Обену.

– Я не буду ничего говорить.

– Да, неприятные вещи говорить трудно...

– Дело не в этом. Я не верю, что ты и вправду так думаешь, а если думаешь, то... – серые глаза Александра вызывающе сверкнули, – если ты так думаешь, я с тобой не согласен. Филипп, нельзя жить среди подлецов. Вспомни Батара! Ты заговорил об эскотцах. У них есть пословица: на свинье дальше хлева не уедешь. Тагэре не должны опираться на мерзавцев, да и опора из Вилльо как из жабы лошадь. Ты вот о крови заговорил... А ты уверен, что сможешь подавить восстание, если его поднимет Рауль и поддержат другие нобили?

– Хватит, Сандер. Мы с тобой начинаем переливать из пустого в порожнее. Скажи лучше, откуда эти нарциссы?

– Не знаю... Принес кто-то, я не слышал.

– «Принес кто-то»... Странные подарки ты получаешь. Королевские цветы, королевский меч...

– Я помню, кто я, Филипп. Я младший брат короля, и я верен брату и королю.

– Да я и не сомневаюсь, забудь о том, что я тебе тут наболтал, ты еще слишком молод для всей этой пакости. Скажи лучше, ты уже выбрал консигну⁴⁷?

Консигну? Разумеется, он об этом думал, думал с тех пор, как Дени начал вколачивать в него азы рыцарской науки. Сначала воображение рисовало что-то сложное и многозначительное со звездами, драконами, мечами и молниями. Но чем старше он становился, тем более пошлыми казались ему и изрыгающие пламя драконы, и попирающие оных рыцари. Да и положение младшего брата вкупе с уродством взывало к скромности и лаконичности... Личная консигна? Аларик в день приснопамятного поединка сказал: «Если ставить, так на волчонка, а не на кабана». На волчонка... Одиноким волчонок, задравший морду к невидимой луне... Да, именно так. А цвета обычные для Тагэре. Синий и серебряный.

– Ты что, заснул что ли, – поинтересовался Филипп, – неужели ничего не придумал? Я уже в двенадцать лет знал, что будет на моих знаменах.

– Я тоже знаю, – твердо сказал Александр.

⁴⁷ Консигна (личная сигна) – личный знак, получаемый рыцарем или наследником знатного (не ниже графского) рода и становящийся его визитной карточкой наряду с родовой сигной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ANTE BELLUM⁴⁸

Времени не будет помириться...
Б.Окуджава

2882 год от В.И.

26-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Шарло Тагэре ненавидел Мунт, и Рауль ре Фло только теперь понял правоту покойного герцога. Столица и двор – это интриги, ворье, грязь. Может, Шарло и сумел бы этого избежать, но его сыну это не удалось. Ему много чего не удалось.

Рауль все лето промотался по эскотской границе, проверяя гарнизоны. Пока замковый пояс, созданный Шарлем, держался, но нуждался в обновлении. Людям надо было платить, крепости чинить, оружие закупать, а Мунт денег не присылал, и Рауль знал почему. Вилльо! Ре Фло и в страшном сне не мог вообразить, что найдется семейка, способная воровать больше, чем Фарбье, но покойный Жан в сравнении с новоиспеченным графом Рев и его выводком вполне тянул на Святого Духа.

Когда ре Фло, весьма холодно простившись с королем, объявил, что намерен заняться северными границами, его не удерживали. Рауль, хоть и взбешенный до глубины души скоропалительной женитьбой Филиппа, полагал, что, заполучив запретную красавицу, король быстро остынет и все пойдет по-прежнему. Не пошло. Новые родичи оказались сильнее старых друзей, которые один за другим покидали столицу. Те, кто плечом к плечу стояли на Бетокском поле, становились не нужны. Даже Мальвани. Известие об отъезде маршала в Оргонду для Рауля прозвучало, как набат.

«Выбирая между разрывом и разлукой, – писал Анри ученику и другу, – я выбираю разлуку, тем паче что в Оргонде защищать Арцию сейчас легче, чем в Мунте. Если все будет идти так, как шло, удерживать Паука придется из Оргонды, так как арцийская армия придет в самый жалкий вид. Я далек от того, чтобы жалеть о сделанном единожды выборе, но мне больно думать о том, как тает наша победа. Возможно, в этом есть и наша вина, но я воин, а не придворный. Пусть старик Обен ищет выход из положения, а я могу лишь уехать, сохранив видимость былой дружбы.

Можете мне поверить, Рауль, я долго думал, прежде чем решиться на этот шаг, но последний разговор с Филиппом не оставил мне даже надежды. Я верен и буду верен Арции и памяти Шарля, но на большее меня не хватает. Мне больно думать, что я оставляю вас в этот тяжелый миг, и я надеюсь, что мужество и благоразумие вас не оставят...»

«Мужество и благоразумие, – проворчал Рауль. – Проклятый! Эти вещи и раньше-то не слишком сочетались друг с другом, а уж теперь... Будьте благоразумны и не вздумайте отлупить королевского тестя! Будьте мужественны и скажите королю правду!» Он, конечно, поговорит с Филиппом, тем более его об этом просит и дворянство Севера, и воины, год не выдавшие жалованья, но продолжающие отбиваться от эскотских разбойников. Но что выйдет из этого разговора? По дороге в Мунт Рауль заезжал в Тагэре, Эста и слышать не хочет о том, чтобы поселиться с некогда обожаемым сыном, а нечастые приезды Филиппа оборачиваются ссорами. Упрям, как осел, и при этом под каблуком у своей ненаглядной Эллы. Хуже сочетания не придумать!

⁴⁸ Перед войной (лат.).

Ре Фло приветственно помахал рукой толкущимся на мосту зевакам, которые приветствовали Короля Королей радостными возгласами и напутствиями. Добрые жители Мунта советовали Раулю утопить Вилльо в Льюфере. Он бы с удовольствием, но что делать с Филиппом? Из кабачка вывалилась толпа студиозусов, изо всех сил горланящих песню о рыжей суке и четырех «пуделях». И эти о том же...

2882 год от В.И.

7-й день месяца Волка.

Фей-Вэйя

До рассвета оставалось несколько ор. Анастасия очень любила эти тихие ночные часы, когда даже самые усердные молеельщицы успокаивались в своих кельях, а самые пылкие влюбленные засыпали в объятиях друг друга. Ее Иносенсия равно презирала как первых, так и вторых. Что толку тратить единую и неповторимую жизнь во имя того, о чем никто ничего не знает и знать не может? Стоит ли тратить молодость на краткие удовольствия, воспоминания о которых потом станут мукой и стыдом? Сейчас Анастасия была рада, что семнадцать лет назад не дождалась Шарля Тагэре.

Подумать только, как ее когда-то занимало то, что менестрели называют любовью. Шарль был для нее светом в окошке, чуть ли не богом, а жизнь без него казалась страшнее смерти. Как же она была глупа! Ну да не было бы счастья, да несчастье помогло. Герцог Тагэре теперь далек от дел мирских и своей смертью освободил и ее. По крайней мере, она надеялась, что это именно так, а сны... Сны не в счет, мало ли чем смущает души Проклятый. Главное, чтобы об этой ее слабости не узнали другие, потому что Предстоятельница ордена должна быть безупречна.

Анастасия глянула на дверь. Сейчас никто не посмеет к ней войти, и она устроит себе маленький праздник. Ее Иносенсия зажгла две свечи и поставила их возле зеркала, а затем распустила косы и сняла верхнее широкое платье. Стекло отразило полуобнаженную женщину с восхитительными белыми плечами и водопадом роскошных иссиня-черных волос. Предстоятельница улыбнулась самой себе и открыла ларец с Реликвией, стоявший на маленьком алтаре. Свет разбился на множество алых брызг, отразившись от огромных рубинов. Анастасия медленно, наслаждаясь каждым движением, вдела в уши серьги, застегнула на шее ожерелье, красиво взмахнув точеными руками, возложила на голову диадему. Говорят, некогда существовало изображение святой Циалы без опущенных глаз и покрывала. Неведомый художник нарисовал ее в вишневых шелках с тревожными алыми камнями на точеной шее... Где сейчас эта картина, никто не ведает, а Анастасия не отказалась бы увидеть женщину, создавшую их орден.

Равноапостольная, выбирая между любовью и властью, выбрала власть. И правильно сделала. Но она, Анастасия, если не испугается и не ошибется, пойдет еще дальше. Циале было труднее, она была первой, да и времена были другими. Анхель создал могучую империю; в те поры глава Церкви и помыслить не мог, чтобы стать еще и светским владыкой, другое дело сейчас... Вместо единой Арции – чуть ли не десяток государств, каждое из которых можно так или иначе подчинить. Кардиналы и наместники думают, что стараются для себя, и хорошо. Так они добьются большего, тем паче она пока еще не готова... Сколько еще предстоит сделать, а время не остановишь, до предсказанного срока осталось совсем немного.

Зря она все же убила Агриппину, не выведав всех ее тайн и мыслей, толстуха была умна и, в сущности, поступила правильно. Без Агриппины Соланж Ноар так бы и осталась мелкой ноблеской, вышла бы замуж за какое-нибудь ничтожество, рожала бы ему наследников, так и не узнав, что значит настоящая жизнь.

В дверь робко постучали, чуть ли не поскреблись... Ее Иносенсия давно приучила сестер не мешать ее ночным раздумьям без веской причины. Видно, дело срочное. Стремительно,

но бережно сняв драгоценности и набросив на плечи белую шаль, Анастазия позволила войти. Бланкиссима Цецилия, уже давно не помышлявшая о том, чтобы вертеть Предстоятельницей и поэтому ставшая настоятельницей Фей-Вэйи, коротко поведала, что явился человек, назвавшийся три Слова⁴⁹.

– Как он назвался?

– Бекко.

– Я его приму.

Быстро же он вернулся! Вряд ли что-то неотложное, но любые новости лучше узнавать как можно раньше, а Бекко никогда не приезжает просто так. Анастазия ласково и чуть устало улыбнулось вошедшему черноволосому мужчине с характерным лицом знатного мирийца. Бекко, в отличие от большинства ее прознатчиков, служил не из страха и не за деньги, а потому что был безнадежно влюблен. Обожание красивого и умного нобиля Предстоятельнице льстило, к тому же мириец был очень и очень полезен, особенно после нелепой смерти Мулана.

– Приветствую Ее Иносенсию!

Анастазия грациозно протянула прознатчику тонкую руку, и тот припал губами к рубиновому кольцу. Поцелуй продлился несколько дольше, чем требовали приличия, но циалианка иногда прощала подобные вольности.

– Я ждала тебя не раньше, чем через две кварталы⁵⁰. Что-то произошло?

– С дозволения Ее Иносенсии... Мирийская бланкиссима полагает, что дочь герцога Энрике обладает магическими способностями, но ни она сама, ни ее родные об этом не подозревают. И девочка ими действительно обладает.

– Откуда эти сведения?

– Сестры обители в Кер-Эрасти ненавидят и боятся бланкиссиму Дафну, ее гнев пугает их даже меньше ее, – на смуглом лице Бекко скользнула презрительная усмешка, – скажем так, любви. Но мирийки рождаются с огнем в крови, который белым покрывалом не погасить... Сестры часто ищут земных радостей в объятиях молодых рыбаков. Это грозит смертью, но к танцам со Смертью мирийцам не привыкать...

– И ты решил станцевать... Что ж, согрешившая с тобой сестра была красива?

– Возможно.

– Ты не видел ее лица?

– Я не замечаю женских лиц, кроме...

– Кроме? – подняла бровь Анастазия.

– Кроме святой Циалы, – нашелся мириец.

– Это делает тебе честь. Твои грехи будут тебе прощены, ибо грешил ты во имя достойной цели, но можно ли доверять этой женщине без лица?

– Можно, ибо все услышанное мной в Кер-Эрасти и Гвайларде подтверждает ее слова. Дафна полностью подчинила себе герцогиню Эвфразию, и все знают, что юная Дариоло примет постриг.

– Даже Дафна не может отменить устав ордена и законы Мирии. Дитя герцога может решить свою судьбу, лишь достигнув восемнадцати лет, а войти в сестринство без трехлетнего послушания нельзя.

– Дариоло запугана и задавлена матерью, которая думает лишь о грехах и их искуплении...

– А что герцог?

⁴⁹ В Фей-Вэе существовал тройной пароль. Первый служил пропуском на территорию обители и назывался привратнику, второй назывался дежурной необланкиссе и служил пропуском к настоятельнице, третий назывался лишь настоятельнице и означал, что о прибывшем должна быть поставлена в известность Ее Иносенсия.

⁵⁰ Время, за которое луна проходит одну из своих фаз (около 7 суток).

– Энрике Янтарные Глаза в последние годы очень изменился. Жену он не любит. У него есть любовница, молодая и красивая. Она ненавидит Дафну и жалеет Даро. Старший сын и наследник Энрике также не скрывает ненависти к бланкиссиме, но сам герцог предпочитает не вмешиваться в дела герцогини и ее наперсницы. Я готов поклясться, что он боится Дафну. Ее многие боятся.

– Запретная магия?

– Возле обители в Гвайларде Кристалл⁵¹ светится, и светится сильно, но проникнуть внутрь я не смог. Там не только стены и псы, но и стража иная. Белые Псы мне не под силу. Кто творит волшебство, можно лишь догадываться, но я поставил бы на Дафну.

– Пока оставим Псов в покое. Что известно о способностях Дариоло?

– Однажды она, готовя урок, опрокинула на книгу лакомство, которое ей тайком принес брат. Девочку часто сажают на хлеб и воду, приучая к смирению, Рафаэлю это не нравится.

– Что собой представляет наследник?

– Байланте, – улыбнулся прознагчик, – и этим все сказано.

– Красив, отважен и глуп?

– Первое и второе безусловно. Насчет глупости не уверен.

– Хорошо, вернемся к девочке.

– Она в испуге захлопнула испорченную книгу, а когда мать ее открыла, пятна исчезли. Я был в саду, приходил к... одной из дам и случайно...

– Случайно?

– Воистину случайно услышал, как девочка рассказывала об этом брату. Он не обратил внимания, но я понял, что Дариоло, будучи совершенно необученной, сумела очистить книгу.

– Да, скорее всего так и есть. Что-нибудь еще?

– В Мирии и Оргонде вновь заговорили о Скитальце. Ортодоксы боятся выходить в море, так как не вернулись две из четырех флотилий, хотя больших штормов не было.

– Скиталец – сказка, – отрезала Ее Иносенсия, – выдуманная нерадивыми мореходами, чтобы объяснять свои неудачи. Ортодоксы нарвались на атэвов или эландских еретиков, которые с успехом заменили им бурю. Но я слишком долго тебя расспрашиваю, – Анастасия улыбнулась, и мириец затрепетал, как струна. – Ты принес важные известия, я довольна, а теперь тебе нужно отдохнуть.

Бекко вновь страстно облобызал кольцо и удалился, послав Анастасии огненный взгляд. А он недурен, и очень недурен, хоть и совсем не похож ни на Шарля Тагэре, ни на Мулана. Если ей понадобится вновь прибегнуть к заклятию Нежизни, она, возможно, выберет именно его, но пока мириец ей нужен в другом качестве. Да и само заклятие... Столько лет прошло, а ей до сих пор неприятно вспоминать о том, что случилось в заброшенном склепе. Подумать только, Виргиния добровольно прошла через эту пытку четыре раза! Или прошлой Предстоятельнице Белая Магия давалась легче? К тому же Виргиния сознательно хотела овладеть Силой, а она... Она никогда бы не решилась на такое, если б не нелепая любовь к золотоволосому герцогу. И тот бы ушел с ней за горы, если бы его жена не свалилась с лошади и не родила ему уродца. Шарло, видите ли, любил одну, но не мог предать другую, за что и поплатился. А вот вернувшаяся из Тагэре Анастасия оказалась в центре драки из-за Рубинов Циалы между Дианой, Еленой и Генриеттой.

Силы были равны, каждая понимала, что находится между победой и смертью, каждая не была уверена в первой, но не желала второй. Глупая любовь сыграла с Анастасией странную шутку, она слишком много думала об объятиях Шарля Тагэре и слишком мало о том, что

⁵¹ Кристалл Поиска – магический инструмент, изготовленный из кристаллов дымчатого кастеора, применяемый для того, чтобы узнать, не творится ли по соседству волшебство. Недостатком Кристалла Поиска является то, что он не чувствует заклятия, произнесенные в непосредственной близости.

творится вокруг. Соперницы же с подачи Агриппины решили сделать передышку в борьбе и временно избрать Предстоятельницей беспомощную Анастасию. Судьба повернулась к ней лицом, но даже тогда она не очнулась, продолжая оплакивать свою любовь.

Когда Тагэре погиб, она тоже чуть не умерла, на земле ее удержала лишь месть. И она отомстила. Сначала убившим Шарля Генриетте и Дорже, потом обманувшей ее Агриппине, и лишь после этого очнулась от наваждения и поняла, для чего и во имя чего была рождена. Эта цель достойна того, чтобы к ней идти, но достигнуть ее непросто.

Ее Иносенсия отбросила смятую шаль и вновь подошла к зеркалу. Теперь никто не смеет смотреть на нее как на куклу, которая отойдет в мир иной, едва кто-то из грызущихся лисиц добьется преимущества. Сначала умерла Генриетта, затем Диана и, наконец, Елена... Забавно, что их преемники унаследовали и их вражду, и их заблуждения. Арцийка Шарлотта и ифранка Данута могут сколько угодно полагать, что получили ожерелья⁵² благодаря умелым интригам, а их предшественницы скончались своей смертью. Ее Иносенсию такое вполне устраивает.

Пусть Шарлотта уповает на свою дружбу с королевой. Пока Филипп был заодно со своим знаменитым родичем, он был непобедим, но из-за Элеоноры король и Король Королей рано или поздно, и скорее рано, начнут рвать друг друга на куски. Надо полагать, великий кузен стащит красавчика Тагэре с трона, на который сам же и посадил, а Данута назло Шарлотте ему поможет. Ведьмы всегда сводили счеты друг с другом чужими руками, ослабляя и Арцию с Ифраной, и самих себя. Кто бы ни победил, он не будет представлять угрозы Фей-Вэе, но вот Дафна!

Анастасию передернуло от омерзения, когда она вспомнила мирийскую бланкиссиму. Тело Ее Иносенсии не забыло наслаждения, испытанного в объятиях Шарля Тагэре, и Предстоятельница не так уж и строго судила сестер, впадавших в грех то с Белыми рыцарями, то с молодыми нобиями. Она старалась узнавать об этом, чтобы в случае необходимости подчинить любовников, но противоестественные наклонности Дафны вызывали у Анастасии отвращение, а ее честолюбие, хитрость и знания настораживали. Предстоятельница понимала, что мирийка может стать опаснее Шарлотты и Дануты, вместе взятых. Особенно если приберет к рукам Дариоло Кэрна.

Агриппина много и с удовольствием рассуждала о магических талантах. И не только рассуждала. Соланж Ноар толстуха приблизила именно потому, что заметила в ней недюжинные способности к магии Оленя. Но Агриппина растила из Соланж Анастасию, чтобы спасти мир от Проклятого, который, по расчетам покойной наставницы, вернется еще до исхода столетия. Дафна же лепит из Дариоло орудие в борьбе за Рубины.

Ее Иносенсия понимала, что пора вмешаться, но как? Та не глупа и, надо смотреть правде в глаза, искушена в магии. Вместе с Агриппиной они бы с мирийкой совладали, но один на один.... К тому же до мерзкой жабы еще нужно добратся. Фей-Вэи та избегает, якобы по состоянию здоровья.

Посетить Гвайларду самой? Дафна, несомненно, к этому готова, да и как объяснить сестрам сначала немыслимую честь, оказанную мирийке, а потом ее неожиданную смерть? Свои намерения лучше держать в тайне, по крайней мере, пока не настанут предсказанные дни.

Но Дафна ждать не станет! Она уже немолода. Сколько сейчас дочери герцога? Около пятнадцати. Еще два года, и будет поздно. Убить девчонку? На расстоянии этого не сделать, Мулан мертв, Бекко? Слишком рискованно. У мирийцев голова устроена по-особому, никогда не знаешь, чего от них ждать, да и Дафна наверняка стережет свое сокровище. А если заставить герцога выдать дочь замуж? Куда-нибудь в Арцию, поближе к Фей-Вэе. Кровь Кэрна, кровь святого Эрасти, пролитая в нужном месте и в нужное время, может стать страшным оружием, и было бы неплохо такое оружие заполучить.

⁵² Рубиновое ожерелье – знак циаианки, возглавляющей сестринство в независимом королевстве или герцогстве.

2882 год от В.И.

10-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Александр старательно смотрел на грязную стену. Он не хотел снова идти в храм Триединого, но сегодня была двенадцатая годовщина смерти отца и Эдмона, а Элеонора заказала заупокойную службу именно здесь. Это была месть кардиналу Евгению, изрядно портившему Ее Величеству жизнь и своими проповедями, и беседами с королем, после которых Филипп иногда брал свои решения назад. Единственное, чем королева могла отплатить вредному старику, было ее демонстративное внимание к новому храму и епископу Иллариону, впрочем, никоим образом не выделявшему Ее Величество из числа своих прихожанок. Александр не думал, что Филипп поедет в Духов Замок, слишком многим и король, и его покойный отец были обязаны Евгению, чтобы в годовщину гибели Шарля Тагэре пренебречь опекаемым Его Преосвященством эрастианским собором, но король решил угодить всем. Утром – Триединый, вечером – Великомученик Эрасти.

Слушая вздохи органа и красивые, но холодные слова, произносимые Илларионом, Сандер думал о том, что сегодняшний день может оказаться решающим. Юноша надеялся, что память об отце примирит Рауля и Филиппа, но опасался совсем иного, уж слишком много скопилось обид... Младший из Тагэре стоял рядом с Жоффруа и сразу же за королем и королевой. Позади, он это знал, выстроились Вилльо, оттеснившие от Филиппа и Мальвани, и ре Фло, и Гартажей, хотя сегодня брату следовало бы окружить себя соратниками былых времен. Только бы день закончился мирно, не хватало еще, чтобы на радость уцелевшим Лумэнам недавние победители вцепились друг другу в глотки! Сзади послышался какой-то шорох, и Сандер обернулся. Миранде Мальвани стало дурно, и Сезар с Раулем повели ее вон из храма.

Как бы ему хотелось уйти вместе с ними. Но нельзя. Сегодня любой неверный шаг может оказаться искрой в стоге высохшей соломы. Александр постарался сосредоточиться на службе или хотя бы на Илларионе. Он впервые видел епископа. Еще не старый, видимо, умный, в глазах странный, чуть ли не сладострастный восторг... Похоже, он действительно живет этим храмом. Александр заметил, что взгляд антонианца устремлен вверх. Клирику не было дела ни до людей, собравшихся под этими сводами, будь они хоть трижды королями, ни до повода, по которому они пришли; для него существовали лишь фрески Триединого, которые он, Александр Тагэре не видел. Внезапно Сандер почувствовал на себе чей-то взгляд. Он не мог обернуться и посмотреть, кто это, но ощущение одиночества и предчувствия беды, с утра не оставлявшее младшего из Тагэре, отступило. К счастью, служба заканчивалась. Едва отзвучали последние слова и за Илларионом закрылись врата Небесного Портала, Сандер оглянулся, пытаясь среди сотен глаз найти те, единственные... Никого! Лишь пепельноволосая святая Рената протягивала ему алую бабочку...

2882 год от В.И.

10-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Жоффруа было плохо. Вчера он выпил слишком много авирского, а сегодня пришлось вставать ни свет ни заря и тащиться в Духов Замок. Герцог Ларрэн любил и отца, и Эдмона, но те вряд ли бы захотели, чтобы человек из-за них так мучался. Утро вообще выдалось на редкость мерзким. Неожиданно потеплело, и зарядил совершенно неуместный в месяце Вепря дождь. Воздух был буквально пропитан влагой, под ногами хлюпало, щегольские сапоги сразу же отсырели и покрылись отвратительными бурыми пятнами. В довершение всего ему на ногу наступил Эллин братец и даже не извинился. В глубине души Жоффруа понимал, что сам

виноват. Сандера с его дружкой Мальвани Вилльо обходят десятой дорогой, а вот у него поставить выскочек на место не получается.

А они выскочки. Отвратительные, жадные, беспардонные выскочки, отбирающие у других то, что тем принадлежит по праву. Братья короля и те загнаны куда-то в угол. Сандер, тот этим не тяготится, да и что ему? Младший, да еще и горбун, понятно, что лишний раз показываться на люди ему не в радость. Другое дело он, Жоффруа! Пока Элла не родила Филиппу сына, он даже был наследником короны, так почему же с ним так обращаются?! Вилльо – все, а ему – ничего!

Первый и последний подарок братца – это герцогский титул, много с этого толку... Ларрэн разорен, да и не пускают его туда. Даже те доходы, что есть, отбирают в казну, откуда «пуделя» гребут полной ложкой. То же и с Эстре, ну да Сандеру много не нужно, а вот ему не пристало уступать каким-то выскочкам ни в одежде, ни в выезде. Все Вилльо обзавелись домами в столице, только он живет у брата, словно бы из милости. Пусть в королевском дворце, но от этого не легче. А может, Филипп его держит при себе и не дает ему ни денег, ни земель, потому что не доверяет? Очень даже может быть! Еще немного, и от Филиппа отвернется вся Арция. Брат останется королем только над своими «пуделями», но у недовольных должен быть вождь, и лучше всего, если им окажется Тагэре. Отец не хотел, но его вынудили выступить против Пьера... А если... Если Генеральные Штаты и нобили предложат ему, Жоффруа Тагэре, выступить против короля?

2882 год от В.И.

10-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Жена Анри всегда была умницей. Если бы не она, пришлось бы отстоять службу до конца, любуясь на затылки Вилльо, вырядившихся в день траура, словно на бал. К счастью, Мира поняла, что Королю Королей негоже выходить из храма после окруживших дурака Филиппа проглотов, а так все вышло очень удачно. Он помог жене друга, которой стало плохо. Кстати, здравицы в честь короля вряд ли были громче, чем в честь его и отсутствующего Анри. Говорят, память народная еще короче женской, но Мунт помнит, кто победил ифранку. Мунт, но не король, явно тяготящийся их с Гартажем присутствием. Подумать только, что когда-то именно Филипп назвал его Королем Королей, а теперь это прозвище вызывает у него явную ревность. Да, сын Шарло оказался ревнивым и упрямым. Морис с Эллой ему напели про его мудрость и непобедимость, он, похоже, и сам начинает в это верить. Советы воспринимает чуть ли не как личные оскорбления. Чего доброго, скоро потребует, чтоб ему, как атэвскому калифу, сапоги целовали, но тот держит своих родичей за горло, а тут не поймешь – блохи при короле или король при блохах. И, похоже, если этих блох не перебить, король сам станет блохой. Что бы Филипп о себе ни воображал, он не полководец и не политик.

Да, он смел. Он способен, причем с выдумкой, исполнить то, что придумали другие, но он никогда не сможет просчитать все с начала до конца. Бросать кости, да, это по нему, но в эрмет Филипп не игрок. При хорошем маршале и канцлере и, разумеется, при подходящей жене он будет великим королем, но при Вилльо... Пьер со своими хомьяками при путном регенте был бы меньшим злом, чем коронованный осел, оседланный жадными родичами. Если б не погиб Эдмон, в крайнем случае можно было бы сменить одного Тагэре на другого, а так... Жоффруа, похоже, не получил от отца совсем ничего, а Александр еще мальчишка и в придачу калека, хотя истории с Муланом и «пуделями» говорят в его пользу. Но малыш до одури предан брату, который на него почти не смотрит. Похоже, это последняя бескорыстная привязанность в этом королевстве. Филипп будет отпетым дураком, если оттолкнет от себя еще и Сандера...

– Рауль о чем-то задумался. – Миранда, раздумывавшаяся, с блестящими глазами уже ничем не напоминала бледную сигнору, бессильно повисшую на руках сына и друга.

- Если тебе не изменила твоя догадливость, ты наверняка знаешь, о чем.
- Знаю, – кивнула жена маршала, – об утреннем свинстве. Знал бы ты, как я ненавижу этот храм... Конечно, я немного схитрила, но мне там и вправду становится плохо. Однако дело не в этом.
- Конечно, не в этом, – подтвердил Король Королей, – дело в короле и королеве.
- Ты собираешься с ними говорить?
- С Филиппом, но не с Элеонорой.
- Боюсь, у тебя ничего не выйдет. Она боится вашего разговора наедине и не отпустит мужа, а заодно и родичей. Тебе придется схватиться сразу со всеми.
- Неравный бой, – кивнул головой ре Фло, – не в первый раз, конечно, но уж лучше десяток батаров, чем рыжая сука и ее кобели... Прости, Миранда... Это песенка такая, на язык попало.
- Да слышала я эту песенку, – улыбнулась жена Анри, – ее половина Мунта поет, я даже пуделей этих знаю. Луи Трюэль их приводил к нам как-то, очень милые собачки...
- Гартажи тоже на взводе.
- На взводе все, Рауль. И это очень плохо. Может быть, тебе лучше уехать?
- Куда? В Оргонду? На север? Мира, дорогая, я ОБЕЩАЛ и воинам, и нобилям поговорить с Филиппом. Я не могу им лгать.
- От такой честности полшага до гражданской войны.
- Что ж, – Рауль сплел пальцы, – раз мы дожили до такого, придется пожертвовать «пуделями». Если мне понадобится содрать с них шкуру, я сделаю это, хоть они и не та дичь, к которой я привык. Но сначала я поговорю с Филиппом. Сегодня же...
- Как знаешь, – Миранда поправила браслет. – Может, ты и прав, хотя за малой кровью всегда стоит большая. Значит, вечером... Я тоже приглашена, но не пойду, ведь мне по-прежнему плохо.
- А Сезара отпустишь?
- Он взрослый, ему и решать. Думаю, он пойдет, хотя бы из дружбы к Александру.

2882 год от В.И.

10-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Гостей было немного. Отец Эллы с сыновьями, Жоффруа с Сандером, Гастон Койла и виконт Малве, заменивший отсутствующих родителей. Рауль ре Фло коротко поклонился и занял место между Сезаром и кем-то из «пуделей» (вернувшийся с границы граф так и не научился разбираться в королевских родственниках). Все молчали, что было неудивительно. Повод, по которому собралась семья, был, мягко говоря, невеселым.

Любопытно, о чем сейчас думает королева. Ее первый муж погиб, сражаясь на стороне Лумэнов. Теперь, по прошествии двенадцати лет, радуется красавицу это обстоятельство или печалит? Ре Фло старался, но не мог припомнить барона Гризье, мелкую сошку, вряд ли известную за пределами его родной провинции. Если Элеонора его любила, а домогательствам короля уступила ради семьи, ее можно понять, но если ей дорог именно Филипп, она должна вести себя иначе. Рауль смотрел на роскошно одетую надменную женщину, понимая, что поговорить с Филиппом наедине не удастся. Король боится и не хочет этого разговора и в то же время еще не готов к полному разрыву. Отсюда и этот обед, который должен показать, что Рауль ре Фло все еще член семьи... Рауль поймал бегающий взгляд Жоффруа, столкнулся с умоляющими глазами Александра... Мальчишка все понимает и мучительно не хочет ссоры. Еще бы, выбирать между братом и другом непросто, а чувство чести у малыша отцовское... Пожалуй, Мира была права, ссора сейчас не нужна. Хотя бы ради Сандера. Лучше вернуться на границу, заплатить воинам из своего кошелька и подождать год-другой. Обен и Евгений не дураки, может

быть, им удастся образумить Филиппа, еще одной гражданской войны Арция не переживет... Он уберется из Мунта завтра же, здесь и сны какие-то подлые. Что видел, не вспомнишь, знаешь только, что гадость, причем страшная.

Проклятый, как же им всем не хватает Шарло... Сходство Филиппа с покойным герцогом лишь напоминает об утрате. «Отражение коня в озере никогда не станет конем», – говорят атэвы. Увы, Филипп – лишь отражение Шарло, и причем отражение глупое и упрямое.

– Когда вы возвращаетесь к вашим неприятным эскотцам? – учтиво осведомился разряженный нобиль средних лет с очень любезным лицом, тесть, надо полагать...

– Не знаю еще. – Почему не знает, он же решил, что завтра. Или еще не решил? – Это зависит от многих обстоятельств. Крепости нуждаются в ремонте, люди – в жалованье.

– Страна разорена, – вздохнул отец королевы, и золотая атэвская парча вспыхнула в свете свечей, – боюсь, нам придется урезать содержание армии. Придется затянуть пояса.

– «Нам»? – Нужно оставаться спокойным. Спокойным и сдержанным. – Но армию содержит казна, это вопрос короля и маршала, любезный... м-м...

– Граф Ревы, – тусклым голосом сообщил Филипп, – мой тесть и, можно сказать, временный старейшина Совета Нобилей, так как Обен Трюэль болеет пятый год.

– Я знаю, – кивнул ре Фло.

– О да, – улыбнулся Ревы, – вы же были у нашего дорогого графа.

– Разумеется. Он мой друг, и он оказал немало услуг Арции.

– Да, – все так же невыразительно подтвердил король, – поэтому его звание, равно как и звание маршала Арции, пожизненно закреплено за Обеном Трюэлем и Анри Мальвани.

– Это благородное решение, – тонко улыбнулась королева, – но оно дурно сказывается на делах сегодняшних. Уехавший маршал, больной старейшина... Их обязанности, но без их прав и привилегий, вынуждены исполнять другие. Если бы эти люди по-прежнему радели об Арции, они бы сами отказались и от жезла⁵³, и от кресла в Совете.

– Сигнора, – голос ре Фло все еще звучал ровно, – Анри Мальвани перестанет радеть об Арции, только если умрет. То, что он делает в Оргонде, позволяет нам меньше тратить на оборону и не опасаться удара с юга.

– Теперь уже вы сказали «нам», сигнор, – холодно заметил Ревы.

– Да, – столь же холодно произнес хозяин Фло, – потому что второй год все расходы по обороне северных границ несут ре Фло.

– Вы, граф, – фиалковые глаза королевы на мгновение остановились на супруге, и тот ответил ей нервной улыбкой, – вы, дорогой граф, взяли на себя управление Севером добровольно, и, насколько мне известно, Мунт не видит доходов ни из Эстре, ни из Тагэре. Если вы их тратите на оборону, это, безусловно, разумно, но хотелось бы знать подробности...

– А подробности о доходах провинции Ларрэн вы бы знать не хотели? – Рауль резко обернулся к графу Ревы. – Там нет войны, там лучшие почвы в Арции, там лежат торговые пути, но, похоже, даже герцог Ларрэн не знает, куда исчезают доходы от его владений.

– Не знаю, – встрепнулся Жоффруа, – граф Ревы...

– Жоффруа, – король нахмурился, и средний брат тут же замолк, на всякий случай отвернувшись от Рауля. – Вряд ли состояние владений Жоффруа имеет к вам отношение, скорее уж вы можете рассказать Александру о том, что вы делаете с Эстре.

– Не нужно. – Голос Сандера слегка дрожал, но он хотя бы не прятал взгляд. – Филипп, мне недавно рассказали, что в Эстре привыкли жить от набега к набегу. Я знаю, кузен делает все, что в человеческих силах. Если бы я и вправду распоряжался Эстре, то, не колеблясь, попросил бы его взять на себя управление, а сам бы постарался помочь.

⁵³ Имеется в виду маршальский жезл.

– Ты еще молод, братец. И титул герцога Эстрийского отнюдь не означает, что ты будешь там править, так что помолчи.

Серые глаза Сандера вспыхнули и погасли. Видимо, он что-то вспомнил, что-то, что заставило его взять себя в руки. Повисла нехорошая тишина.

– Итак, – медленно и четко заговорил Рауль, – насколько я понял, в любезном отечестве можно безнаказанно красть деньги и пускать их на раззолоченные штаны и особняки, но нельзя из них платить тем, кто эти штаны и особняки защищает? Я пришлю Вашему Величеству все отчеты за последние два года. Насколько я понимаю, из казны можно лишь брать, но не вкладывать туда собственные деньги. Я больше не буду содержать Замковый пояс, дабы не вызывать огорчения у Вашего Величества и сидящего в кресле отсутствующего Обена любезного графа.

– Вас никто не просил платить солдатам.

– И я отнюдь не уверена, – добавила королева, – что этот поступок был продиктован заботой о благе Арции, а не желанием заручиться поддержкой наемников.

– Ваше Величество, – темные глаза Рауля метали молнии, – я на границе отвык от светских недомолвок. Мне хотелось бы, чтобы вы объяснили, что имела в виду ваша супруга.

В этот вечер уже случалось, что все, сидящие за столом, замирали в тягостном ожидании, но последняя пауза была еще более гнетущей и бесконечной, чем предыдущие. Жоффруа, казалось, превратился в придаток к своему креслу, братцы королевы замерли с воистину собачьим выражением на лицах, готовые по слову хозяина или рвать Рауля на куски, или лизать ему руки, Мальвани переводил глаза с одного лица на другое, словно стараясь запомнить все. Королева и Рауль требовательно смотрели на замершего короля, на скулах которого ходили желваки, а на лице Александра застыла отрешенная сосредоточенность человека, молящего Господа о чуде.

Наконец Филипп отвел глаза, он только лишь собирался говорить, а Рауль уже понял, что королева выиграла.

– Сегодня не лучший день, чтобы говорить о делах и о деньгах. Видимо, то, что случилось двенадцать лет назад, и вправду становится прошлым, раз даже кузен озабочен делами сегодняшнего дня. Что ж, я пью за то, чтобы прошлое не становилось камнем на шее для нас, нынешних. – Король выпил, и вместе с ним выпили все, кроме Сезара, Сандера и, разумеется, Рауля ре Фло. Вновь повисла тишина, а потом Король Королей встал и высоко поднял полный кубок.

– Ваше Величество, позвольте сказать и мне. Пью за упокой прошлой дружбы, вечная ей память. Возможно, старый друг и лучше новых двух, но против десятков пуделей да левреток ему не выгрести. Вы выбрали. Меня ждет граница. Вышел я из того возраста, когда учатся хвостом вилять да на задних лапках за подачку танцевать, только и остается, что эскотцев отпугивать! – Ре Фло выпил и быстро вышел, на прощанье так саданув дверью, что на столе задребезжала посуда, а несколько плохо закрепленных свечей выпали из шандалов. Одна упала на платье королеве, Элла с криком вскочила и заметалась по комнате. Король бросился к ней, но его опередил Сезар Мальвани. Грубо схватив Элеонору за плечи, он рванул запылавшую вуаль, швырнул на пол и затоптал.

– Благодарю вас, виконт, – бросил король, – проклятый Медведь!

– Ваше Величество, – Сезар был спокоен, но на виске у него бешено пульсировала жилка, – граф ре Фло – друг нашей семьи. Возможно, вы предпочитаете не вспоминать то, что произошло у Эльты и Беток, но для Мальвани эта память свята.

– Во имя этой памяти я и терпел, – огрызнулся Филипп, – но каждому терпению есть предел. Учтите это, виконт.

– Я учел, – наклонил голову Сезар.

Король вернулся к столу, и Морис Реву поспешил разлить вино.

– Ваше Величество, – граф был явно доволен случившимся, – старые заслуги – это старые заслуги, хотя служить своему королю не заслуга, но долг каждого нобиля. Я хотел бы выпить не за прошлое, ведь оно уже прошло, но за будущее Арции, свободной от крамолы и самовольства. Пора понять, что государство – его король, а король – это государство. Итак, за нашего короля!

Вино было торопливо выпито, но кубок Сезара Малве остался нетронутым. Филипп нахмурился, но промолчал. Повисла тишина. Морис Реви приятно улыбался, глаза его сыновей перебегали с короля на сына врага и обратно. Жоффруа побледнел, потом покраснел, Александр опустил глаза, избегая встречаться взглядом с кем бы то ни было, королева с нежностью и восхищением взидала на супруга, а виконт Малве хладнокровно разглядывал шпалеру, изображающую охоту на львов в Эр-Атэве. Ждали грозы, но Филипп сдержался, хмуро провозгласив тост в честь Ее Величества.

И вновь Сезар не притронулся к своей чаше. Темные брови короля сдвинулись, стало ясно, что грозы не избежать. В исходе никто не сомневался, но и Жоффруа, и Морис, и его сыновья словно бы слились со своими стульями. Александр, смертельно бледный, переводил взгляд с брата на друга и обратно, но тоже молчал. Заговорил король:

– Виконт, я могу понять ваше нежелание пить за будущую верность нам, раз вы не намерены ее хранить, но долг рыцаря поднять кубок за свою королеву.

– Сожалею, государь, – наклонил голову Сезар, – но я не могу.

– Не можете или не желаете?

– Я не стал бы пить даже в память святого Эрасти. Я дал обет отказаться от вина.

– И когда же вы его дали, Малве? – в голосе Филиппа сквозила подозрительность.

– Сегодня вечером, – охотно пояснил Сезар.

– Что ж, слово Мальвани – это слово Мальвани. Я вас более не задерживаю. Засвидетельствуйте мое почтение вашей матушке.

– Она будет тронута, Ваше Величество, – Сезар учтиво поклонился королю и стремительно вышел.

Проводив глазами удаляющуюся фигуру, король повернулся к братьям:

– Надеюсь, вы никаких обетов не давали?

Жоффруа пробормотал что-то нечленораздельное, Александр пожал изуродованным плечом:

– Его Преосвященство не советовал мне отказываться от чего-либо, не распробовав.

– Вот как? – протянул Филипп, явно не зная, злиться ему или смеяться. – И что же еще тебе посоветовал Его Высоко-преосвященство?

– Вы не жалеете, что не посвятили себя церкви? – вмешалась королева.

– Сандер мне нужен здесь, Элла, – резко оборвал супругу Филипп и поднялся, давая знать, что вечер окончен.

2882 год от В.И.

Ночь с 10-го на 11-й день месяца Венря.

Арция. Фей-Вэйя

Вот и настала та ночь, которой она так боялась, ночь, когда прошлое приходило к ней, властно заглядывая в глаза. Она пробовала бороться, клялась, что не заснет, не позволит теням пусть на одну ночь, но заслонить свет. Не выходило. Можно было проводить эти часы с сестрами, но Анастасия не была уверена, что сон, приходящий к ней в годовщину гибели Шарля Тагэре, только сон. Существует хоть и призрачная, но вероятность, что голос герцога расслышат те, кто будет рядом, а значит, она должна быть одна. Ее тайна не может стать достоянием Цецилии и иже с ней. Здесь, в Фей-Вэе, умели читать чужие мысли по малейшему дрожанию губ или взмаху ресниц... Анастасия отпустила наперсниц, зажгла свечи, затем надела рубины, единственную защиту от ежегодного безумия. В глубине души теплилась надежда, может быть

сегодня ОН не придет, все-таки двенадцать лет... Тагэре должен понять, что она больше ему не принадлежит, ее дорога в горные выси, а не в его Тьму.

Анастасия, Предстоятельница ордена святой равноапостольной Циалы, некогда бывшая эстрийской ноблеской Соланж Ноар, выпрямилась в кресле, прислушиваясь к звукам засыпающей Фей-Вэйи. В прошлую годовщину она попыталась укрыться в зале Оленя, в позапрошлую – в храме. И везде ее настигал то ли сон, то ли бред, в котором Шарль Тагэре звал ее с собой, и она готова была броситься за ним в преисподнюю. Ее спасали лишь камни и вмешательство святой, но она еще долго чувствовала себя униженной и разбитой. Никакие молитвы, никакие заклятия не защищали от прошлого, и Анастасии начинало казаться, что оно исчезнет лишь вместе с ней. Не страшившаяся никого и ничего, она до безумия боялась этих призрачных встреч, не зная, где, когда и каким придет к ней ее бывший любовник. Несколько раз она видела его раненым в иссеченных доспехах, дважды он появлялся в полном герцогском облачении, а год назад был таким, как в их последнюю встречу в саду Фей-Вэйи... Больше живым она его не видела. Может, это добрый знак, и он наконец оставит ее в покое? Какая сейчас ора? Наверняка больше полуночи.

Анастасия выглянула в окно. Вьюга. Ветер кружит снежные хлопья, завывает в трубах, колотится в двери. Белый Вепрь несется, не разбирая дороги, взметая тучи снега... Как же далеко до весны, и как длинна эта ночь! Воистину зимние ночи ослабляют дух, это ловушка, расставленная Тьмой.

– Я должен поговорить с тобой. – Она вздрогнула, услышав ставший ненавистным голос. Все-таки он пришел!

Герцог стоял у камина, протянув руки к огню, на светлых волосах таяли снежинки. Он был бледен, спокоен и равнодушен, и сердце Анастасии забилося от неуместной боли. Неужели разлюбил? Пришел попрощаться? Только не поддаваться! Ни в коем случае! Иначе она загубит себя. Женщина, как утопающий за веревку, вцепилась в алое ожерелье. Как всегда, это помогло, она овладела собой. Первый порыв самый опасный. Когда Шарль появился впервые, она вообще бросилась к нему на шею... Но теперь она предупреждена и вооружена. Это сон, бред, наваждение. Она должна проснуться.

– Тебя нет. Уходи и не возвращайся. Тебя больше нет!

– Я как раз есть, – он повернулся к ней, – это ты умираешь, хоть и кажешься себе живой.

– Что тебе надо? Я не пойду за тобой. Я больше не твоя.

– Я вижу, – в серых глазах плеснулась и погасла боль, – я проиграл тебя... Я не смог тебя сберечь, и я не смог тебя забрать. Ты становишься проклятием Тарры, Сола. Ты не виновата, я знаю. Так получилось.

– Что получилось? – она сама не заметила, как встала и шагнула к нему. Почему он не зовет ее с собой? Почему не говорит о любви? – Шарло...

Она обезумела, но резкая боль отрезвила ее. Ее рубины! Они вновь спасли ее, когда она готова была сдаться. Герцог отступил, глядя на нее, как смотрят на змей и палачей. Ну и пусть! Он ей не нужен! Все кончено, и давно. Она Предстоятельница ордена святой равноапостольной Циалы, она знает, чего хочет и во имя чего живет. Прочь, тени прошлого!

– Именем святой Циалы я изгоняю тебя!

– Что ж, – Тагэре покачал головой, – ты сказала все. Теперь слушай меня. Предательница не властна над теми, кто не предавал. Для меня ее имя пустой звук. Тебя уже не спасти, иди своей дорогой, да будет она проклята. Но не смей трогать тех, кого я любил! Я предупреждаю тебя, Анастасия. Повелевай своими крысами и будь этим счастлива, но Арция не твоя и твоей не будет...

– Ваша Иносенсия! – в голосе склонившейся над ней сестры бился ужас, Анастасия с трудом разлепила тяжелые веки. Она опять уснула, и ей снился кошмар. Неужели она кричала так громко, что прибежали сестры?

– Что случилось?

– Ваша Иносенсия, спуститесь скорее вниз...

Хвала святой Циале, тревога Цецилии и Лукии не связана с ней. Что бы там ни было, это лучше безумного разговора с умершим герцогом! Ее Иносенсия решительно встала и направилась к выходу, по дороге расспрашивая сестер о причине их страха. Те что-то лепетали, но смысл до Анастазии дошел не сразу.

Такого просто не могло быть! Они сошли с ума... Оттуда не возвращаются! Но сестры вновь и вновь твердили одно и то же. Ровно в полночь они услышали звон и рев, показавшийся им ревом ветра. Решив, что буря разбила окно в зале Оленя, Цецилия и Лукия бросились туда, но это был не ветер, хотя окно и вправду было распахнуто настежь. Посредине зала в окружении снежных вихрей, напоминающих гигантских белых птиц, гарцевал всадник на чудовищном коне. Женщины замерли на пороге, а потом бросились вон.

Презрительно сжав губы, хотя сердце предательски трепетало, Анастазия пошла впереди. Тагэре?! Не может быть! Или в эту ночь кошмары снятся всей обители, а не только ей? Ее Иносенсия решительно распахнула дверь, и в лицо пахнуло морозом. Окно и впрямь было распахнуто настежь, а пол возле него занесен снегом, но не это потрясло женщину больше всего. На спинке кресла Предстоятельницы чернел отпечаток мужской ладони. Анастазия сморгнула в тщетной надежде, что ей почудилось. След был выжжен, словно коснувшаяся светлого дерева рука была огненной, а на сиденье валялся... талисман Мулана. Некогда белый, мерцающий камень превратился в жалкую пористую гальку, подобную той, что выносят на берег волны вблизи огнедышащих гор. Анастазии стало ясно, что новому Белому Паладину придется рассчитывать лишь на силу своих мечей, а ей... Ей придется забыть о магии или, по крайней мере, не делать ничего, что прогневит Шарля Тагэре, по воле Проклятого вернувшегося в мир живых.

2882 год от В.И.

Ночь с 10-го на 11-й день месяца Вепря.

Варха

Норгэрель с удивлением смотрел на кровавые пятна на покрывале. Когда и как он умудрился порезаться, он не помнил, но ранка на ладони упорно кровоточила, несмотря на исцеляющее заклятие. Ну и пусть ее, не смертельно. Что же все-таки ему снилось? Несомненно, что-то очень важное, но зыбкие образы ускользали, как рыбки в серебристом ручье. Странно, раньше он прекрасно помнил свои сны, даже когда был совсем ребенком.

Может быть, не стоило ему покидать Лунные острова, но он так хотел помочь Рамиэрлю и Эмзару! Жаль, он так и не узнал своего брата Астена, все говорят, что они похожи, как два цветка на одном стебле. Астен прожил настоящую жизнь, удастся ли ему стать таким же... Больше всего Норгэрель хотел путешествовать вместе с Нео Рамиэрлем и Клэром, ищущим подтверждения древних пророчеств, но он понимал, что со своим незнанием Арции станет для разведчиков камнем на шее, а вот Эмзару он был очень нужен. И Норгэрель остался с братом по матери.

То, что он видел во сне, как-то связано с Кольцом Вархи, вернее, с тем, что находится внутри его. Надо поговорить с Эмзаром, может быть, сегодня он сумеет поймать обрывки его снов, потому что это действительно важно... Норгэрель вскочил, но пол отчего-то ушел из-под ног, и мир окутал горячий душный туман. Чтобы удержаться на ногах, эльф оперся о стену. На смену жаре пришел холод, ставший уже привычным, но голова перестала кружиться, а пол качаться. Норгэрель оторвался от спасительной стены, на которой остался алый отпечаток. Кровь и не думала останавливаться, капля по капле вытекая из ранки, про происхождение которой он помнил не больше, чем про свой сон.

2882 год от В.И.

Ночь с 10-го на 11-й день месяца Венря.

Арция. Мунт

Возможно, стоило выпить и даже напиться. Жоффруа так и сделал, но Дени говорил, что пить с горя – трусость. За окном падал снег, каждую четверть оры глухо звонил колокол, изредка раздавался какой-то скрип. Александр припоминал все известные ему эскотские слова, мысленно рисовал карты Тагэре и Эстре, считал лягушек, даже пробовал молиться. Не помогало. А ведь ему казалось, что наказ Евгения выполнить легче легкого! Как просто быть верным самому умному, самому храброму, самому замечательному брату и как трудно оставаться с тем, кто несправедлив к близким!

Сначала оскорбили Рауля, в чьем доме он вырос, потом Сезара, ставшего ему другом, а он остался за столом со сворой Вилльо. Промолчал и остался! Проклятый, ну почему приходится выбирать между дорогим и самым дорогим?! Филипп не прав, это очевидно. Рауль вне себя, и к чему приведет ссора короля с Королем Королей, страшно и подумать... А он потерял Сезара. Родись он не братом короля, а простым нобилем с севера, пусть трижды горбуном, их дружбе ничего бы не помешало, но Дени ненавидел слово «бы».

Колокол снова прозвонил. Четверть третьего. Сандер продолжал вглядываться во тьму. Двенадцать лет назад Эдмон и старый Этьен ре Фло ожидали смерти, а сегодня один внук Старого Медведя оскорбил другого, которому обязан и жизнью, и короной. Эдмон бы так не поступил! Эдмон... А ведь теперь он, Александр, старше брата, который казался таким взрослым! Судьба сохранила калеку и отобрала жизнь у того, кто был куда достойнее. Два и три четверти... Нет. Так больше нельзя!

Александр не додумал, что именно нельзя, а просто вскочил и принялся лихорадочно одеваться. Не смог сразу отыскать пояс и только тогда сообразил, что следовало зажечь огонь. Если Сезар его выгонит, то будет совершенно прав. Кому нужно запоздалое раскаяние, да это даже и не раскаяние. Просто он хочет сохранить обоих! И брата, и друга, но разве можно одновременно оседлать двух лошадей? А если Рауль и Сезар восстанут против Филиппа?! Нет, этого не может быть, они слишком любят Арцию, а Филипп – это Арция, как сказал Евгений.

Юноша накинул плащ и выскользнул из своих покоев. Сонный лакей с удивлением уставился на герцога Эстре, но ничего не сказал. Дело слуг повиноваться, а не лезть к господам с советами и замечаниями. Почти пробежав по гулким переходам, Сандер оказался у служебной калитки, разбудил задремавшего стражника, который, глупо хлопая глазами, торопливо отпер дверцу. Перед Сандером лежала засыпанная снегом улица Святого Мишеля, белая и пустынная. Первого и единственного человека Сандер встретил, заворачивая на площадь Ратуши. И им оказался... виконт Малве, схвативший его за руку.

– Проклятый, как же я рад тебя видеть, Сандер.

– А я еще больше, – заявил Александр слегка дрогнувшим голосом.

Им оставалось только расхохотаться. Оба старательно обходили самое важное, хотя почему обходили? Главное было понятно: их дружба выжила назло всем «пуделям» мира!

– Знаешь, – отсмеявшись, нахмурился виконт, – давай пойдем куда-нибудь, в того же «Нобиля», что ли...

– Не поздно?

– Ты что, в Мунт только вчера приехал? – изумился Сезар. – Разумеется, не поздно. Поздно будет только оры через три.

Они пошли в «Щедрого нобиля», и им несказанно повезло: там оказался Сивый Анн, которого они прозевали летом. Знаменитый менестрель перебирал струны издававшей виды гитары, собираясь петь. Он, как всегда, появился неожиданно-негаданно, и новость об этом еще не успела разойтись, так что народу было не то чтобы много и все, похоже, засели в таверне с вечера. Друзья, стараясь не привлекать внимания, скользнули в дальний угол, но красавца

Сезара и горбуна Тагэре узнали. Поднял глаза и певец, и Сандеру показалось, что он когда-то уже видел этого человека. Но где? А бард взял несколько аккордов и запел. Он не называл имен, и песня эта, то ли старая, как мир, то ли, наоборот, только что сложенная, была не об отце и не об Эдмоне, и вместе с тем она была о них. Это не было ни плачем, ни клятвой, ни жалобой, но чем-то иным, что можно выразить, лишь сплетая Музыку и Слово.

Александр Тагэре смотрел на Сивого Анна, но видел не его. Перед глазами всплывали иные лица. Отец вновь склонялся с коня к нему, восьмилетнему, ветер разведал светлые волосы Эдмона, следящего с крепостной стены за облаками, чему-то улыбался вечно нахмуренный Дени, весело кричала маленькая Жаклин, а седой Аларик протягивал ему шпагу. Есть только Свобода, Александр Тагэре. Свобода и честь! А на небе ярко сияли две звезды, голубая и алая...

Гитара умолкла, и Сандер с трудом понял, на каком он свете. Впрочем, в иных мирах побывал не только он. Лица гостей, даже самых пьяных, стали какими-то просветленными, словно в храме, хотя как раз в храме подобных лиц он не видел. Стоп! Вот оно! Утром на него смотрел старый бард! Может быть, он знал отца и приходил его помянуть? Спросить или не стоит?

Толстый хозяин принес кувшин вина и наполнил два кубка. Александр взял свой и с удивлением взглянул на Сезара.

– Ты что?

– Я не пью, – улыбнулся Сезар.

– Но...

– «Но» не может быть, Сандер. Я дал слово. Неважно почему, но дал. А ты пей. Можно делить с другом беду и радость, но не глупость. Пей, тебе обязательно нужно выпить.

Сандер выпил. Вино было терпким и крепким, наверное, трактирщик добавил в него царки. Александр повернулся к менестрелю, и тот слегка кивнул ему, словно старому знакомому. Однако разговора не получилось. Дверь распахнулась, и на пороге возникла высокая фигура в лиловом плаще, за которой маячило еще несколько. Тускло блеснул металл.

– Проклятый, – сорвалось с губ Мальвани, и было отчего. Представить себе епископа Иллариона, шляющегося ночью по кабакам, было невозможно, но это был он собственной персоной, и глаза его горели тем же почти сладострастным огнем, что и утром.

Взгляд клирика поочередно останавливался на всех. Когда пришла очередь Александра, юноше показалось, что ему за шиворот швырнули кусок льда, но он выдержал. Епископ и сын Шарло Тагэре смотрели в глаза друг другу целую вечность, потом Илларион отвел взгляд. На суровом лице отобразилось некое непонимание, так наверняка выглядел бы растерявшийся камень. Епископ еще раз оглядел посетителей таверны, отчего-то пропустив сидевшего на самом виду менестреля, резко развернулся и вышел.

– Тьфу ты, пропасть, – выразил общее мнение здоровенный, вооруженный до зубов детина, – такой вино в уксус превратит. И какого Проклятого ему здесь понадобилось?

– Может, подружку себе искал? – осклабился рябоватый гвардеец со сломанным клыком, и все с удовольствием захохотали. Сандер плеснул себе еще вина, залпом выпил и повернулся к менестрелю, но того уже не было.

2882 год от В.И.

Ночь с 16-го на 17-й день месяца Венря.

Эльтова скала

– Ты, в конце концов, все же рехнулся, – гибкий высокий человек в темном плаще сдерживался из последних сил.

– От такого слышу, – безмятежно ответил тот, кого Сандер знал, как Аларика, а Эмзар называл Рене, и подбросил в разгоревшийся костер несколько сучьев покрупнее. Оранжевый отсвет скрадывал всегдашнюю бледность седого бродяги, задумчиво глядевшего в огонь. Его

собеседник подвинулся поближе и откинул капюшон. Пламя выхватило из темноты нечеловечески прекрасное лицо с бездонными, слегка раскосыми глазами.

– И все же ты рисковал.

– Как и ты, – махнул рукой Рене-Аларик, – но мой риск, в отличие от твоего, себя оправдал. Они напуганы...

– Ты нарочно выбрал ту ночь?

– Разумеется, память никуда не денешь. Она невольно чего-то подобного ждала. Думаю, расценила мою выходку как предупреждение с того света, и не так уж и ошиблась. Хотя...

– Забудь о своих «хотя», – почти выкрикнул первый и осекся. – Извини. Просто я за тебя боюсь.

– Вот уж глупость, так глупость, мне терять нечего.

– Зато Тарра не может потерять еще и тебя, да и сам ты не шибко веришь в то, что несешь. Тебе есть что терять, поэтому ты до сих пор здесь.

– Наверное, ты прав, – Рене тронул падавшую на лоб серебристую прядь, – но в сравнении с тобой мне мало что грозит, впрочем, как и тебе в сравнении с мальчишками, на которых все и держится. Проклятье! Как мало от нас зависит!

– Сейчас, – добавил красавец.

– Но без «сейчас» не бывает «потом». Я почти уверен в том, что мы нашли. Именно поэтому я и рискнул осадить этих ведьм. Все и так висит на волоске, пусть хоть с этой стороны какое-то время тихо будет. Нужно тянуть до последнего, вдруг они все же успеют...

2882 год от В.И.

20-й день месяца Сирены.

Арция. Фло

Зима заканчивалась, все было спокойно, по крайней мере внешне. Рауль на границу не вернулся, новым наместником Севера стал Морис Реви, но он к исполнению своих обязанностей пока не приступал. Ждал тепла или же того, что король сам представит его северной знати. Ре Фло вернулся в родовое имение. В конце месяца Копьеносца Сандер и Жоффруа получили приглашение. Король Королей давал понять, что ссора со старшим братом не сказалась на его отношении к бывшим воспитанникам, хоть и не надеялся их увидеть. Жоффруа заколебался, Александр же сразу решил ехать. Вряд ли это понравилось Филиппу, но тот промолчал: то ли был уверен в брате и не хотел усугублять ссору, то ли был занят чем-то другим. В последнее время Филипп казался уставшим, жаловался на плохой сон и еще сильнее привязался к Элле.

Братья виделись редко, чем занимался Жоффруа, Сандер не знал, сам он все теснее сходил с Сезаром, но тот собирался в Оргонду проведать отца. Он звал с собой, но Александр решил съездить во Фло. Сезару и так найдется что обсудить с маршалом, не говоря уж о том, что приезд брата арцийского короля, недавно выдавшего сестру за Марка Отважного, станет при оргондском дворе событием, а младший из Тагэре терпеть не мог оказываться в центре внимания. И он ускакал во Фло в обществе Жоффруа, внезапно решившего принять приглашение.

Снег был рыхлым и темным, а днем небо сияло чистой весенней синевой. Было странно и страшно повторять путь, по которому ехали отец, дед, Эдмон... Порой Сандеру чудилось, что они вот-вот нагонят блестящую кавалькаду, и все изменится, пойдет иначе. Умом юноша понимал, что ничего подобного нет и быть не может, но обуздать расхажившее воображение не получалось. С братом они почти не разговаривали, впрочем, они никогда не ладили. В детстве сильный и рослый Жоффруа изводил его своими издевками, потом, получив нахлобучку от Дени, перестал замечать, а после истории с Муланом и «пуделями» стал побаиваться.

Сандер не пытался сломать разделивший их барьер. Родной по крови, по сути Жоффруа был для него чужим, куда более чужим, чем хохмач Луи Трюэль или романтик Этьен, не говоря

уж о Сезаре, а лгать и притворяться Александр Тагэре не любил. Правду сказать, он предпочел бы ехать один, но тут уж ничего не поделаешь.

Фло почти не изменилась и вместе с тем изменилась разительно. Все так же отливали то свинцом, то серебром стены замка, шумела вода в стремительной, никогда не замерзающей Гиве, а на башне развевался алый стяг со вставшим на дыбы медведем. Все так же коренастые грабы поднимали к небесам бесчисленные грачиные гнезда и темно-зеленые шары омелы.

Александр с трудом сдержал подступившие к глазам слезы. Фло, место, где он вырос, научился не только держать в руке оружие и ездить верхом, но и смеяться... Навстречу им выехал младший брат Рауля Гийом Ланжере в сопровождении свиты, и это стало первой неприятностью. Они больше не были своими, но гостями, знатными сигнорами, братьями короля.

Сандер растерялся, слушая, как Жоффруа отвечает на сдержанное приветствие Гийома, с которым они не раз стояли рядом и на охоте, и на оружейном дворе. Неизвестно, как бы ответил сам Александр, но рядом с Ланжере был Дени, и все столичные выверты растаяли, как сосулька в месяце Агнца. Сандер резко послал коня вперед:

– Дени! Я так рад...

– Проклятый! И я тоже. Про тебя прямо-таки чудеса рассказывают!

– Это потому, что меня никто не принимает всерьез, – засмеялся Сандер, – вот и получают, а по-настоящему... По-настоящему я еще и не дрался...

– Ну и хвала Эрасти, – нахмурился Дени, – колоти «пуделей» и дальше, дело хорошее. А настоящей войны я тебе не желаю.

Александр внимательно взгляделся в лицо своего учителя. Неужели он допускает, что между Раулем и Филиппом вспыхнет война? Да, ссора, да, обида, но война?! А почему бы и нет? Верить в такое не хотелось, но Сандер Тагэре никогда не прятал голову под крыло. Когда-то в один далеко не прекрасный день он сказал себе: «Ты – калека и никогда не сможешь быть таким, как все, и с этим тебе придется жить». Теперь он столь же ясно осознавал, что струна натянута до предела и вот-вот лопнет. Нет, Рауль ничего ему не говорил, он был приветлив и спокоен, по виду графа нельзя было предположить, что он возглавит нобилей Севера и выступит против короля. Но Александр чувствовал, что кончится именно этим.

Интересно, понимал ли отец, что, как бы он ни тянул, как бы ни сожалел о Пьере, все было предрешено. В Мунте захватил власть клан Фарбье, принявшийся обжираться собственной страной, опираясь на мечи наемников, и Шарль Тагэре был обречен на восстание. Но разве можно сравнить Филиппа с Фарбье?! Сейчас все иначе. Иначе? Тогда почему он, Сандер, так расстроился, увидев, что за книгу читал Рауль?

«Полет Иволги», история королевы Гортензии, свергнувшей своего жалкого мужа, чьи фавориты проигрывали войны, обирали казну, оскорбляли самых уважаемых в Арции людей... Иволга была права, ее до сих пор вспоминают с любовью, хотя ей пришлось искупаться в крови. Если б не поддержка тогдашнего Белого Командора, покинувшего орден и ставшего возлюбленным Гортензии, еще неизвестно, чем бы все закончилось... А сегодня Король Королей Рауль ре Фло читает о восставшей королеве, а Жоффруа... Брат никогда не был близок со своим великим кузеном, а теперь их не разлить водой. Герцог Ларрэн не отходит от Рауля, для которого родичи королевы что деревенские шавки для матерого волка.

Филипп словно бы задался целью оскорбить и оттолкнуть от себя старых друзей. Брат хочет царствовать, пусть в слабой стране, пусть над стаей дешевых лизоблюдов, но царствовать... Этого Сандер не понимал. Если твой друг и сподвижник опытнее и умнее тебя, радоваться надо. Захоти Рауль корону, он бы ее и так получил девять лет назад. Как и Мальвани, смешавшие свою кровь с кровью Арроев, когда дочь императора Рене Второго отдала свое сердце Анри Мальвани, потерявшему ногу в битве при Кантиске. Ни двадцать лет разницы, ни увечье не заставили принцессу отступить... Мальвани всегда были верны Арроям, но что они скажут, если нобили поднимут восстание против Вилльо, а значит, и против Филиппа?

Брат должен спуститься с небес на землю! Вилльо против ре Фло, Мальвани, Гартажей – то же что метла против волка. Пусть полностью восстановить отношения с Раулем и Анри вряд ли получится, но осадить зарвавшихся родственничков и дать деньги на северную границу Филипп в состоянии. Александр пытался об этом говорить, но король лишь рассмеялся и сказал, что знает, что он с Эллой как кошка с собакой, но наушничанья он от него не ожидал. Неужели брат не понимает, что уснул на змеиной поляне? Рауль что-то затевает, и, похоже, Жоффруа с ним в доле. А что прикажете делать ему?

Александр отодвинул от себя толстый фолиант. Сквозь золотистые стекла витражей проникали яркие солнечные лучи, в которых плясали пылинки. Оранжевые отблески плясали по развешанному на стенах старинному оружию и охотничьим трофеям. Когда-то он часами просиживал здесь, роясь в старинных книгах. Покойный Евтихий всячески поощрял своего подопечного в столь презируемом многими нобилями занятии, но все равно непрочитанных книг осталось куда больше, чем прочитанных. Сандер бездумно гладил кожаные переплеты, иногда вынимал книгу, открывал, пробежал глазами пару строчек и вновь закрывал. Замковый колокол ударил четыре и три четверти. Надо спускаться в обеденный зал.

Александр попытался вернуть на место «Землеописания земель южных, заселенных людьми черными и страшными, исполненное смиренным рабом Господа Серафимом из ордена святого Теодора-Странника». Что-то мешало, и Сандер, сунув руку в отверстие между томами, вытащил какой-то сверток... Так вот куда тетушка Марион засунула свои знаменитые карты, из-за которых несколько раз перерыли весь замок! Сандер с усмешкой смотрел на странные картинки, вышедшие, безусловно, из-под рук настоящего мастера.

Проклятый, что это? На него смотрела... святая Рената из Духова Замка. Только одета она была в странное струящееся платье и казалась счастливой и любящей, а рядом стоял улыбающийся молодой человек с красками и кистью. Александр отбросил еще две карты и вновь остановился при виде рыцаря на коне... Романа, удержавшего его, девятилетнего, от прыжка в бездну. Этого не могло быть, но это было, а вот и Аларик! Стоит у руля, ветер треплет серебряные волосы, а на шее переливаются удивительные зеленые камни, такие же, как на его мече. Но этим картам никак не меньше двадцати лет, а седого он встретил прошлым летом, и тот не постарел ни на год... А эта женщина в черном с разноцветными волосами. Какое тревожное лицо! Босые ноги ступают по торчащим из пепла лезвиям, вдали какая-то башня. Кажется, эта карта называется Долгое Возвращение... Откуда она вернулась, куда идет, зачем?

Александр Тагэре никогда не гадал и не загадывал, но на этот раз рука сама вытащила три карты. Что его ждет завтра? Через год? Через десять лет? Темные, пустые. Все три...

– Сандер, вот ты где, – Жаклин, младшая дочка Рауля, вбежала в библиотеку, и Сандер торопливо сунул черные прямоугольники в колоду.

– Ой, что это у тебя?

– Похоже, я нашел пропажу тети Марион.

– Верно, – Жаклин взяла карты, – я любила их разглядывать. Они такие красивые, куда лучше книжных миниатюр. – Девушка одну за другой выкладывала карты на стол, и Сандеру показалось, что он сходит с ума. Ни святой Ренаты, ни Романа, ни Аларика, ни странной женщины. Привычные, хоть и тщательно прорисованные фигурки. Влюбленные, король Вод, рыцарь Утра... Обычные лица и НИ ОДНОЙ ЧЕРНОЙ КАРТЫ.

2882 год от В.И.

20-й день месяца Сирены.

Фронтера

Тахена осталась позади, впереди лежала заснеженная Фронтера. Пора было становиться человеком, и Клэр сосредоточился, воскрешая в памяти давным-давно почившего в должности командора бывшего аюданта Рене. Не прошло и десятистки, и из заснеженной пуши выехал

курносый белобрысый юноша, кое-как сидевший на заслуженном пегом мерине. Такой никаким разбойникам не нужен. Ну, тащится хлопец куда-то по своим делам, и Проклятый с ним. Ни от него, ни от коняги толку никакого! Другое дело, что невзрачная клячонка за ору легко покрывает полторы, если не две весы, но этого-то фронтерцам знать не обязательно. В это время года и в этих местах путники – редкость, а вот дальше к югу придется соразмерять бег Коралла с надетой на них обоих маской. Раньше о таких мелочах думал Роман, теперь же Клэру придется доказывать, что семьсот лет скитаний в обществе разведчика не прошли даром, и он, Клэр, в состоянии сделать в одиночку то, что они с Нэо делали вдвоем.

Рыцарь Осени улыбался, когда покидал Варху, оставляя Рамиэрля с больным родичем. Зачем к чужой боли прибавлять лишнее беспокойство? Он заверил Эмзара и Рамиэрля, что справится. Да ничего необычного в поездке и нет. Обычный поход на поиски неизвестно чего через Арцию и Ифрану в Эр-Гидал и обратно через Эльту и Биллану. Каждый год они объезжают то, что некогда называлось Благодатными землями, в поисках ответов на заданные в древних пророчествах загадки, ищут признаки грядущих бед и надеются, что и на этот раз пронесет. Двенадцать лет назад Нэо показалось, что начинается... К счастью, он ошибся. Герцог Тагэре погиб, так и не получив корону, и до сих пор неведомо, кому предстоит стать Последним из Королей. Когда Роман некоторое время назад побывал в Мунте, там зрела новая склока, но главное не это. Главное – странная, ни на что не похожая и все усиливающаяся сила, изливающаяся из храма Триединого, и его непостижимый настоятель. Ни ему, ни Нэо так и не удалось понять, что за этим стоит, а значит, придется пробовать еще и еще. Рамиэрль рискнул не только войти в храм, но и пустить в ход магию, и Илларион смог пройти по его следу, правда, ров-но столько, сколько разведчик ему позволил, но теперь даже хорошо, что в Мунт придет другой. Хотя вновь оказаться пред алтарем Триединого ему смертельно не хочется, и он не может понять, почему, так же как Эмзар, не в силах разгадать болезнь Норгэреля.

Не только Лебеди, но и Роман в своих странствиях никогда не слышал о подобном. Вроде нет никаких причин, но странные, взявшиеся ниоткуда раны на лбу, груди, ладонях Норгэреля кровоточат все сильнее. Когда разведчики вернулись в Варху, была середина зимы, тогда Норгэрель еще ходил. Дурачок прятал израненные руки в перчатках, стесняясь своей болезни и не желая расстраивать других, но в первый день месяца Ивы⁵⁴ его нашли без сознания в собственной постели. На руках и шее проступили полосы, похожие на следы от ремней, перчатки промокли от крови, на лбу и груди кровоточили ссадины. Эмзару с Романом не сразу удалось привести больного в чувство. Норгэрель ничего не понимал, а память его была переполнена смутными, ускользающими отрывками, которые никому ничего не говорили.

Ни Роман, рискнувший объединить свое сознание с сознанием больного, ни Эмзар, с которым разведчик поделился уже своими воспоминаниями, никогда не видели ни благообразного старца с голубыми глазами и осуждающе поджатыми губами, ни яркого мозаичного потолка, украшенного изображениями сплетающихся спиралей, ни огромных пчел, ни сверкающей сферы, в которой буйствовал радужный вихрь, круживший огненные зерна... Вот и все, что удалось выловить Роману в горячих волнах боли и отчаянья. Придя в себя, Норгэрель бросился извиняться за причиненное беспокойство, и это было самым страшным.

Два сильнейших мага Тарры стояли у постели родича и не могли ничего сделать. Плохо, когда на смену разуму приходит глупая надежда и ты в поисках выхода начинаешь биться, как птица в сетях, с каждым рывком запутываясь все сильнее. Перепробовав все, что можно и нельзя, Роман и Эмзар решили, что Норгэреля лучше увезти подальше от Кольца. Если его все время тянет к Стене, его болезнь может быть связана или с самим огнем, или с тем, что он стережет. Клэр не очень-то в это верил, но что-то делать всяко лучше, чем опустить руки и ждать конца.

⁵⁴ Эльфийское название месяца Сирены.

Роман предложил отвезти Норгэреля на Седое поле, чуждое как Огню Вархи, так и магии Ройгу. Кто знает, может, в этом и есть свой смысл. Клэру хотелось надеяться, что здоровье к сыну Ларэна вернется, но ум твердил, что надежда эта тщетная. Как бы то ни было, Нэо Рамиэрль не мог одновременно быть в Арции и Корбуте, и вот Клэр с Кораллом пробираются фронтерскими снегами навстречу весне. Скоро закончится еще один год, и солнце повернет на новый круг, 2883-й с того мгновенья, когда Светозарные бросили Тарру на произвол судьбы...

Коралл втянул ноздрями воздух и обернулся к всаднику, словно призывая вернуться на грешную землю. Эльф вслушался и различил едва заметный шум. Навстречу шел большой отряд, даже не отряд – войско. Надо полагать, фронтерцы в очередной раз отправлялись пытаться счастья на таянских рубежах, к вящей радости тамошних нобилей. Подумать только, когда-то Фронтера и Таяна были не разлей вода, но потом фронтерские герцоги возомнили о себе слишком много и сначала отделились от ослабевшей Арции, а потом сцепились с северными соседями, но тут уж нашла коса на камень... Правду говорят, что злейшие враги получаются из бывших друзей и родичей. Фронтера и Таяна намертво впились друг другу в глотки, а после того, как Церковь предала таянцев анафеме, объявив против них ддящийся вот уже три сотни лет Святой поход, всякая надежда на заключение мира растаяла, как дым...

Шум впереди становился все отчетливей, и Клэр решил, что хоть мальчишка и его кляча не ахти какая добыча, лучше на глаза подвыпившим по случаю выступления в поход воякам не попадаться. Зло они ему вряд ли причинят, но подшутить попробуют наверняка, подыгрывать же фронтерцам в их довольно-таки грубоватых выходках у Клэра не было ни времени, ни желания. Неподалеку виднелась негустая рощица, и эльф свернул туда, не забыв отвести людские глаза от следов на снегу. Если б кто-то из идущих был при Кристалле, он бы почуял неладное, но синяки вряд ли увязались за воинами. Фискалы всегда тщательно оберегают свою шкуру, а для таянских удалцов нет большей радости, чем свернуть башку судебному магу.

Утренний Ветер застыл в седле, ожидая фронтерцев, и те не замедлили появиться. Тысячи три крепких краснолицых всадников на отъевшихся конях в сопровождении немалого обоза прошли в нескольких шагах от разведчика, радостно горланя песню о каком-то Гайде, променявшем жену на бочонок царки. Когда гомон стих, эльф выехал на тракт, и Коралл, потряхивая гривой, легко побежал на юго-запад.

2883 год от В.И.

23-й день месяца Влюбленных.

Морской тракт

Северные сосны тянули к высокому небу ветви, золотисто-рыжие в лучах заходящего солнца. До городка Лонжи, известного своими кожевенниками и шорниками, оставалось две или три весы. Король слегка прищипил коня – хотелось поскорее размять затекшие ноги, стащить пропыленную дорожную одежду, выпить вина... Уже два месяца Его Величество мотался по северным графствам, мечом и уговорами успокаивая недовольных, которые, правда, пока не сотворили ничего непоправимого.

Север всегда считался вотчиной Тагэре, и в том, что беспорядки вспыхнули именно здесь, следовало винить кузена Рауля и (об этом королю думать не хотелось) жадность Вилльо. Александр, сопровождавший брата в этой поездке, стесняясь и смягчая неприятную правду, посоветовал Филиппу не брать с собой тестя и шурина. Возможно, малыш был прав, так как вместо привычного восторженного приема Его Величество наткнулся на настороженное молчание. Беспокоила и судьба армии, которую возглавляли братья Койла, считавшиеся умелыми полководцами, но бывшие на Севере чужаками. Король понимал, что смалодушничал, отправив их в одиночку против мятежников, но Филипп не хотел поднимать меч против недавних друзей. Пусть их карают другие, а он, подоспев к концу битвы, которая должна состояться со дня на день, помилует большинство пленных и казнит зачинщиков.

Нужно успеть до появления кузена Рауля, который вроде бы не имеет никакого касательства к смуте, но, не заручившись его поддержкой или по крайней мере молчаливым согласием, северные бароны не посмели бы бунтовать против короля. Что ж, урок пойдет на пользу всем.

– Позовите графа Ревы.

Аюдант⁵⁵ молнией метнулся назад, и вскоре отец Эллы подъехал к Его Величеству.

– Морис, вам не кажется, что мы зря разделили свои силы?

– Мне кажется, вы придаете слишком большое значение словам вашего брата, но Его Светлость еще слишком юн и не имеет военного опыта.

– Я не говорил об этом с Александром, сигнор Морис. А что, он был против разделения наших сил?

– Вам лучше спросить у него самого. – Наверное, вы правы. Александр опять повздорил с вашим сыном?

– Ну, не то чтобы повздорил. Его Светлость был несколько несдержан, что и неудивительно в его положении. Он под тройной защитой – своего брата, своей молодости и своего увечья...

– Граф Мулан тоже так полагал.

– Случайность, сир...

– Случайность? Я не пожелал бы такого противника, как Александр, никому, сигнор Морис. И в первую очередь вам и вашим родичам. Я иногда фехтую с ним по утрам, и, уверяю вас, скоро даже ничья для меня будет удачей...

– Вы преувеличиваете, но ваша преданность брату не может не восхищать.

– Пойдите, граф... К нам кто-то едет. На городскую депутацию не похоже. Проклятая пыль.

– Лето, Ваше Величество. Да, действительно. Трое...

– Похоже, они дрались. Барон Герар?

– Ваше Величество... Я надеялся вас встретить.

– Что случилось? Где Койла?

– Разбиты...

– Что?!

– Мы сошлись с мятежниками. Их было много, куда больше, чем мы думали, и... Это была настоящая армия, а не вышедшие побужить бароны. Они были настроены очень решительно. Наверное, нужно было отступить, соединиться с вами и принять бой, но... Койла решили иначе. Сначала все шло неплохо. Силы оказались примерно равны. Казалось, мы просто выдохнемся и к вечеру располземся в разные стороны, но в решающий момент нам ударили в спину.

– Кто? – быстро спросил король, и повторил: – Кто же?!

– Граф ре Фло и... герцог Ларрэн. Это решило исход дела.

– Где Койла?

– Кажется, их взяли в плен. Я не смог бы ничего сделать и я счел своим долгом предупредить Ваше Величество.

– Благодарю. Что-то еще?

– Да... Я привез манифест мятежников, может быть, вам будет интересно.

– Они далеко?

– Не очень, вернее сказать, совсем близко.

– Вы сделали, что могли, барон. Каковы ваши намерения сейчас?

– Я предан Вашему Величеству, но Рауль ре Фло мой друг и родственник...

– Что ж, я понимаю ваши чувства. Я отпускаю вас, Герар.

– Мой король...

⁵⁵ Молодой военный, помогающий военачальнику или титулованной особе.

– Мой барон, – красивые губы Филиппа тронула усмешка, – вы или уезжаете немедленно в надежде на встречу при более благоприятных для нас обоих обстоятельствах, или остаетесь со мной, но я в создавшейся ситуации не могу обещать ни победы, ни даже защиты. У меня всего тысяча человек.

– Я хотел бы, чтоб дело кончилось миром, но если это невозможно, я прошу Ваше Величество отпустить меня.

– Я уже отпустил вас. Сандер? Хорошо, что ты подъехал. Сигнор Морис, взгляните на это.

«...король окружен стайей стервятников, разоряющих Арцию. Они разлучили его с верными слугами и соратниками, ниспровергнувшими узурпаторов и изгнавших приведенные теми иноземные войска. Жадность и неблагодарность семейства Вилльо превысили чашу терпения истинных сынов Арции, болеющих за нее. Желая избавить короля от жадных выскочек и защитить от их поползновений наши земли и наши права, мы, брат короля Жоффруа Ларрэн и кузен короля граф Рауль де Фло, вновь подняли мечи и обратили их против худородных пиявок, сосущих нашу кровь. Арция должна быть очищена от этой скверны...»

– Проклятье! Я не должен был отпускать этого недоумка во Фло, ведь знал же, что у Жоффруа ни собственной головы, ни собственной чести нет и не было... Вы что-то сказали, Морис?

– Ваше Величество, вы сейчас отпустили Гера... Мы тоже нижайше просим у вас разрешения удалиться.

– Вот как, любезный тесть? Вы хотите уйти?

– Вы же видите, Филипп, наше присутствие лишь распаляет горячие головы. Весь Север охвачен смутой, из ниоткуда появляются целые армии... Если мы останемся с вами, то привлечем на вас ярость мятежников, в то время как, будучи...

– Я все понял, Морис, убирайтесь...

– Филипп, я...

– Я сказал: убирайтесь, удирайте, уносите ноги. Судьба иногда благоприятствует трусам. Сандер? Полагаю, ты все слышал?

– Да.

– Зря ты не был со мной откровенным.

– Я никогда тебе не лгу.

– Но и не говоришь всего, что думаешь, хотя я сам виноват... Ты был против того, чтобы делить наши силы?

– Да, но я не полководец.

– Лично я в этом не уверен, – король положил руку на изуродованное плечо брата. – Родственнички Эллы улепетывают, а мой братец Жоффруа на пару с кузеном Раулем вот-вот схватят меня за шиворот. А что собирается делать младший из Тагэре?

– Я остаюсь с тобой. Но без Вилльо у нас всего сотня человек, причем половина не воины, а слуги.

– Я знаю. Что бы сделал ты на моем месте?

– Отступил в Эльту. Нужно поговорить с людьми... Ты мог бы остаться с матушкой в замке, а я поехать по окрестностям... Нужно связаться с Мальвани.

– Они меня не шибко жалуют.

– Не тебя, а Вилльо. А Сезар мой друг. Если б они решили восстать, они бы... Они бы не ударили в спину.

– Напиши ему.

– Я уже написал.

– Когда ты успел?!

– Когда мы разделились с Койла. Я подумал, что письма к некоторым нобилям могут пригодиться... Я не стал спорить с... сигнором Морисом, но постарался сделать все, что мне пришло в голову.

– Спасибо, Сандер, – король поднес руку к глазам, вглядываясь в дорогу, – жаль, но, похоже, до Эльты мне не добраться...

– Да, действительно, – Александр потянулся к рукояти меча, – кто же нас почтил? Проклятый... Это Гийом Ланжере, от него не уйдешь.

– Этот трус был прав, армии здесь возникают из воздуха. Убери меч, Сандер. Убери и улыбайся! Хвала святому Эрасти, они все еще держат тебя за мальчишку. Ты должен уйти.

– Сейчас?!

– Нет, не сейчас... Мы поздороваемся с кузеном, а потом... Думаю, он отпустит тебя с сопровождающим в гости к матушке, а дальше, дальше все в твоих руках, Сандер. Я буду морочить им голову, пусть поверят, что я такая же тряпка, как и Жоффруа, а ты должен сделать один то, что мы собирались делать вместе. Понял?

– Понял, – наклонил голову Александр, – я все сделаю. Но на это уйдет кварталы две, а то и три.

– Постараюсь за это время не потерять ни головы, ни короны...

2883 год от В.И.

9-й день месяца Дракона.

Ифрана. Авира

Жозеф был доволен. Первый шаг сделан, Тагэре сцепились друг с другом. Если этот проклятый ре Фло прогонит Филиппа и посадит на трон своего новоявленного зятя, шансы Лумэнов стремительно возрастут. Ларрэн – такая же марионетка, как слабоумный Пьер, а в схватке кукловодов побеждает не столько сильный, сколько ловкий, к каковым ифранский король причислял и себя. Жозеф был в самом радужном настроении и даже, небывалое дело, сменил воротник в ожидании встречи с кардиналом Товием и бланкиссимой Данутой. Циалианка была хороша собой, по крайней мере для шестидесятичетырехлетнего монарха.

Встреча вышла приятной во всех отношениях. Собеседники пили вино с виноградников еретика Усмана и обсуждали новости.

– Так вы говорите, – улыбнулся Товий, – что когда Филиппа захватили, с несчастным оставалось не более сотни человек? Значит, родственнички бросили своего короля на произвол судьбы?

– С ним был только его горбатый братец, да и тот сразу же отпросился под юбку к герцогине Тагэре.

– Вот как? – холодно улыбнулась Данута. – Под юбку? И не было ни крика, ни хватанья за мечи?

– Не было, конечно, – пожал плечами Жозеф, – горбун на своего брата и не взглянул, а сразу же сказал кузену, что намерен посетить матушку.

– И тот его отпустил?

– Разумеется. Хватит с Рауля и двоих братцев Тагэре, нужно кого-то и тетушке оставить...

– Боюсь, Ваше Величество, – циалианка поправила и так безупречно лежащие складки платья, – что Ланжере совершил ошибку.

– Что вы имеете в виду, бланкиссима?

– Три года назад граф Мулан, один из сильнейших бойцов нашего времени, в присутствии младших Тагэре посмеялся над их гербом и их правами. Александр выплеснул в лицо Мулану стакан вина. Они дрались, и горбун победил.

– Это знают все, – махнул рукой Жозеф, – чистая случайность, Мулан поскользнулся.

– Наша собеседница не зря вспомнила эту историю, – заметил Товий, – я понял, что она имеет в виду. Смирение горбуна не к добру. Он должен был броситься в драку, если, конечно, они с Филиппом что-то не придумали.

– Или ему совершенно все равно, кто из братьев и кузенов будет носить корону. Говорят, они с королевой друг друга ненавидят.

– Если б горбун был согласен с ре Фло, он был бы с ним. То, что я слышал про Александра, настораживает. Он не трус, не дурак и очень предан брату.

– Ерунда. Что может сделать мальчишка двадцати лет от роду? Не смешите меня.

– «Человек может многое», – процитировал Книгу Книг кардинал, отхлебывая вино.

2883 год от В.И.

17-й день месяца Собаки.

Арция. Ланже

На столе стояло блюдо отборных яблок и кувшин с вином, но Филипп запретил себе даже смотреть на него – не хватало еще уподобиться этому ничтожеству Жоффруа, всем собеседникам предпочитающему бочонок с атэвским. Самым мерзким было отсутствие новостей, то есть новостей правдивых, к которым плененный король относил известия, поступавшие не от мятежного кузена. Впрочем, внешне все было очень мило. Филипп считался гостем, а не пленником. Другое дело, что он был вынужден или следовать за Раулем, объезжающим послушные ему замки, либо, когда кузен отправлялся по своим делам, дожидаться его, изнывая от безделья в обществе бдительной охраны. В одну из своих первых отлучек Король Королей захватил графа Ревы с сыном. Трусость сыграла с королевским тестем плохую шутку. Как бы ни был Рауль зол на своего кузена и его новоявленную родню, он ценил мужество, где бы его ни встречал. Зато с трусами и предателями разговор у него был короткий. Морис и балбес Винцент были обезглавлены у ворот Фло под восторженный рев толпы.

Вилльо не вызывали сочувствия ни у кого. Им припомнили все, что было и чего не было, а их малодушие лишь подлило масла в огонь. Филипп, однако, был избавлен от этого зрелища, зато присутствовать при казни отдаленного родича Рауля Жоржа Бало королю пришлось.

К этому времени народ и кое-кто из нобилей стал волноваться из-за странного поведения короля, затворившегося во Фло. Из столицы доходили странные слухи о том, что Генеральные Штаты утвердили тестамент⁵⁶ о наследственных правах герцога Ларрэна и его потомства, буде старшая ветвь Тагэре пресечется. Вызывало удивление и то, что всем, хоть и именем Филиппа, распоряжался Рауль, с почти неприличной поспешностью выдавший старшую дочь за герцога Ларрэна. От Короля Королей ждали, что он освободит Филиппа Тагэре от Вилльо, но не того, что он займет их место. В конце концов, добрые северяне пожелаали увидеть и услышать своего короля, и Рауль был вынужден на это пойти, тем паче на юге зашевелились лумэновцы, а в Тимоне – родственничек Бало, возмнивший себя Проклятый знает кем.

Филипп с присущим ему обаянием согласился, потребовав за это переезда в Ланжский замок, бывший его собственным владением. Рауль не возражал: король имеет право жить в собственном доме, его переезд заткнет глотку крикунам, и не беда, что вокруг Ланже расположены замки вассалов Тагэре и что оттуда рукой подать до Эльты. Рядом с Филиппом будут надежные люди. От смутного ропота до открытого мятежа далеко, а сила по-прежнему на стороне ре Фло.

К концу месяца Дракона король переехал в Ланже, предварительно проехав по улицам доброго города Эльты, где его восторженно приветствовали жители, опьяненные победой над ненавистными выскочками и осознанием собственной значимости. Рауль благополучно водво-

⁵⁶ Акт, принимаемый Генеральными Штатами и имеющий силу закона, если в течение трех месяцев король его не отвергнет.

рил венценосного пленника в замок и во главе армии двинулся на мятежников. Все кончилось очень быстро, зачинщику в присутствии короля и его знаменитого кузена отрубили голову, после чего ре Фло поехал в Шато-Абе, где метался разочарованный провололочкой герцог Лар-рэн, которого предстояло одновременно приободрить и одернуть. Филипп же удалился в свою вотчину, с трудом скрывая возбуждение. Во время казни он заметил в толпе человека, на темно-синем плаще которого белый волчонок задирает голову к полной луне. Эту консигну избрал для себя Александр, готовясь к посвящению в рыцари, которое должно было состояться в день именин королевы. Никто, кроме них двоих, об этом не знал, и появление человека с волчонком означало лишь одно: Александр на свободе, пытается что-то предпринять и, судя по всему, успешно.

Проклятый, до чего он дожил! Оказался пленником собственного кузена и возлагает единственную надежду на младшего братишку. Хотя Сандер вырос крепким орешком. Но, во имя святого Эрасти, чего же он тянет! Еще кварта или две, и Филипп не выдержит. Он не может больше изображать из себя безвольного придурка, которому для полного счастья довольно вина и хорошеньких служанок. Филипп взял кувшин и, бросив взгляд в сторону двери – не нужно давать повод для подозрений, – быстро выплеснул две трети лучшего авирского в камин и тщательно переверолошил золу. Пусть думают, что он пьет, к пьяницам всерьез никто не относится...

Нэо Рамиэрль

До Седого поля они не добрались, несмотря на целительские познания Нэо и мужество Норгэреля, державшегося до последнего. Заклятия почти не помогали, травы тем более. В предгорьях Корбута Роман окончательно понял, что пока больной может держаться в седле, нужно добраться хотя бы до Гар-Рэннока. Никогда еще дорога в столицу Южного Корбута не казалась эльфу такой длинной. После Агуилы Роман посадил Норгэреля впереди себя, так как править лошадью тот уже не мог. Им повезло, недалеко от места, где некогда Рамиэрль-разведчик подобрал сломавшего ногу юного гоблина, они встретили отряд «Зубров», возвращавшийся после очередной охоты за ройгианцами. Молодой двадцатник узнал Романа Вечного, и дальше Норгэреля несли на наспех сделанных носилках, причем походный бег орков мало чем уступал лошадиной рыси.

Они оказались у Гар-Рэннока ранним вечером, когда солнце коснулось вершин заповедных листовенниц на горе Памяти. Воины, не спрашивая, повернули к Темному Замку, как гоблины гордо именовали жилище горных королей. Заранее предупрежденный высланным вперед вестником Кардинч-Стефан пад Уррик вышел навстречу гостям. Огромный и могучий, как корбутский зубр, покрытый шрамами от вражеских ятаганов и медвежьих клыков, горный владыка был надежным другом и истинным сыном Созидателей. Лично сопроводив друзей в лучшие покои и собственноручно переложив Норгэреля с носилок на застланное медвежьими шкурами ложе, Кардинч предложил Роману спросить совета у Теней Ушедших. В другой ситуации это бы позабавило, но сейчас эльфу было не до смеха. В храм он все-таки пошел, нельзя обижать хозяина и нарушать уверенность орков в том, что прежние боги Тарры доныне помогают советом не предавшему их память Ночному народу.

Роман предпочел бы посетить святыню в одиночку, но горный владыка был не из тех, кто бросает друга в беде и забывает долг гостеприимства. Кардинч вместе со старшим сыном и наследником, на запястье которого уже красовалась татуировка, напоминающая след от браслета, решительно присоединились к гостю.

Обычно Рамиэрль проникал в храм через потайную дверцу, известную лишь немногим, но на сей раз пришлось пройти через главный портал. Своим созданием главная и единственная святыня Гар-Рэннока была обязана фантазиям первого горного короля Стефана пад Уррика и его мачехи и воображению Клэра, пытавшегося заглушить свое горе сначала войной,

потом творчеством и, наконец, дорогой. Сейчас Утренний Ветер наверняка уже в Оргонде, но где бы он ни был, часть души скульптора навеки осталась в горах. Клэр оплакивал Тину, но создал храм-памятник не только первым богам Тарры, но и всем, кто за нее погиб и еще погибнет.

Гоблины старательно выполняли все указания художника, а когда было нужно, помогали эльфы. Орочье трудолюбие и искусство Лебедей сотворили чудо. И что за беда, если Клэр наделил Инту чертами Герики, а сын Омма оказался похож на юного Рене? Какими те были, никто никогда не узнает, а Геро и Аррой, их отдаленные потомки, вернули Тарре надежду.

В храме Памяти всегда царили прозрачные сумерки. Мягким серебром мерцал пол, напоминая о седой траве, светилось под куполом закатное небо, в котором парила белая стая, а на алтаре из черного камня пылал негасимый огонь. Роман представлял, что должны испытывать здесь орки, если у него, знающего цену магии и повидавшего всякое, начинает бешено колотиться сердце.

Кардинч и Стефан подвели Рамиэрля к алтарю Памяти, и горный король заговорил на своем языке, при звуках которого у Романа до сих пор сжималось сердце. Супруга великого Уррика покоилась здесь же, в одном из приделов храма рядом с любимым, а Роману до сих пор снились черные косы и звонкий смех его отчаянной спутницы... Отогнав непрошенные воспоминания, эльф вслушался в речь владыки орков. Тот спрашивал Ушедших о причинах болезни их друга и о том, возможно ли исцеление. Когда смолкло последнее слово, гоблины в ожидании чуда устремили глаза к огню, цвет которого стал постепенно меняться из золотистого в синий, а затем медленный каменный голос произнес:

– Надежда – последнее, что нас покидает. Даже время можно смирить, даже сквозь воду можно пройти. Нет безвыходных положений, есть отчаявшиеся и смирившиеся. Нужно бороться до конца. Помощь придет тогда, когда ее меньше всего ожидаешь.

Голос замолк, пламя постепенно вернуло свой прежний цвет. Гоблины благоговейно коснулись ладонями сердец, Роман сделал то же самое, хотя готов был придушить засевшего под алтарем Жана-Флорентина с его очередными банальностями. Философский жаб был не виноват, более того, обман, затеянный в свое время сыном Ланки и Уррика и им самим, принес немало добра, но сейчас эльф не мог думать спокойно. Его едва хватило, чтобы, сохраняя приличествующее случаю выражение лица, выйти из храма. От вечернего пира он отказался, сказав, что хочет обдумать услышанное. Орки не настаивали. Чужое горе свято.

Роман вернулся к Норгэрелю, который, кажется, смог заснуть. Глядя на прозрачное, заострившееся лицо, уже отмеченное нездешним светом, Нэо Рамиэрль из дома Розы в очередной раз проклял собственное бессилие: сколько он проводил в небытие и сколько еще проводит, прежде чем уйдет за ними, предоставив другим свою ношу!

– Роман! Звездный Лебедь! Откуда ты мог взяться здесь?

– Рене?

– Да, – подтвердил эландец, перебираясь через подоконник, – не удивляйся. Это чистой воды совпадение. Мне пришла блажь навестить Жана-Флорентина и заодно проверить, что творится в здешних горах и как долго я могу обойтись без моря. Оказалось, долго. Уж не знаю, радоваться этому или нет. Мне так, конечно, легче, но моя растущая сила далеко не лучший признак... Что с ним?

– Не знаю. Никто не знает.

– Если бы я не знал, что это не так, я бы поклялся, что его пытали... Но такие раны раньше мог залечить даже я.

– Они не заживают.

– Великий Дракон, – Рене сжал зубы, – мы словно местами поменялись. Когда я пришел в себя на Лунном, то увидел над собой лицо Норгэреля. Он спас меня, хотя мог бы этого и

не делать... – Рене осторожно коснулся разметающихся золотых волос. – Норгэрель, ты меня слышишь? Ты тут?

Эльф с трудом поднял веки, но синие глаза глядели осмысленно и серьезно.

– Я рад, что увидел тебя еще раз... Только ради этого стоило затеять эту поездку.

– А куда вы, кстати, направлялись? Вряд ли спросить совета у Жана-Флорентина, хоть он нынче и вещает от имени Вечности.

– На Седое поле.

– Нео думает, что там не властны ни ройгианцы, ни тот, из Моря...

– Может, и так, – руки Рене привычно перебирали черную цепь, – может, и так... Роман! – Глаза Арроя неистово блеснули, как в старые добрые времена, когда Счастливец в очередной раз обманывал судьбу. – Ночная Обитель! Это рядом. Гиб домчит за ору. А туда уж точно нет ходу никому, кроме тебя!

Роман с удивлением и ужасом воззрился на друга. В свое время он так успешно запретил себе думать о подарке Воина, что упустил очевидное, хотя... Ночная Обитель – шанс для Норгэреля, но сам он станет узником Зимы. Выйти из Башни без Кольца он не сможет, а оставить Тарру в канун войны...

– Рамиэрль, – бесплотная рука накрыла его ладонь, – ты слишком нужен здесь, я не стою такой жертвы...

– А кто говорит о жертве? – Рене с сочувствием смотрел на обоих – своего спасителя и своего друга, – все мы горазды жертвовать собой, только сначала нужно понять, чем наша жертва обернется. Норгэрель, ты знаешь, что с тобой? Нет. А я уже привык к тому, что в подлой войне, которую нам навязали, все непонятное – это малая беда в настоящем и большая в будущем. Ты уверен, что после смерти не станешь проклятьем Тарры, если останешься здесь? Ты уверен, что в один прекрасный день не перестанешь быть самим собой и не ударишь нас в спину? Что твоя болезнь не перекинется на кого-то еще? Не можешь ты быть в этом уверен. Атэвы, когда подозревают в себе черную болезнь, бросаются в огонь. Я уважаю этот обычай. Да и ты, Роман... Ты не сможешь оттуда вернуться в Тарру, но ты можешь найти иные пути в иные места. Башня Ангеса должна быть связана с обителью Адены, кто знает, может, Эрасти мало слов Герики...

– Ты прав, – кивнул Роман и, улыбнувшись, добавил: – Надо же, эта каменная дрянь опять оказалась права.

– А что тут такого? – пожал плечами Рене. – Банальности потому и банальности, что они соответствуют истине, но нам всем нужно спешить. Норгэрель, ты сможешь встать и спуститься в сад?

– Если не очень далеко, дойду...

– До ближайшего ручья. Слава Жану-Флорентину, теперь вы можете исчезнуть, не сказавшись хозяевам. Они истолкуют все шиворот-навыворот, но все равно будут правы.

Гоблины обладают рысёй чуткостью, но три легкие тени незамеченными скользнули между стоящих на страже копыеносцев и оказались в небольшом саду, устроенном по прихоти Кризы и заботливо сохраняемом свято чтящими память Великих орками. В дальнем конце сада из сложенного из малахитовых глыб грота вытекал ручей, и Рене, опустив руку в воду, позвал своего белогривого спутника. Гиб объявился тут же, зыркнул зеленым глазом на Норгэреля и приветственно нагнул голову при виде Романа.

– Гиб, – Рене положил руку на холку своего приятеля, – ты должен отвезти нас всех к Ночной Обители и как можно скорее.

Водяной конь, надо отдать ему справедливость, прекрасно понимал, когда можно выказывать капризность и склочность, а когда спорить не приходится. Рене первым вскочил на спину огромного жеребца, бережно приняв закусившего от боли губу Норгэреля, которого устроил перед собой. Роман сел за Арроем, и черный вихрь метнулся вперед, обгоняя смерть.

До сего дня эльф-разведчик не ездил на водяном коне. Нэо захватило ощущение дикой первозданной мощи, вырвавшейся наружу. Гиб мчался неудержимо и стремительно, как весенний горный поток, Рамиэрль не чувствовал под собой конской спины, ему казалось, что его подхватила и понесла гигантская волна и только пояс Рене, за который он цеплялся, не дает захлебнуться в стремительном беге, как в воде.

Это было страшно и вместе с тем прекрасно. Эмзар сохранил о подобном приключении далеко не лучшие воспоминания, но Рамиэрль, когда Гиб остановился у древних стен, чуть ли не сожалел о том, что все кончилось так быстро.

Рене спрыгнул на землю и снял полумертвого Норгэреля. Нэо задержался, не зная, что сказать на прощание водяному коню, но когда тот повернул к нему зеленоглазую голову, увидел, что слова не нужны. Спутник первых богов Тарры и так понял все. Эльф провел рукой по влажной гриве и соскочил с коня, нужно было идти.

Еще не начавшее светлеть небо было усыпано звездами, ночь дышала свежестью, напоенной ароматами цветущих кустов и трав. Роман отыскал в вышине Лебединую звезду. Кто знает, вдруг эта весна станет последней в его длинной жизни и отныне он будет видеть лишь снег. Рене все еще поддерживал Норгэреля, и Роман, обругав себя, бросился к ним.

– Простите, задумался.

– Мы тоже задумались, – откликнулся Аррой, – но вам пора, да и мне тоже...

– Рене, – Норгэрель почти шептал, видимо, говорить громко у него не было сил, – Рене, а ты не хочешь пойти с нами?

– В самом деле! Там, в мире Зимы, тебе будет легче. Тень... Воин, он ждал почти три тысячи лет, ждал и дождался, а ты жив, ты – больше чем тень, даже если это тень Бога. И потом, мы вместе можем поискать проход в обитель Адены...

Рене молчал очень долго, а может, это Роману лишь показалось. Наконец он заговорил, негромко и спокойно:

– Ты прав, и я хотел бы пойти. Что тебе говорить, ты и сам все знаешь, но я не могу. Я должен остаться. То, что можно найти в мире Зимы, вы найдете. Если встретишь Геро, скажи ей все. И кем я стал, и то, что я все равно жду, и буду ждать, но место мое тут. Тут храм Триединого, тут Фей-Вэя, тут Варха... Что, если змеи вылупятся раньше, чем вернутся Геро и Эрасти? Да и потомков своих я не могу бросить. Назло Зенобии с присными. А с вами я не прощаюсь. Мы еще встретимся.

– Ты это знаешь? Откуда? Ты...

– Там, куда я могу заглядывать, пророков не держат. Просто мы с тобой невесть сколько раз расставались и вновь сходились. И пока не расхлебав эту кашу с Концом Света, не расстаемся. Проклятый! – Аррой деланно засмеялся. – Сколько можно вас ждать?! Уходите. Слышите? Уходите!

Роман кивнул. Река, сотворенная Уанном, давно иссякла, и два эльфа спокойно пошли к основанию древней башни. Рене-Аларик стоял и смотрел им вслед. Норгэрель был не в состоянии идти быстро, их еще можно было догнать. Он успевал даже тогда, когда Роман приложил руку к стене и сквозь темный камень проступила сверкающая серебром дверь с задревшим глазом к луне волком, таким же, как на консигне герцога Арроя. Затем дверь открылась. Там, внутри, было светло, и Рене отчетливо видел две стройные фигуры, замершие на пороге. Он еще мог подать им знак. Эльфы оглянулись, надеясь, что он передумает. Нэо и Норгэрель стояли на пороге сверкающего снежного мира, дразня избавлением от боли, свободой, возможностью пойти навстречу своей любви. Мир Ангеса принял бы его, исцелил, наполнил новыми силами... Эльфы стояли и ждали... Может быть, все же?..

Рене, взмахнув рукой, вскочил на своего коня, и Гиб, закричав отчаянно и гордо, не спрашивая приказа, бросился навстречу звездной Рыси.

2883 год от В.И.

19-й день месяца Собаки.

Окрестности Ланже

Жоффруа и Рауль молча подъезжали к Ланже. После очередного «разговора» тесть решил, что зять нуждается в постоянном присмотре, а зять, что тесть слишком уж тянет с исполнением обещанного. Однако не Ларрэну было спорить с Королем Королей. Раздавленный не столько доводами кузена, сколько силой его характера, Жоффруа сник. Как ни странно, Рауля это только вывело из себя. То, что сыновья Шарло оказались такими слизняками, оскорбляло, несмотря на то, что это было на пользу самому Раулю. Бедная Эстела! Потерять мужа, братьев и сына и остаться с двумя пьяницами и бабниками и одним калекой... Жаль...

Ре Фло поднял голову – на башне развевался флаг с серебряными нарциссами, означавший, что хозяин дома. Еще одна насмешка. Итак, сегодняшний день решает все. Или Филипп разводится с Элеонорой и женится на Жаклин, или отправляется в монастырь, а на престол вступает его брат. Отчего-то Раулю казалось, что, увидев Жоффруа, Филипп согласится на все, лишь бы не уступить этому красномордому фанфарону. Но для начала нужно привезти короля в никодимианское⁵⁷ аббатство, где, в зависимости от исхода переговоров, можно будет и постриг принять, и попросить Церковь о расторжении брака с Элеонорой Гризье. Конечно, Кантиску придется уламывать, но золота у ре Фло достаточно, а клирики тоже люди и, как правило, люди алчные. Евгений же, хоть и не одобрил его замыслов, вряд ли вступится за Вилльо, молчанье же знак согласия...

Рауль бросил поводья подбежавшему пажу в ливрее со вздыбившимся медведем⁵⁸ и поднялся к королю. Филипп сидел у окна, поигрывая полупустым стаканом, кувшин из даманского стекла был почти опустошен, а у смятой постели валялась розовая женская подвязка.

– Кузен, – Рауль намеренно опустил обращение «Ваше Величество», – нам нужно немедленно ехать в Эльту...

– Немедленно? – Филипп недоуменно поднял мутные глаза. – А за каким льдом? Мне и здесь неплохо...

– Кони оседланы...

– А может, завтра? Сегодня я что-то устал, был такой тяжелый день...

– Тяжелый день был у здешних служанок, а не у тебя, – отрезал Рауль.

– Ну не могу же я ехать прямо так, – возмутился король.

Пожалуй, он был прав. ТАК действительно ехать не стоило. Еще скажут, что его нарочно подпоили.

– Я сейчас же прикажу принести воды для умывания и пришлю в помощь двух пажей... Но через полторы оры мы должны выехать.

– Выедем, – бодро заверил Филипп, – еще как выедем...

Не прошло и трех ор, как король в сопровождении герцога Ларрэна и графа ре Фло выехал из Ланже, и три сотни всадников направились к Эльтскому тракту. Росшие вдоль дороги деревья тихо роняли под ноги золотые сердечки листьев, невесомая летучая паутина то и дело задевала по лицу, небо было высоким и до невозможности синим. Где-то запела кампанка⁵⁹. Кони шли легкой рысцой, Филипп, похоже, вполне протрезвел и даже развеселился, наслаждаясь поездкой. Жоффруа с напряженным, покрасневшим лицом пытался одновременно укрыться от взгляда брата и привлечь к себе внимания тестя-кузена. У небольшого, увенчанного серой каменной глыбой холма, где дорога разветвлялась, Филипп, задумавшись, повернул

⁵⁷ Никодимианцы – один из церковных орденов.

⁵⁸ Вздыбившийся медведь – знака Рауля ре Фло.

⁵⁹ Небольшая, серая с черным птица, которая поет до самой осени.

жеребца не туда, куда нужно. Рауль подъехал поближе к кузену, указав тому на ошибку, но король в ответ так сверкнул глазами, что графу показалось: перед ним покойный Шарль.

– Я выбираю ту дорогу, которая мне нравится, Рауль, и не вздумай встать на моем пути...

– Ты пьян, Филипп!

– Нет и не был, а вот ты, похоже, ослеп. Оглянись...

Сначала ре Фло не поверил своим глазам: на холме ошетились копьями большой отряд. Да не отряд, армия! Ничего не понимая, Король Королей смотрел, как и из-за деревьев, и с обоих концов дороги выезжали тяжело вооруженные всадники в темно-синих плащах.

– Думаю, ты все понял, Рауль, – голос короля одновременно был холоден и насмешлив. – Ты возился с одним моим братом и забыл о другом... Твои люди не готовы к бою, и на каждого из них приходится пятеро. Конечно, можно меня убить, но моя смерть ничего тебе не даст. Лучше мы мило распрощаемся, ты отправишься поправлять пошатнувшееся здоровье во Фло, а Мальвани тебя проводит...

– Мальвани?!

– Да, он наверняка тут... Точно, вот их тигры, а волчонок, чтоб ты знал, это консигна Александра... Ну, так как?

– Ваше Величество, – склонил голову Рауль, – вы совершенно правы, нам нет причин ссориться, а я, гоняясь за этим кабаном Бало, действительно заболел. Старая рана, Проклятый ее побери.

– Благодарю святого Эрасти за свою рану! Твою рану и память отца, – бросил Филипп и радостно замахал рукой, увидев рыцаря на серой лошади.

– Брат, – горячечный шепот принадлежал Ларрэну, оказавшемуся возле короля, – брат, клянусь святой Циалой, я не хотел... Это Рауль меня заставил...

– Убирайся, не вводи во искушение. Не хватало, чтобы все видели, как один Тагэре ударит другого...

– Филипп...

– Сказано же, пошел вон, до тебя еще дело дойдет. Александр! – Зычный голос короля далеко разнесся в чистом осеннем воздухе. – Ну, где же ты?!

Младший из Тагэре уже шел к брату. Филипп, спрыгнув со своего иноходца, бросился ему навстречу и сжал в объятиях.

– Сандер! Я знал, что тебе удастся, но чтобы так вовремя...

– Я же послал весточку, что мы готовы.

– Я понял, что человек с волчонком был от тебя, но не думал, что все случится так скоро...

И как только тебе удалось!

– Долго рассказывать. Сезар с дядей помогли, ну и Шада, конечно же.

– Он здесь?

– Да, на холме...

– Надо сказать ему, что отныне он граф!

– Сейчас...

– Погоди, сначала более важное. Гастон, рад вас видеть. Постройте-ка людей. А ты куда? – Король крепко взял Александра за предплечье. – Сказано же, Шада подождет. Все подождут.

Воины быстро разворачивались, топча, к счастью для крестьян, уже убранное поле. Гастон, самый младший из братьев Койла и единственный уцелевший, действовал быстро, четко и умело. Боевые кони застыли в парадном строю, красиво изогнув шеи. Король оглядел подоспевших ему на выручку, и лицо его потеплело.

– Благодарю всех, кто пришел сюда. Клянусь честью Тагэре, не будет забыт ни один из вас, но сначала я воздам должное тому, кто заслуживает благодарности больше всех. Александр Тагэре. Вы своим поступком посвятили себя в рыцари ранее намеченного срока. Я же вверенной мне властью лишь подтверждаю свершившееся. Преклони колени, Александр. И

слушай. С сего дня ты рыцарь, твоя консигна навеки внесена в коронный реестр. Какой девиз избрал ты для себя?

Александр прямо взглянул в лицо брату:

– «Верность обязывает», государь!

– Да будет так. Все слышали! И все запомнили! Но это еще не все. Все знают, что с древних времен вице-маршал Арции командует авангардом и является председателем Рыцарского суда. Я с легким сердцем возлагаю эту должность на плечи моего брата Александра! – И король что есть силы закричал: – Александру, герцогу р'Эстре, вице-маршалу Арции виват!

Нэо Рамиэрль

Голубые шатровые ели тонули в серебряных сугробах, вдали шумел поток. Сломанный ветром ствол, куст с замерзшими темно-красными ягодами, а рядом... слегка припорошенные снегом следы костра, которого на самом деле не было и быть не могло! Нэо Рамиэрль, известный в мире людей как Роман Ясный, повидал в своей жизни куда больше и обычных смертных, и большинства эльфов, но тут ему стало не по себе.

Когда Нэо при помощи магии говорил с Эдмоном Тагэре, он выбрал для встречи обитель Ангеса, но ему и в голову не приходило, что место их призрачного свидания существует. Неужели здесь и вправду пылал огонь, который зажег он, Рамиэрль-разведчик? Или это следы иного костра? Но где те, кто протягивали к нему руки, откуда они пришли, кем были, когда и куда ушли?

Эльф в раздумье опустился на еловый выворотень. Вокруг царила тишина. В высоком синем небе не проплывало ни облачка, солнечные лучи превратили нетронутый снег в бриллиантовые россыпи, седые ветви елей казались мягкими и пушистыми. Этот лес был полон скрытых сил и чужд тревог и отчаянья. Только бог-Воин, уставший от битв и собственного величия и жаждавший покоя и свободы, мог создать себе такое убежище, но Роман не был богом и искал не отдыха, а бури. Он сам не понимал, как вышло, что он оказался здесь вместе с Норгэрелем. Все произошло слишком быстро, Рене не дал ему опомниться. Ночная скачка, стены древней обители, распахнувшаяся перед ними дверь...

Рамиэрль понимал, что на этот раз воля Арроя возобладала над его собственной. Рене заставил их войти, а сам остался, хотя именно для него, живущего в аду, мир Зимы стал бы спасением. Утешало лишь то, что его расчет оправдался, Норгэрель стремительно выздоравливал, странные раны и синяки заживали, как самые обычные, оставленные ножами и веревками заплечных дел мастеров. Да, родич был еще очень слаб, но Роман не сомневался в благополучном исходе. Еще одна или две здешние квартиры, и перед ними во всей своей красе встанет вопрос, что делать дальше.

Дорога в Арцию им была заказана. И не только потому, что никто не мог знать, что станет с Норгэрелем, если тот вернется. Роман верил Воину, а тот прямо сказал, что без Кольца отсюда не выйти... И все равно, как только Рамиэрль понял, что с чистой совестью может оставить своего товарища одного в найденном ими доме, он попробовал отыскать дорогу назад и не нашел.

Вьюга замела все следы, но он узнал похожую на башню скалу, у подножия которой они оказались, когда, проводив взглядом слившегося с предутренней тьмой Гиба, шагнули внутрь Обители. Скала была та самая, равно как и голубая ель с раздвоенной верхушкой, и заросли можжевельника, переходящие в каменную россыпь, но не было никаких следов Врат, пусть запечатанных, непреодолимых, но существующих. Кругом тянулся темный лес, внизу неслась узкая стремительная река, меж камней и деревьев змеилась тропа. И все.

Рамиэрль попытался вспомнить, что он видел во время своего первого прихода. Тогда они с Воином стояли на другой, хоть и похожей, вершине. Они проговорили полночи, потом он ушел. Проклятье! Как же он не запомнил, где выход? Хотя чего удивляться, он был слишком

ошарашен встречей, а возвращаться в здешние места не собирался. Да и был ли этот выход? Мир Зимы был полон загадок. Взять хотя бы эту поляну. Как он мог представить ее во всех подробностях, не видя? Или все было наоборот: он придумал это место, а оно непостижимым образом стало реальностью?

Он призвал сюда Эдмона, вырвав его из последнего сна, но смогут ли они с Норгэрелем вырваться из этой хрустальной ловушки? Или это и есть расплата за то, что он заведомо лгал, клянясь Звездным Лебедем? Пусть так, но он и сейчас считает, что был прав, спасая сына Шарля и с ним вместе множество людей пусть не от смерти, но от отчаянья... И вообще хватит думать о всякой чепухе. Он, хвала Звездному Лебедю, пока еще не философская жаба!

Рене говорил, что миры Адены и Ангеса должны быть связаны. Из обители бога должно вести немало путей. Воин сказал, что проходы запечатаны, но кошка прошмыгнет там, где нет пути человеку. Мир может быть закрыт для небожителей, но эльф (Роман осекся и выругал сам себя, он не вправе забывать о Норгэреле, хоть разведчику удобней быть одному), два эльфа, возможно, и смогут найти щель. Другое дело, куда их эта щель выведет, но дорога в преисподнюю лучше заточения в раю.

2884 год от В.И.

Ночь с 19-го на 20-й день месяца Лебеда.

Данкасса

Темное небо прорезала сверкающая полоска, прорезала и погасла. Когда падает звезда, нужно успеть загадать желание. В раннем детстве Александр свято верил в эту примету, но его немудреные желания упорно не исполнялись, и со временем вид падающей звезды стал вызывать у младшего Тагэре странную смесь горечи и смеха. Обман, неисполненные обещания, разбитые надежды – вот что означали огненные росчерки. Но сегодня их было слишком много даже для вершины лета. Впрочем, людям, пришедшим с Его Величеством Филиппом Четвертым к Данкассе, было не до звездопадов. Измученные долгим переходом воины не столь уж большого королевского войска уснули, едва лишь разбили лагерь. Александр тоже устал, но ему отчего-то не спалось, и он устроился возле своей палатки, выискивая в небе с детства знакомые рисунки созвездий. На сердце было тревожно, впрочем, с того мгновенья, как он узнал о бегстве Рауля и Жоффруа в Ифрану, Александр Тагэре жил ожиданием неизбежной схватки. Рауль был не из тех, кто признает свое поражение.

Фернан Вилью, ставший после позорной смерти отца графом Реви, захватил и казнил на месте с десятков приверженцев Рауля и Жоффруа, не последовавших за ними. По мнению Сандера, это было не только жестоко и подло, но и глупо. Каждая смерть порождала новую ненависть. Ненависть и вражда захлестывали Арцию, а брат и родичи королевы лишь подливали масла в огонь.

Сандер понимал, что сначала правота была на стороне Короля Королей, а не Филиппа, окружившего себя жадными, никчемными людишками, способными вызвать лишь отвращение. Зброшенные границы, отданные во власть ненасытным и неумелым хозяевам земли, наглость и высокомерие новых королевских любимцев, все это мучило и Александра, так что он вполне понимал чувства Рауля. Но есть вещи, которые нельзя перечеркнуть. Да, Филипп предпочел забыть об услугах, оказанных ему великим кузеном и другими нобилями Арции, но Рауль ре Фло, примирившийся с ифранкой, забыл еще больше. Он забыл о крови отца, деда и друга, а Жоффруа еще и о том, что он Тагэре и брат короля. Сандер Эстре не понимал, как могло случиться, что средний сын Шарля Тагэре пошел против старшего, а старший оттолкнул и оскорбил соратников отца, лучший друг которого вступил в союз с его убийцами. Это было безумием, и безумие это охватило самых близких, впору было самому сойти с ума...

Порой Александр начинал сомневаться, правильно ли он поступил, вытащив обожаемого брата из ловушки, в которую тот угодил, пойдя на поводу у покойного Мориса Реви. Быть

может, Филипп с Раулем в конце концов поладили бы, брат развелся с Эллой и разогнал ненавистных Вилльо. Хотя вряд ли! Филипп был слишком горд, он бы предпочел умереть, а Жоффруа на троне стал бы еще большим оскорблением Арции, чем толпа фаворитов, которую все же можно ставить на место. Нет, он поступил правильно, доказательство тому – предательство Рауля.

С той самой поры, как Король Королей и Жоффруа бросились в объятия ифранского Паука, их изначальная правота умерла, а Филипп Тагэре получил могущественных врагов. Один раз графа ре Фло удалось обвести вокруг пальца, второй раз подобное не пройдет. Жаль, брат так ничего и не понял и с упорством, достойным лучшего применения, продолжает прежнюю политику, ища не дружбы, а покорности. Все те же Вилльо и Гризье, все то же пренебрежение к тем, кто еще продолжает служить Арции и Тагэре не за титулы и деньги, а за совесть. То и дело приходится то расхлебывать кашу, заваренную любимчиками Филиппа, словно бы нарочно вызывающими к себе всеобщую ненависть. Пока до открытого возмущения не дошло, но с каждым разом все труднее убеждать людей в неведении короля насчет делишек обсевших его мерзавцев.

И все равно Эстре не понимал, как Жоффруа при живом брате мог думать о короне, ведь это ответственность, к которой он не готов, да и, что греха таить, никогда не будет готов. Рауль, тот хотя бы знает, чего хочет, а Ларрэн как дурак из сказки, для которого главное сесть на трон, а там хоть трава не расти. Но вдвоем герцог и Король Королей опасны, знать бы еще, где они теперь...

Последние известия, принесенные эрастианским монахом, который в свою очередь узнал их от какого-то менестреля, были тревожными, хоть и вполне предсказуемыми. Рауль и Жоффруа с небольшим, но хорошо вооруженным войском, к которому присоединились отсиживавшиеся в Ифране сторонники Лумэнов, готовились отплыть в Арцию. Филипп полагал, что они высадутся в Ларрэне, где у них множество друзей. В этом, безусловно, был смысл, но кузен всегда побеждал, делая то, чего от него не ждут. Так могло случиться и теперь, оттого, что Король Королей спелся с ифранкой, полководцем он быть не перестал.

Филиппа и Элеонору изрядно повеселил рассказ о том, как гордец ре Фло четверть оры простоял на коленях перед Агнесой, каясь и прося прощения за былые прегрешения. Александр в этом не видел ничего смешного, тем паче разыгравший комедию Паук затем торжественно провозгласил союз Лумэнов и ре Фло. Несмотря на свою вошедшую в поговорку скупость, Жозеф закатил по поводу примирения врагов роскошный пир, на котором было объявлено, что великий Рауль отныне служит делу Лумэнов, а принц Филипп Гаэльзский сочетается браком с младшей дочерью Рауля Жаклин. Последнее особенно понравилось Филиппу Тагэре и его придворным. Еще бы! Жоффруа Ларрэн, скоропалительно женившийся на толстухе Изо и старательно тащившийся за хвостом своего тестя, остался с носом.

В Мунте изрядно зубоскалили на предмет неумного графа и его недоделанных зятьев, говоря, что для полного счастья сам Рауль должен обвенчаться с Дыней⁶⁰, однако Александра это не забавляло. Союз змеи и медведя выглядел опасным, тем паче в Арции сторонники Лумэнов и Фло старательно мутили воду, а Вилльо помогали им изо всех сил своей жадностью, наглостью и высокомерием. Вот и нынешний поход... Александр прекрасно понимал, что его причина – глупости, совершенные Филиппом. Черт же дернул брата сначала отдать земли Батаров кузену Рауля Жану Орви, восстановив этим против себя полпровинции, а потом броситься в другую крайность, выпустив из тюрьмы последнего Батара и вернув ему фамильные владения.

Александр не верил ни Батару, ни Орви, получившему огромные отступные и титул маркиза Ле Манси. Доказательств у него не было, но герцог Эстре был уверен: оба ждут удобного случая, чтобы перейти на сторону один – Лумэнов, а второй – собственного кузена. Если это

⁶⁰ Презрительная кличка Агнесы Ифранской.

так, то поход, вызванный истеричными воплями Батара о том, что он-де не в силах справиться с мятежниками, и обиженное молчание новоиспеченного маркиза могут оказаться ловушкой. Сандер пробовал объяснить это брату, но с таким же успехом он мог говорить с деревом или стеной. Сезар разделял его озабоченность, но Мальвани и Вилльо любили друг друга еще сильнее, чем собаки и кошки, и король с полной уверенностью заявил, что виконт Малве так говорит лишь потому, что Реве считает иначе.

...Высокая фигура выступила из темноты, и Александр узнал друга.

– Не спится?

– Угу, – кивнул Малве, – сказали бы мне, что я не смогу заснуть после шестидневного перехода, я б рассмеялся, а ведь не могу. А ты-то что тут делаешь, ночка ведь не жаркая, и вообще подвинулся бы...

– Я? На звезды смотрю, – засмеялся Александр, освобождая место. Брат короля и знатнейший аристократ Арции не утруждали себя такими вещами, как этикет, предоставив носиться со своими титулами выскочкам вроде Вилльо.

– Ну и как звезды?

– Уж больно много их падает...

– От, с позволения сказать, Ле Манси так-таки и ничего?

– Молчит. Филипп считает, что дуется.

– Дуется? Кто-кто, а он не прогадал, лично я бы от таких подарков не отказался.

– Так стань сомнительным, тебе кусок и подкинут, а то вы, Мальвани, своей надежностью прямо-таки пугаете...

– От такого слышу, кого это, интересно, «верность обязывает», уж не тебя ли?

– Меня, – вздохнул Александр, – но иногда я брата просто не понимаю. Зачем, зная, что Рауль вот-вот высадится, и как бы не здесь, лезть Проклятому в зубы? Король должен быть в столице, по крайней мере, пока не станет ясно, где основной враг.

– Воистину, – кивнул Сезар, – и уж точно незачем было тащить сюда этих Вилльо...

– Не согласен, в Мунте на свободе они бы растащили все, что не успели. Сезар, раз уж ты все равно не спишь...

– Не сплю, – согласился Мальвани.

– Может, возьмем квинты⁶¹ две и пообедем окрестности? Все лучше, чем упавшие звезды считать...

– А что, разве вечером все как следует не осмотрели?

– Осматривали. Люди Реве.

– Да из них разведчики, как из жабы лошадь. Но две квинты это слишком. Лучше я подниму своих «охотников».

– Это даже лучше.

Спустя четверть оры двадцать шесть всадников в темных плащах, на лошадях, «обутых» в специальные торбы, глушащие стук копыт, веером рассыпались по окрестным полям. Поиски оказались недолгими. В весе от лагеря пятерка «охотников» нарвалась на небольшой отряд, скрытно пробиравшийся в сторону Данкасси. Рассудив, что союзники, каковыми считались Ле Манси и Батар, по ночам тайком не разъезжают, люди Сезара, пропустив чужаков, ловко отсекали замыкающего. Тот лгать и изворачиваться не стал, видимо, дело Лумэнов, на взгляд пленника, не стоило его драгоценной жизни.

Александр удалось сохранить невозмутимость, хотя по спине забежали противные мурашки. И было от чего. Пойманный воин принадлежал к авангарду Жана Орви ре Фло, он же маркиз Ле Манси. Армия маркиза была в весе от лагеря, но, по счастью, ее основу составляла не конница, а пехота, а значит, ждать Манси следует не раньше чем через две с половиной

⁶¹ Квинта – пятьдесят легко вооруженных всадников, разбитых на десятки.

оры. Пленник рассказал, что Жан объявил о своем переходе на сторону кузена, так как король не оценил его преданность и отнял у него Батар. Ничего не делавший наполовину, Орви дал салют в честь Лумэнов и Рауля и заявил, что намерен пленить неблагодарного короля. Это не казалось пустым бахвальством: людей у Ле Манси было раза в три больше, чем у Филиппа. Но это были еще цветочки! Отыскался Рауль. Король Королей высадился не в Ларрэне, а в родной Фло и форсированным маршем направлялся на Лагу, намереваясь отсечь Филиппа от столицы.

2884 год от В.И.

Утро 20-го дня месяца Лебеда.

Арция. Мунт

Нельзя сказать, чтобы Жан Орви, маркиз Ле Манси, был счастлив, поднимая меч на короля Тагэре. Лумэнов Жан не любил и презирал, а от Филиппа Четвертого ничего, кроме хорошего, не видел. Выходку своего знаменитого кузена Орви не одобрял, и, хотя Вилльо его бесили не меньше, чем Рауля, полагал, что Дыня и ее изголодавшиеся на ифранских подачках сторонники будут еще менее приятным обществом. Увы, Король Королей не стал слушать младшего родича. Когда к Орви заявился тайный посланец, Манси понял, что ему ничего не остается, как выполнить требуемое. Сила явно была на стороне Рауля, спорить с которым в семействе Фло было не принято. Король Королей прекрасно знал своего осторожного кузена, девизом которого могло бы стать «от добра добра не ищут», и прислал к нему соглядателя. Даже не соглядатель, а человека, который в случае необходимости (если бы, к примеру, Жан заболел или вообще умер) смог повести его людей. Теперь любые увертки стали невозможны, Орви не мог ни «опоздать», ни «ошибиться», ни «не найти противника». Пришлось браться за дело, находя утешение в том, что против лома нет приема.

Ле Манси заманил Филиппа в Нурту, договорился с Батаром (вернее, капитаны Рауля, состоящие при обоих нобилях, договорились друг с другом), и в урочное время двинулся к Данкассе. Все шло, как задумано. Филипп должен был остановиться на дневку именно там, где он и остановился, и на рассвете Манси и Батар должны были взять спящий после длительного перехода лагерь. Король, его брат и все Вилльо требовались Раулю живыми, и это, с одной стороны, успокаивало совесть Жана – не ему решать судьбу пленных, а с другой... С другой стороны, Жан знал мстительный нрав Агнесы. Он не забыл ужас, который испытал, глядя на мертвые головы в соломенных коронах, среди которых была голова его собственного отца...

Манси было глубоко плевать на Вилльо, пусть их хоть с кашей едят, но Филиппа и Александра было жаль. Может, Рауль их пощадит, хотя бы ради Эстелы и в память о Шарле? В конце концов, Сандеру всего двадцать, и он и так наказан судьбой! Пожалуй... Пожалуй, он, Жан Орви, не отдаст младшего Тагэре вместе с другими, а заберет себе в качестве гостя-пленника. После победы он получит право что-то требовать. Вот он и потребует, во-первых, подтверждения нового титула и владений, а во-вторых, Александра Эстре. За него, кстати говоря, можно выдать замуж Мадлен. Она прелестная девочка, но он не атэв и не вправе иметь двух жен, а если бедняжка действительно беременна, ее нужно побыстрее пристроить. Его ребенок будет носить имя Эстре, и он, Жан Орви, не будет чувствовать себя перед ним виноватым. Ну, а Александр с его горбом получит красавицу-жену, и всем будет хорошо...

– Сигнор, – младший офицер в цветах Лумэнов вел себя согласно этикету, но на его лице было написано удивление, переходящее в злость.

– Что случилось?

– Монсигнор, лагерь пуст. Тагэре бежали.

2884 год от В.И.

29-й день месяца Лебеда.

Сельдяное море

Корабль немилосердно скрипел и качался, впрочем, назвать старое рыбацье суденышко кораблем можно было лишь в припадке мании величия. К тому же оно немилосердно пропахло несвежей сельдью. Даже выдавшие виды вояки клялись друг другу, что если пронесет, то они ни за какие деньги на проклятую селедку даже не взглянут. И тем не менее эти три кораблика оказались спасением для Филиппа Тагэре и рыцарей, решивших, кто из преданности, кто из страха перед победителями, последовать за королем в изгнание. Головы приверженцев ре Фло и Ларрэна, сдавшихся на милость Фернана Ревы, до сих пор украшали Новый мост. Казалось естественным, что Рауль захочет исправить это сомнительное украшение по своему вкусу.

Как бы то ни было, но все представители клана Вилльо, находившиеся с королем, не колебались и, зажимая носы, ступили на осклизлые сходни. Проезд оплатили драгоценностями, оказавшимися у самого Филиппа, хотя, по мнению Сезара, которое разделяли все друзья Александра, следовало бы сначала вывернуть карманы родичей королевы.

Ошалевшие рыбаки, которым предоставили выбирать между ударом меча и вознаграждением, споро вывели кораблишки из уютной бухты на милость не на шутку разгулявшегося моря. Погода была под стать настроению. Хлестал сильный холодный дождь, порывистый ветер мало того что болтал утлые суденышки, как хотел, норовил облепить людей промокшими плащами. Рыцари, не боявшиеся на суше ни Проклятого, ни Творца, с ужасом вглядывались в серые, не по-летнему холодные волны, а некоторым скоро стало не до страха – морская болезнь оказалась пострашнее и Короля Королей, и взбесившегося моря.

Александру повезло, он быстро приноровился к жуткой болтанке и, пристроившись на корме, попытался собраться с мыслями. Брат короля, если б захотел, мог бы занять одну из двух клетушек, по недоразумению называемых здесь каютами, но Сандеру это показалось нечестным, и он остался с друзьями, невольно оказав услугу Фернану Ревы, чья щепетильность так далеко не простиралась.

Сезар Мальвани только плечами пожал, узнав об очередной выходке «пуделя», а зеленый, как весенняя трава, но не утративший привычной иронии Луи Трюэль заметил, что неплохо было бы, воспользовавшись случаем, выкинуть сукиных детей за борт и сказать, что так и было.

«Волчата», как прозвали в Мунте рыцарей Александра, ведших необъявленную войну с «пуделями»-Вилльо, натянуто перешучивались, старательно обходя неприятные темы вроде возможности отправиться на корм рыбам, судьбы тех, кто остался в Арции, и собственных видов на будущее. Александр их понимал: рассчитывать на гостеприимство и помощь мужа Марты можно лишь до известной степени. Конечно, Марк их не прогонит, по крайней мере, сразу, но денег и воинов от него не дождешься, разве что он увидит в этом какую-то корысть для себя. Лыстцы прозвали оргондского герцога Марком Смелым, но ему куда больше шло Марк Расчетливый. Единственным проблеском была давнишняя склока между Оргондой и Ифраной.

Жозеф, соперничающий в скупости со своим супостатом, вколотил уйму ауров в возвращение к власти Лумэнов, значит, Марк должен сделать ставку на Тагэре. Тем паче он зависит от меча Анри Мальвани, а отец Сезара мятеж Рауля не поддержал.

Дождь, и так хлеставший вовсю, припустился еще пуще, и тут за серой пеленой что-то мелькнуло...

– Сьенский маяк, – буркнул Сезар, уже плававший в Оргонду к отцу. – Это уже Дарна, сейчас держи ухо востро, тут частенько ошиваются сторожевые корабли...

– Ну и что? – не понял Гартаж. – Принять нас за пиратов может только пьяный крот.

– Не в этом дело, – Мальвани попытался улыбнуться, но улыбочка вышла кривоватой, – сторожевики действительно защищают купцов и гоняют пиратов, но если Паук догадался отправить гонцов в магистраты и предложить вознаграждение за наши головы, я себе не зави-
дую...

– Ну, спасибо, утешил, – хмыкнул Луи Трюэль. – Жабий хвост! Нам для полного счастья только дарнийцев не хватало.

– Поскольку от нас сейчас ничего не зависит, – бросил Никола Герар, – будем надеяться на лучшее.

С ним согласились, но разговор как-то увял. Глядя в свинцовые облака, Александр старательно перебирал мельчайшие детали, предшествовавшие их бегству. Нет, похоже, сделать действительно было ничего нельзя. Принять бой с заведомо превосходящими силами противника, зная, что к тому идет подкрепление во главе с самим Раулем ре Фло, было безумием. Глупо было и прорываться в Мунт через Норту, которая ждала сигнала, чтоб поднять стяги Лумэнов и броситься на тех, кого считали узурпаторами. Филипп это понял сразу же, как узнал о предательстве Ле Манси и высадке Рауля. Король поблагодарил солдат и мелких нобилей за службу и велел отступать туда и так, как они сочтут нужным. Спустя пол-оры кавалькада из тех, кто не мог или не хотел оставить короля, устремилась к морю. Александру хотелось верить, что Фло не станет мстить простым воинам, но уверенности в этом у него не было.

Возглас впередсмотрящего вернул брата короля от малоприятных мыслей к еще менее веселой действительности. Справа по борту подходили большие суда, в которых без труда угадывались дарнийские сторожевики.

– Проклятый! – В глазах Гартажа читалось отвращение, связанное с отчаяньем. – Мы даже в бою умереть не сможем, нас или утопят, или возьмут в плен...

– Да, до берега нам не доплыть, – согласился Этьен Ландей, – а хоть бы и доплыли, там наверняка сторожат...

– Договориться с ними, я полагаю, нельзя?

– Можно, если предложить дороже, чем им уже заплатили, – Сезар был спокоен и собран, – но, даже выверни мы наизнанку Вилльо и отдай в придачу их самих, у нас не наберется и тысячи ауров. Паук наверняка отвалил в несколько раз больше, иначе они в такую погоду не вышли бы в море... Да и нарушить клятву денег стоит.

– Может, удастся уйти?

– От сторожевиков? Если б мы сговорились с контрабандистами, еще туда-сюда, а рыбаки...

– А что за клятва? – Александр спросил только для того, чтобы спросить хоть что-то.

– Да так, суеверие одно... Сторожевики дают клятву только *защищать*. При нападении на мирных путников, которые ничем не грозят торговым городам, их должно покарать само море...

– Как же, покарает оно, – вздохнул кто-то из Крэсси. – А может, все же договоримся? Пусть предложат нас не только Раулю, но и Марку.

– Это наш единственный шанс. Гляньте... Ничего не понимаю... Они что, рехнулись, а может, я?!

И вправду, было от чего. Сторожевики вдруг прекратили погоню и теперь, мешая друг другу, суетливо разворачивались. Дождь прекратился, резкий порыв ветра разорвал облака, и хлынувшие в прорыв солнечные лучи облили море расплавленным серебром. На фоне темных облаков было видно, как корабли дарнийцев, кое-как выстроившись, торопливо уходят на юго-восток.

– Проклятый, – прошептал Сезар, – вы только посмотрите, что они пишут!

– Пишут? – не понял Александр.

– Моряки флагами разговаривают... Так вот, они нам пишут, они пишут: «Девять ланов под килем и попутного ветра».

– Врут! – убежденно сказал Одуэн.

– Да нет, – медленно проговорил Сезар, – не врут. Да вы не в ту сторону смотрите. Гляньте туда, где солнце!

Что бы потом ни выпадало арцийским рыцарям, никто из «волчат» до конца жизни не забыл эту картину. По сверкающей воде неслись корабль, не похожий ни на один, виденный кем бы то ни было, включая Мальвани. Черный трехмачтовик, узкий и хищный, ни обводами, ни оснасткой не напоминающий дарнийские суда, со скоростью галопирующей лошади приближался к преследователям. Корабль, словно бы осиянный нездешним светом, шел в бейдевинд, рассекая немалые волны и не обращая внимания ни на буруны, окружающие рифы, ни на опасную близость берега. Александр видел вздыбившуюся рысью фигуру на носу, словно бы сотканные из холодного света паруса, ощерившиеся жерла орудий. Последнего просто не могло быть!

Четыре сотни лет назад Церковь запретила дьявольское зелье. Те, кто поначалу пренебрегал запретами, живыми взлетели на небеса, так как порох загорался в их собственных арсеналах, причем в самое неподходящее время. Однако черный корабль нес на борту не одну сотню пушек!

Странный пришелец пронесся борт о борт с рыбацкой скорлупкой, догнал дарнийцев и теперь шел рядом с ними, словно бы желая убедиться, что те уходят. Шкипер судна, на котором был Александр, одновременно творя молитву святому Эрасти и поминая Проклятого и всех его нечестивых последышей, торопливо уходил в противоположном направлении.

Рыцари на корме не замечали ни резкого гортанного голоса, ни беготни и топота немногочисленных матросов. Их мысли и глаза были прикованы к сверкающему кораблю, исчезающему за горизонтом. Солнце скрылось, по палубе застучали дождевые капли, погода брала свое...

2884 год от В.И.

19-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Король Королей не ждал от разговора ничего хорошего и все-таки поехал, невзирая на то, что Обен Трюэль недвусмысленно давал понять, что не желает встречи. Толстяк не высовывал носа из своего особняка, ни с кем не встречался, свернув даже переписку с мирийскими поварами. Рауль ему не верил. Болезнь, разом сразившая Обена и Евгения, едва лишь ре Фло и Лумэны вошли в Мунт, была очень сомнительной. Нет, два старых интригана не мешали, но и не помогали. Они словно бы устранились от всего, и это пугало. Раулю были памятливы их выходки во время борьбы с Агнесой. Проклятый! Он и в страшном сне не мог вообразить, что столкнется с Пауком и ифранкой и отдаст ее пашенку Жаклин! Не мог? Или что-то такое ему все же снилось? Не вспомнить...

Как бы то ни было, он, Рауль ре Фло, прозванный Королем Королей, пошел против Филиппа Тагэре не из-за личных обид, а ради Арции, которую рвали на части Вилльо. Ради Арции? Но почему он утверждает это, как заклинание, разве двенадцать лет назад он думал о чем-то, кроме победы над врагом? Нет, тогда ему не нужны были оправдания. А сейчас, выходит, нужны?! Зачем он напросился к Обену? Что тот может ему сказать?

Если старик и вправду болен, его лучше не тревожить, а если врет, то не ему, Раулю ре Фло, раскусить старого пройдоху. Внуки Обена, не колеблясь, последовали за Филиппом. Все трое. Хотя при чем тут Филипп, младшие Трюэли – друзья Сандера, которого он воспитал. Сандер остался с братом, хотя ненавидит «пуделей», а те ненавидят его. Что ж, младший из Тагэре поднял на щит верность, его право, но стоит ли верности его красивый братец? Рауль полагал, что не стоит. Филипп предал первым и должен за это ответить.

...Дом Обена был не так уж и далеко от дворца Анхеля, в котором расположился ре Фло вместе с Агнесой, ее сыном и насильно вытасканным из Речного Замка Пьером, вновь объявленным королем. Последний совсем обезумел, шарахался от собственной тени, чуть что заползал под кровать, отказывался от еды, боясь отравы, и продолжал звать Шарло. В довер-

шение всего король ударился в пророчества и принялся грозить всем своими дурацкими кошками. Нелепый, обрюзгший человек, таскающий в карманах раскормленных хомяков... Было смешно, противно и унизительно смотреть на такого монарха, понимая, что именно ты вернул его на трон. И еще была Агнеса, ничего не простившая и не забывшая, и ее жалкий сын, которому предстояло стать владыкой Арции и который старательно спал с Жаклин, дабы зачать наследника. Неужели ради этого Рауль воевал и побеждал?

Ре Фло не заметил, как добрался. Особняк Трюэлей, несмотря на флаг над крышей, выглядел полузаброшенным. Закрытые окна, пустой, чисто подметенный двор, который не спеша пересекала толстая полосатая кошка, наглухо запертые главные ворота. Однако привратник оказался на месте, тяжелые створки бесшумно подались в стороны, и кавалькада беспрепятственно подъехала к самому дому. Старый дворецкий, худой, как щепка, почтительно сообщил, что хозяин по болезни не может приветствовать гостей на крыльце и просит простить его.

Спутники Рауля остались ждать господина в нижней приемной, а он сам, с трудом сохраняя хладнокровие, поднялся по закрытой сукном, прижатой медными прутьями, парадной лестнице и оказался в знаменитой овальной столовой. Здесь он, будучи виконтам Тарве, ознакомился с особенностями мирийской кухни и арцийской политики. Что же ждет его теперь?

Обен встретил его у двери. Он почти не переменялся с их последней встречи и отнюдь не походил на тяжелобольного, впрочем, это ничего не значило. Рауль знал многих больных, казавшихся здоровыми и полными сил, и отличавшихся завидным здоровьем людей, выглядевших ходячими трупами.

– Рад видеть вас, дорогой граф. Как вы себя чувствуете?

– Паршиво, монсигнор. В мои годы и в наши времена чувствовать себя иначе мне нельзя. Представляете, я совсем не могу употреблять кардамон и виноградный уксус...

Они проговорили полторы оры. Обен охотно вспоминал былые времена, рассуждал об эскотских и фронтерских обычаях, пересказывал сплетни о еретиках-таянцах и морских волках Нового Эланды, жаловался на здоровье, одновременно рассказывая о подаваемых блюдах и о том, насколько они потеряли из-за того, что желудок барона больше не приемлет некоторых специй. Старый интриган то ли в самом деле удалился от дел, то ли не желал выяснять отношения. Когда подали черный горький напиток, привезенный из Эр-Атэва и Обен углубился в рассуждения о его свойствах, ре Фло не выдержал и поднялся. Хозяин, кряхтя (по мнению Короля Королей несколько нарочито), поднял необъятную тушу с кресла, намереваясь проводить гостя.

Уже у самого порога Рауль обернулся и, глядя в маленькие глазки барона, бросил:

– Я понимаю, что вам всего дороже покой. Но, во имя Проклятого, Обен! Если вас устраивал Филипп, зачем вы затеяли это представление с мечом?

– Затаял? – Обен вздохнул. – Можете мне не верить, Рауль, я это заслужил, но, клянусь вам, когда я пригласил мальчишку к себе, у меня и в мыслях не было ничего подобного...

– То есть?

– Я не знаю, что на меня нашло, – отчеканил Обен Трюэль. – Да, я хотел посмотреть на младшего сына Шарло и немножко его побаловать в день рождения, так как был уверен, что братцы об этом и не подумают. И подарок я ему приготовил, хороший подарок, кстати говоря... Но мне и в голову не приходило дарить ему именно этот меч. Я собирался вписать в завещание, чтобы после моей смерти меч Шарло отвезли в Эльту и бросили в море... Но когда я увидел парнишку, то не мог не сделать то, что сделал. Потом я испугался, что поссорил его с братом, что мою выходку истолкуют именно так, как ты и истолковал. К счастью, Сандер не потерял головы, а может, у него и вправду отцовское сердце. Шарло ведь никогда и никому не завидовал и готов был последнее отдать... Как бы то ни было, с братом малыш себя повел именно так, как следовало, они не рассорились ни из-за меча, ни из-за «пуделей»... И слава Эрасти!

– Обен! – Король Королей был хмур, как снежная туча. – Как ни странно, я вам верю. Но Филипп с Элеонорой чуть было не погубили Арцию... Я должен был вмешаться.

– Погубил бы король Тагэре Арцию или нет, еще неизвестно, но слабоумный Пьер и ифранская змеюка погубят наверняка. С твоей помощью...

– Обен!

– Я уже семьдесят три года как Обен. Даже если сейчас помру, не страшно. Было пожито, съето, выпито.... А вот ты, Рауль! Тебя называют Король Королей, а ты оказался оруженосцем своей гордыни. Что ты творишь? Ты, внук Старого Медведя, друг Шарля Тагэре?! Привел в Мунт ифранцев, отдал дочку бастарду, да еще и придурочному, унизился перед убийцей?!

– А что я должен был делать? Терпеть эту свору, любоваться на наглую щенка, забывшего, чем он мне обязан?!

– Вот ты и сказал главное слово. «Мне», «я»... Ты – нобиль, Рауль, нобилем и помрешь, нобилем, но не королем...

– Я на чужую корону не зарюсь.

– Опять «я»... И у Филиппа сплошное «я» в голове, потому вы и сцепились. Да, Филипп тоже не король, хоть и с короной на башке. Тебе нужно чувствовать себя самым сильным, а ему главное доказать всем и себе, что он правит, а не просто на троне сидит. Дескать, что хочу, то и ворочу. Из-за своей дури вы на пару Арцию в ключья рвете... А ты думал, что будет, если ты победишь? Дыня с Жозефом тебя слушать будут не больше, чем Филипп. Тот тебя хотя бы добром помянуть может, а эти?! Войдут в силу, первое, что сделают, – шею тебе свернут.

– Еще посмотрим, кто кому свернет...

– Значит, опять война. И опять предательство. Побил Дыню, нацепил корону на Филиппа. Не понравилось. Прогнал Филиппа, вытащил из сундука ифранку. Опять не то! А что «то»? Кто следующий будет? Зятя? Отродье «Святого духа» или эта винная бочка... Уж не знаю, откуда у Шарло такой сынок взялся, Эстела вроде не гуляла, а родилось же такое... Видать, в первого Лумэна удался, тот тоже против своей крови пошел. Лумэн на племянника руку поднял, а Жоффруа и того хлеще: под брата роет. С твоей помощью. Что от него, что от кошачьего отродья все плевать будут. Не позволишь? Будешь языки вырывать? Ох, Рауль, Рауль... Неужели не понимаешь, во что ты влез?

– Я понимаю одно, – ре Фло был смертельно бледен от ярости, но держался, – сюда я приходил зря.

– Зря, – подтвердил Обен, – впрочем, одно я тебе обещаю. Я в ваши с Филиппом свары не полезу. Годы не те, и желанья нет. Когда кто-то кого-то сожрет, жив буду, посмотрю, что можно сделать, чтоб все прахом не пошло, а пока воюйте, раз уж вам нейдет... Сейчас вас сам святой Эрасти не остановит, куда уж мне, грешному!

2884 год от В.И.

1-й день месяца Вепря.

Вольный порт Альтпверда

Марк сделал больше, чем от него ожидали, и меньше, чем хотелось бы. Герцог Оргонды принял беглых родственников с распростертыми объятьями, прилюдно подтвердив, что признает в Филиппе короля Арции. Дал Марк и денег, но не так уж много: достаточно, чтоб найти и вооружить тысячу или (с учетом стоимости фрахта) семьсот воинов. Это было много больше, чем у Анхеля Светлого, но все равно до безобразия мало. Тиран Пурина, против которого подняли меч Анхель и Эрасти, был ненавистен всем от мала до велика, и достаточно было искры, чтобы заполыхала все страна. Сказать же, что Арция с восторгом ожидает возвращения Филиппа Тагэре, было большим преувеличением. Люди устали от войны, шляющихся туда-сюда по стране армий, взаимных обвинений, неуверенности в завтрашнем дне. Если раньше всеобщая симпатия была сначала на стороне Шарло, а затем его сына, то появление рядом с

королем ненасытных выскочек и разрыв с ре Фло оттолкнули многих. Впрочем, Лумэнам это на пользу не пошло. Агнесу по-прежнему ненавидели, ее слабоумного мужа презирали, а сына вслух называли кошачьим отродьем.

Союз Лумэнов с ре Фло оказался вещью обоюдоострой, кого-то он привлек на свою сторону, а кого-то и отпугнул. Люди, любившие Шарло Тагэре и Старого Медведя, не могли простить Раулю и Жоффруа союза с ифранкой, а верные сторонники Лумэнов с трудом терпели Короля Королей, бывшего главным виновником их прошлых поражений. Большинству же добрых горожан и крестьян Война Нарциссов смертельно надоела, и им, в сущности, было все равно, кто усидит на троне. Уставшая Арция была бы согласна на любого короля, лишь бы это положило конец смуте. При этом и Лумэны, и Тагэре понимали, что, пока вожди противоборствующей стороны живы и на свободе, окончательной победы не будет.

Время тем не менее работало на Лумэнов, имевших возможность вновь пустить корни на родной земле. Ждали плодов союза Филиппа Лумэна и Жаклин ре Фло. Рождение наследника укрепило бы позицию золотого нарцисса, и Филипп Тагэре торопился. Сегодня с семьей сотнями воинов он сильнее, чем будет через полгода с двумя тысячами. Нужно успеть. Однако Лумэны не должны догадываться о том, когда и где высадится король, а значит, подготовка должна вестись в тайне. И Филипп прожигал жизнь в Лиарэ, сея смятение в сердцах оргондских красавиц. Элла с детьми осталась в Арции, укрывшись в циаианской обители. Бланкиссима Шарлотта к ней благоволила, и королеве и наследнику ничего не угрожало. Рауль, как бы он ни был зол, с детьми и женщинами не воевал. По крайней мере, пока им не приходило в голову возглавить армии.

Король по семье скучал, но это ему не мешало брать от жизни все, тем паче любовные похождения старшего брата отвлекали внимание шпионов от того, чем занимался младший.

Как-то вышло, что из всех рыцарей и родичей, последовавших за Филиппом в изгнание, король доверился именно Александру Эстре. Молоденький герцог с серьезными серыми глазами не только мог предложить что-то дельное, но и спокойно и незаметно воплощал задуманное в жизнь. Филипп все больше и больше полагался на брата, и тот оправдывал ожидания. Именно ему король поручил найти корабли и капитанов, готовых за не столь уж большое вознаграждение (приходилось считать каждый аур) тайно доставить изгнанников в Арцию. Марк смотрел сквозь пальцы на то, что оргондцы, кто в поисках славы и приключений, а кто за полновесные ауры, готовы рискнуть головами ради дела Тагэре, но не желал, чтобы его обвинили в пособничестве шурина, буде тот проиграет. Именно поэтому корабли не должны принадлежать оргондской короне.

Подумав и посоветовавшись с Анри Мальвани, Александр решил навеститься в ближайший дарнийский порт и разузнать, какую цену заломят тамошние шкиперы. Брат и его окружение продолжали плясать на балах, и отсутствие горбуна, предпочитающего светским утехам книги или дальние прогулки, никого не удивило. И вот Александр Эстре и Сезар Мальвани второй день сидели в Альтпверде в знаменитом кабаке «Морской кот», куда приходят капитаны в поисках фрахта и те, кому нужны корабли.

Одолженных Марком денег хватало, чтобы перевезти семь сотен воинов с лошадьми, нужно было лишь не ошибиться в капитане. Тайна была нужна как воздух, а самым слабым звеном оставались именно моряки, которые могли случайно проболтаться, а то и продать доверенный им секрет. Мальвани уже имел дело с хозяином «Морского кота», одноногим хитрым человеком, разыгрывающим из себя бывалого моряка, хотя дальше прибрежной косы в море не ходил. Считалось, что хрому Полю до определенной степени можно было доверять, и Александр с Сезаром рискнули.

Трактирщик выслушал их молча и внимательно, без божбы, торговли и уверений, что у него «как раз есть то, что нужно», а затем изрек, что негоже покупать то, что и так вам принадлежит. Александр не успел спросить, что тот имеет в виду, а Поль уже лавировал между

длинными деревянными столами, направляясь в дальний угол, где сидело четыре человека в платье из дорогой, но потрепанной материи. Двое из сидевших: настоящий богатырь с копной белых волос и худощавый благообразный человек с соболиными бровями – выслушали то, что им нашептал хозяин, и без провололочек направились к арцийцам.

– Отто Свонберг, капитан «Небесной ласточки».

– Жозе Влозу, капитан «Сладости греха», к вашим услугам.

– Присаживайтесь, господа, – улыбнулся Александр. – Вина?

– Сначала – разговор, – прогудел Отто, к немалому удивлению Сезара, знавшего, что в Альтпверде принято подолгу кружить вокруг и около, а затем до одури торговаться.

– Сможете ли вы взять на борт семьсот человек и каковы ваши условия?

– Можем и тысячу, – махнул лапищей Отто, – а что до условий, то, как я понял, вам нужна тайна и скорость, они у вас будут.

– Благодарим вас, сигноры, – Александр вежливо наклонил голову, – но хотелось бы узнать вашу цену.

– Цену? – поднял бровь Жозе. – Впрочем, откуда вам знать? Вы нужны нам больше, чем мы вам. Корабль вы всегда найдете, а вот нам удачу без вас не вернуть. Мы должны вам помочь, и чем скорее, тем лучше... Тогда Скиталец простит нам нарушенную клятву...

– Не понимаю, – Тагэре озадаченно оглядел морских волков, – кто такой Скиталец и почему вы должны нам помочь? И может, все-таки принести вина?

– Принесите, – разрешил Отто, – а говорить Жозе будет, я-то не мастак по-ученому.

– Дело в том, – Влозу вздохнул, – что о Скитальце знают только моряки, а мы лишнего «сухопятым» не говорим. Но вы – другое дело... Скиталец, или Черный, – тот корабль, который спас вас у Сьенсы.

– Так там были вы?!

– Да, – стукнул кулачищем Отто, – Проклятый попутал магистрат взять авирские денежки, а мы отдувайся. И ведь говорили же уродам, что нельзя поднимать лапу на рыбацьи лоханки, кто бы в них ни плыл. Так ведь нет, уперлись. Да еще и клирика пригнали, чтоб нам грехи отпустил. Вот и отпустил, жаба зеленая! Если б не вы, не видать бы нам удачи, как своих ушей, Черный таких дел не прощает...

– Отто хотел сказать, – улыбнулся Жозе, – что нас вынудили нарушить морскую клятву, а тот, кого мы называем Скитальцем, такого не любит. Если мы вам поможем, то искупим эту ошибку, и море нас не отринет.

– Я понял, почему вы взялись нам помочь и не хотите платы. Я никогда не забуду этот корабль. Если это не заставит вас еще раз нарушить клятву, расскажите о Скитальце все, что знаете...

– Да Проклятый меня побери, если про него хоть кто-то что-то ЗНАЕТ, – буркнул Отто, – болтовни много, это точно...

– Отто прав, – Жозе разлил вино по стаканам, – Скиталец появляется и исчезает, когда и где хочет. Ему не страшны ни бури, ни мели, ни огонь, ни проклятья клириков. Говорят, он пройдет над любыми рифами, ветер для него всегда попутный, его никто не догонит, и никто от него не уйдет. Заметьте, я только повторяю чужие слова, а мое знакомство с Черным не длиннее вашего.

– Вы его видели впервые?

– Да, – кивнул капитан, – говорят, дважды его никто не видит, разве что в смертный час. Скиталец кажется призраком, но он рассечет любой корабль, как ножом разрежет, и даже не замедлит хода.

– А откуда и когда он появился?

– Ничего дельного об этом я не слышал, – покачал головой Жозе.

– Болтают всякий вздор то про проклятье, то, наоборот, про благодать какую-то, – вмешался Отто, – но что именно он раздолбал ортодоксов, которые не пускали уцелевших эландцев за Запретную Черту, точно. Ой, мало умоленных уцелело, – заржал великан, – всего один кораблишко, да и тот, видать, потому, что Скиталец захотел, чтоб знали, кто святош к кэргорам пустил...

– Это правда, – согласился Жозе, – ортодоксы погнались за переселенцами, те решили принять бой, но этого не понадобилось. Скиталец отправил преследователей на дно. Тогда он появился в первый раз. Потом его долго не видели, а лет сто назад он вернулся. Сначала думали, он приносит несчастье, но потом поняли, что несчастья мы себе сами приносим, а Черный о них предупреждает.

– Предупреждает?

– Именно. Вы же поняли, чего он хотел у Съенсы, и мы поняли. Он не велел нам вас трогать, мы послушались и вернулись в порт живыми и здоровыми. Бывало, он останавливал эскадры или караваны. Те, кто его слушался, жили и плавали долго, а упрямец никто не видел. Порой он кого-то подбирает в море... Так те просыпаются на берегу и понять не могут, как там оказались. Пытаются вспомнить, да куда там, что-то в голове вроде бы и крутится, а за хвост не схватишь...

– Ну, некоторые, видно, вспоминали, раз об этом говорят, – Александр пригубил вина, не почувствовав его вкуса – рассказанная моряками легенда пугала и завораживала.

– Скорее те помнят, у кого из-под носа добычу утащили. Догнать Скитальца нельзя, а потопить тем более...

– И все равно он последнее время что-то зачастил...

– Верно, раньше про него хорошо коли раз в десять лет вспоминали, а теперь то и дело слышишь: то один его видел, то другой. Появится, пронесется мимо, только его и видели. Нам-то он по делу явился, а вот остальным...

– Верно, что-то готовится, – Отто залпом выпил вино и налил еще, – не к добру это...

– Кто знает, – пожал плечами Жозе, – Скиталец не зло, хоть и бывает злым... Клириков не любит, это точно, да за что их любить-то... Одно слово, упыри. Если он по их души приходит, то и карты ему в руки...

– Ты про берег скажи, – подсказал Отто, – пусть уж все знают...

– Это вовсе на воде мечом написано, – Жозе словно бы извинялся, – хотя может и правдой быть. Говорят, на корабле этом Скиталец ходит в одиночку. Капитан, и больше никого. Смерти ему не дано, но и живым его не назовешь, однако случается, спускается он на берег. То ли ищет кого, то ли ждет... И вроде человек как человек, а что-то в нем не то. Болтают, есть какая-то примета, по которой его узнаешь наверняка, но никто не знает какая.

– Он все больше по портовым кабакам ходит, сядет в углу, молчит, слушает... Хотя бывало, что вмешивался, уж больно не любит, когда шестеро сзади на одного. И брехня это, что за помощь он душу забирает...

– Да и зачем ему чужие души, – тонко улыбнулся Жозе. – Ну что еще? Ну а дальше вообще ерунда получается. Вроде пока тот, кого Скиталец благословил, ведет себя по-людски, будет ему удача, а как нос драть начнет да пакости другим делать, так на ровном месте все потеряет... Ну, Жозе, что там еще?

– Как будто все, мы и так утомили монсигнора... Разве что еще одно: вроде знает Капитан про какую-то большую беду и ищет тех, кто вместе с ним против нее пойдет, да найти не может...

2884 год от В.И.

27-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Жоффруа был зол: еще бы, ему, принцу из рода Тагэре, навязали в няньки какого-то мерзкого рыцаришку, который даже вина ему не дает. Считается, что ведет армию он, Жоффруа, а на деле командует этот Карне, у которого есть бумага, подписанная ифранкой и Раулем.

Герцог Ларрэн с негодованием уставился в матерчатую стенку своей палатки. Это же надо, как все мерзко и нелепо получается. Он женился на белобрысой корове Изо, хотя ему всегда нравились брюнетки, рассорился с матерью и братом, который худо-бедно, но все же сделал его герцогом и дал неплохое содержание. И что? Вместо короны – насмешки и унижения! Да, Генеральные Штаты провозгласили его наследником Филиппа Лумэна, но и что из этого! Этот общипанный гусенок женился на Жаклин, и та наплодит ему десяток сыновей, женщины рода ре Фло рожают чуть ли не каждый год. А он? Он стал никому не нужен. Лумэновские прихвостни умильно поглядывают на его владенья и нашептывают ифранке, что Ларрэну нельзя доверять, от жены его тошнит, а тесть помыкает им, как мальчишкой-пажом... Даже выпить и то не дают.

Дверь приоткрылась, и вошел сигурант⁶² с золотыми нарциссами Лумэнов на плече (Жоффруа дважды ненавидел этот символ, отнявший у него сначала отца, а потом хоть и призрачную, но корону). Герцог капризно выпятил губу:

– Ну, что там такое?

– Монсигнор, – сигурант, похоже, тоже был не восторге от необходимости прислуживать Тагэре, – к вам клирик с благословением.

– Этого еще не хватало, – набычился герцог, – не хочу никого видеть.

– Прикажете так и передать?

– Так и передай, – Жоффруа было отвернулся, но потом подумал, что вредный клирик наверняка нажалуетса Раулю и тот устроит зятю очередную оскорбительную выволочку. – Ладно уж, пусть войдет.

Сигурант, в глазах которого мелькнула насмешка, вышел, и вскоре в шатер, переваливаясь, вступил упитанный священник. Ларрэн ожидал благословений, проповедей и просьб, однако гость, неодобрительно окинув маленькими темными глазками помятую физиономию герцога, молча протянул ему письмо. Жоффруа вздрогнул, узнав решительный почерк Филиппа. Следовало позвать стражу и передать толстяка в ее руки, но Жоффруа отчего-то развернул лист.

«Не буду тратить время на дурацкие расшаркивания, – писал Филипп, – то, что ты натворил, – дело твоей совести, но ты, надеюсь, уже понял, что на предательстве не наживешься. Над тобой смеется вся Арция, корону ты не получил и не получишь, а носить хвост лумэновскому ублюдку тебе вряд ли приятно. С Раулем я говорить не собираюсь, нам на одной земле не жить, но ты все же мой брат, хоть и дурак. Если ты перейдешь на нашу сторону, я забуду обо всем, что ты натворил. Твои угодья, равно как и приданое (и наследство) твоей жены, останутся при тебе, королем ты не будешь, но быть братом короля лучше, чем мужем сестры королевы. Подумай об этом. Скоро я высажусь в Арции. Если ты к этому времени избавишься от нянек, которых, я не сомневаюсь, к тебе приставил тесть, и перейдешь на сторону Тагэре, считай, нашей ссоры просто не было. На случай, если ты попытаешься выдать того, кто тебе передаст это письмо: он ничего не знает о моих дальнейших планах, но если он по твоей милости погибнет, твоя башка украсит Новый Мост рядом с головами Рауля и мужа второй его дочери. Решай, и поскорее. Пока еще твой брат Филипп...»

2884 год от В.И.

27-й день месяца Сирены.

Оргонда. Бухта Сапо

⁶² Сигурант – изначально личный охранник знатного сигнора, позднее дворянин, состоящий в свите титулованной особы.

Бухта Сапо почиталась тайной. Затерянная среди живописных скал, поросших густым кустарником, она была логовом контрабандистов и рыбаков, браконьерствующих в рыбных угодьях дарнийских городов, но при желании здесь могли разойтись несколько больших кораблей. Вниз вела укрытая в зарослях тропа, по которой сводили к морю тяжело нагруженных коней, а с пятнистой скалы, прозванной Пьяной Жабой, можно было перекинуть сходни на борт хоть бы и сторожевика, который мог подойти к Жабе вплотную – глубина позволяла.

Гуго Фаржи узнал о том, что здесь происходит нечто любопытное, от красномордого вояки, зашедшего отдать должок трактирщику. Нет, тот языком не болтал, но Гуго был стреляным воробьем и знал обычаи наемников, уходя на войну, раздавать долги – считалось, что нечестные должники погибают первыми. Вербовщики всегда платили вперед, даже пословица бытовала – «первая монетка – в отдачу».

Прознатчик Анастازии вертелся в Альтпверде и Лиарэ с осени, полагая, что если Филипп решится на возвращение, корабли он станет искать в ближайшем к оргондской границе порту. Однако при всем своем упорстве ни сам толстяк, ни три нанятых им головореза не узнали ничего, кроме того, что зимой в город заезжал младший Тагэре и его приятель, сын нынешнего маршала Оргонды. Молодые люди посидели вечером-другой в таверне «Морской кот» и уехали. И все. Это до такой степени не походило на то, как нанимают дарнийские корабли, что Гуго решил, что Филипп в этом году никуда не собирается. Правду сказать, за наемником, отдавшим долги, он послал людей из вредности. Йозеф, Людвиг и Клаус получили за свои услуги немало, но дело пошло так, что деньги Ее Иносенсии казались брошенными на ветер, а тут какой-никакой, но след. Йозеф с Клаусом хоть и с ворчанием, но последовали за разбогатевшим воякой. Гуго проводил их взглядом, выпил пива и отправился спать, а ранним утром к нему на квартиру заявился сияющий Йозеф, сообщивший, что в бухте Сапо грузятся два сторожевика.

Ее Иносенсия всегда расспрашивала очень подробно, и Гуго решил проверить все лично. Несмотря на свою тучность и кажущуюся неповоротливость, прознатчик умел ходить быстро и бесшумно, да и Клаус с Йозефом не первый год занимались ремеслом, где тайна была одним из залогов успеха. Они подобрались к кораблям чуть ли не вплотную и прекрасно разглядели и обоих шкиперов – белокурого гиганта и стройного темноволосого южанина, и их нанимателей. Не узнать Филиппа Тагэре было невозможно, а вот Александр за четыре года, которые Гуго его не видел, изрядно возмужал. Похоже, горбун пользуется полным доверием брата и тянет на себе неинтересные, но нужные дела.

На всякий случай Фаржи запоминал все. Кто знает, какой вопрос придет в голову Анастазии. Но сначала он отправит голубей в Ифрану и Арцию, чтобы и Лумэны, и Жозеф готовились к вторжению, которое будет не так уж и сложно отбить. У Филиппа не больше тысячи воинов. Еще пару тысяч он наскребет в Арции, не абы что! Конечно, стой во главе этой армии покойный Шарль или же Анри Мальвани, с ней бы пришлось считаться, но эти мальчишки... Филипп удался в отца лишь статью, но не головой, а Анри Мальвани на границе с Ифраной. Нет, Тагэре проиграют, Рауль победит, а он, Гуго, получит аж три награды. От Паука, Агнесы и Ее Иносенсии.

Прознатчик впитывал виденное, как губка. Он славился своей памятью и понимал, что в его ремесле следует поменьше доверять людям и бумаге и побольше собственной голове. Так... На одном корабле пойдут Филипп, родичи королевы и оргондцы, на другом – Александр, молодой Мальвани, несколько арцийцев и дарнийские наемники. Похоже, «волчат» Александра и «пуделей» Вилльо не помирили даже Рауль и Дыня. Странно, что горбун не пристал к Жоффрау и кузену, он и его приятели были бы там куда более уместны. Хотя Проклятый разберет этого мальчишку, непростой он какой-то... Впрочем, вражда родичей королевы и приятелей королевского брата кончится сама собой. Агнеса обожает рубить головы, а Рауль вряд ли вступится. Если переходить в другой лагерь, нужно это делать со всеми потрохами!

Александр поднялся на корабль последним, моряки втянули сходни, суета на берегу сменялась суемой на кораблях. До затаившихся прознатчиков долетел крик: «Якорь чист, господин боцман». Корабли медленно и, на первый взгляд, неуклюже двинулись к выходу из бухты. Гуго следил за ними, пока они не скрылись за острым мысом, и только после этого покинул убежище. Он был доволен, очень доволен. Однако выяснилось, что за отплытием наблюдал не только он – из-за Пьяной Жабы показалась стройная фигура в темном плаще. Луч солнца блеснул на белых волосах, и Гуго даже издали узнал незнакомца, выигравшего у него в Эльте двадцать ауров.

Проклятый! Что он тут делает?! Тогда Фаржи принял его за обычного авантюриста, которых немало разъезжает по дорогам Арции, но, видно, Анастазия была права, когда потребовала рассказать о седом нобиле поподробнее. Неужели тоже прознатчик? Но чей? Сейчас узнаем! Седой один, а их четверо! Нет, сегодня воистину удачный день!

Гуго подал знак и отступил в кусты. Чужак их пока не заметил, да и не мог заметить, так как солнце било ему в глаза. Йозеф, Людвиг и Клаус тихо, но стремительно бросились вперед. Гуго с легким возбуждением ожидал короткой схватки. Сейчас он отыграется за Эльту! Не в деньгах дело, а в том, что его обманули, а такого лучший прознатчик Ее Иносенсии, весьма ревниво относившийся к собратьям по ремеслу, не прощал. Но на чьей же стороне играет этот красавчик? Атэвов? Канг-Хаона? Какого-то из орденов?

Чужак стоял на плоской вершине, глядя в море, и не ожидал никакого подвоха. Гуго умел выбирать помощников, Клаус, Йозеф и Людвиг были совсем рядом, а их жертва еще ничего не почувствовала. Сейчас ему зажмут рот и... Седой стремительно обернулся. Блеснул клинок. Троим ничего не осталось, как выхватить свои. Первым ударил Людвиг, затем Йозеф и последним замешкавшийся Клаус, но сталь встретила сталь. Отбив атаку Клауса, чужак бросился навстречу всем троим, стремительно кружась, словно в сумасшедшей фронтерской майорке⁶³. Гуго в каком-то оцепенении следил, как тот проскочил между Людвигом и Йозефом, который все же сумел атаковать. Лучше б он этого не делал! Тяжелый клинок рванулся вниз и вправо, отводя удар, а его хозяин, ни на мгновение не останавливаясь, саданул Йозефа локтем в лицо, а затем, продолжая движение рукой, добавил еще и эфесом. Дарниец свалился как мешок, а седой, отскочив на пару шагов, уже стоял лицом к лицу с оставшимися противниками.

Людвиг и Клаус бросились вперед, но толку от этого не было никакого. Нанятая Гуго тройца по праву считалась в Альтпверде лучшей, но рядом с эльтским бродягой они выглядели словно раскормленные мопсы рядом с матерым волкодавом. Их соперник, не утруждая себя излишними выдумками, а может, забавляясь, вновь пустил в ход прием с оборотом, пролетев мимо обоих и успев при этом долбануть Клауса эфесом. Пока тот приходил в себя, незнакомец с усмешкой обменивался ударами с Людвигом. Гуго с надеждой смотрел, как пришедший в себя Клаус (ему явно досталось меньше, чем валявшемуся ничком Йозефу) постарался зайти сзади, но у седого были глаза и на затылке. Он легко обошел Людвигу и опять оказался лицом к обоим. Что произошло дальше, Гуго, не шибко разбиравшийся в фехтовании, так и не понял. Людвиг сделал выпад, седой отбил удар и, каким-то образом удерживая оружие наемника между клинком и гардой, змеей метнулся вперед, схватив Клауса за руку. Мгновение он удерживал обоих, затем с силой отшвырнул. Людвиг ударился о скалу и мешком свалился вниз, в ленивую воду. Дальнозоркий Гуго почти равнодушно отметил, как вокруг головы лежащего расплывается красноватое облачко. Оставшийся один Клаус умудрился вскочить и разъяренным быком кинулся на противника. Незнакомец слегка шевельнул рукой, и последний из напавших упал с рассеченным горлом.

⁶³ Фронтерский и таянский танец.

Гуго в ужасе воззрился на победителя, а потом, с шумом проламываясь сквозь кусты, бросился назад. Только бы добраться до лошадей! Он добрался, но там, положив руку на холку отчего-то покрывшегося пеной жеребчика, стоял седой.

– Ты хотел меня о чем-то спросить?

– Я... – Гуго понял, что погиб, и погиб страшно.

– Ты послал за мной троих, значит, я был тебе нужен.

– Монсигнор! Простите... Может быть... Я могу быть вам полезным.

– Вряд ли, – холодно заметил чужак.

Проклятый, какие глаза! Прошлый раз они Гуго не показались страшными, но сейчас... Он не должен в них смотреть, ни в коем случае не должен!

– Ты – шпион циаианки и, надо полагать, собрался сообщить ей, а заодно всем, кто готов заплатить, о том, что видел.

– Я никому не скажу... Клянусь.

– Конечно, не скажешь, – согласился седой, – никому и никогда. Продавать других – подлое дело... Ты всю жизнь лез в чужие тайны, пожалуй, я открою тебе свою.

– Нет, монсигнор, не надо!

– Надо. Подойди ко мне.

– Нет.

– Иди сюда.

Гуго знал, что не должен слушаться, не должен приближаться, не должен смотреть в эти голубые, сверкающие глаза. Но он шел вперед, как пьяный, не отрывая взгляда от лица незнакомца. Тот стоял, скрестив руки на груди, чуть улыбаясь. Его правильное бледное лицо не было ни жестоким, ни даже грозным, но Гуго сковал тот леденящий ужас, который охватывает кролика при виде гигантской змеи сурианских болот. Толстяк медленно, на ватных ногах подошел вплотную к незнакомцу и, понимая, что погибает, уставился в голубые глаза.

– Ты хотел знать, кто я, – седой положил тяжелые руки на плечи шпиону, и тот сжался в комок. – Ну так узнай все, от начала и до конца. Это достойная награда за твою подлую жизнь...

2884 год от В.И.

27-й день месяца Сирены.

Оргонда. Гронко

Аюдант собрал свитки и карты и вышел, маршал Оргонды Анри Мальвани вздохнул и опустился в кресло. Маршал Оргонды или маршал Арции? Если Арции, то почему он тут?

Анри снял с руки перстень в виде тигриной головы и в сотый раз принялся рассматривать. Подарок калифа Майхуба отдаленному предку. Тоже маршалу Арции. Тоже Анри. И тоже одному. Все вернулось на круги своя. А Сезар сейчас плывет домой. На войну, страшнее которой нет, потому что это война своих со своими, и, кто бы ни победил, проиграет Арция и погибнут лучшие. Он, как мог, пробовал образумить обоих – и Рауля, и Филиппа, но дело зашло слишком далеко. Теперь легче растащить дерущихся медведей, чем этих двоих. Каждый прав, и каждый виноват.

У Филиппа Тагэре так и не нашлось времени для встречи с маршалом, а сам он не мог оставить Гронко. Зима была сухой и теплой, западная армия Ифраны трижды пыталась перейти границу и трижды убиралась восвояси. Если бы Марк рискнул наступать, Аршо-Жуай был бы разбит, но оргондский герцог – трус. Жозеф тоже смелостью не отличается. Это пока спасает и Оргонду, и Арцию. Паук не рискнет прийти на помощь Агнесе, испугается войны на два фронта. И все равно, если б Филипп позвал его с собой, Анри Мальвани бросил бы все. В Арции во главе армии он бы вынудил Рауля пойти на переговоры. Маршал не обольщался, Филипп Тагэре не попросил его о помощи именно поэтому. И еще потому, что хотел вернуть корону собственными руками.

Король устал чувствовать себя обязанным, а теперь если случится чудо и он победит, то будет сам себе хозяин. Хотя куда больше шансов, что сын Шарля проиграет и погибнет. И вместе с ним единственный сын Мальвани и его друг.

Анри не видел Александра Эстре. Тот хотел навестить маршала, но брат не позволил, так что в памяти Анри Сандер по-прежнему оставался серьезным сероглазым подростком, которого маршал встречал во Фло. По словам сына, младший из Тагэре вырос настоящим человеком и отменным воином. Обен и Евгений считают мальчика надеждой Арции, а эти двое редко ошибаются. В теперешней заварухе кардинал встал на сторону Тагэре. Обен выжидает, но его внуки с Александром. И сын Гартажа, и молодые Кресси, и наследник Ландеев... Сыновья уходят в бой. В прямом и переносном смысле. Жозеф, Агнеса, Джакомо, даже они с Раулем, даже Филипп со своими обидами и амбициями, все они всего лишь настоящее, которое вскоре станет прошлым. А будущее, то, за которое он дрался на Бетокском поле, принадлежит «волчатам», только бы они пережили свою первую войну.

Сердце маршала рвалось в Арцию, но Анри давно научился держать себя в руках. Его появление там делу не поможет. Наоборот. Филипп или не поверит в его искренность, или взревнует и начнет делать глупости. Сезар с Александром... Эти будут надеяться на голову маршала и его опыт. Но молодым лучше знать, что рассчитывать можно лишь на себя. Именно так становятся вождями, а Александр, если Обен и Евгений правы, должен почувствовать собственные крылья. Да и Рауль вряд ли принимает мальчишек всерьез, это можно и нужно использовать.

Нет, он не должен ехать. Обен и Евгений тоже советуют ему остаться в Оргонде. Его дело Паук. Этой весной Ифрана должна забыть об Арции. И она забудет.

2884 год от В.И.

28-й день месяца Сирены.

Арция. Мунт

Жаклин вздрогнула, торопливо засунула карты между пасмами ниток и, одернув платье, повернулась к двери. Нет, показалось... Младшая дочь Рауля ре Фло и супруга наследника престола перевела дух и присела у столика для рукоделья, не решаясь вновь взяться за богопротивное дело. Собственно говоря, гадать принцессе Гаэльзской было незачем, ее судьба и так была predetermined. Не ей, мечтательной и застенчивой, было противиться решению отца. Жаклин помнила торопливые сборы, безумную ночную скачку, короткую схватку в темноте с какими-то людьми, лязг якорных цепей, качку, соленый морской ветер, чужой дворец... Она ничего не понимала и не пыталась понять. Отец решил, им с мамой и сестрой оставалось повиноваться, хотя она никогда не хотела ни шумной и пышной придворной жизни, ни королевского венца.

В чем-то младшая дочь великого Рауля пошла в двоюродную бабу, но если Марион всем навязывала свою ворожбу и якобы чародейные отвары, Жаклин тщательно скрывала свое увлечение. И дело было отнюдь не в том, что Церковь этого не одобряла. Лина боялась насмешек и глупых вопросов, на которые никогда не умела отвечать. Достаточно было повысить голос или неловко пошутить, чтобы светло-карие глаза Жаклин наполнялись слезами и она, закрыв лицо руками, забивалась в какой-нибудь отдаленный уголок.

Отца раздражало, что его дочь ведет себя как какая-то мимоза, но поделать с этим он ничего не мог. Лина продолжала, надо и не надо, дрожать и плакать. Пожалуй, единственным, кто ни разу не довел ее до слез, был кузен Александр. Вообще-то он приходился ей двоюродным дядей, но был младше на два года. Само собой, она увидела в появившемся во Фло темноволосом горбуне младшего братика. Испытавший на себе, каковы чужие насмешки, тот старался не задевать чужих мозолей. Через пару лет Сандер стал другом Жаклин и поверенным всех ее немудреных тайн. Знал он и про пристрастие девушки к гаданиям и книгам. Пере-

читавшая все сентиментальные сказания, Лина вечно воображала себя красавицей, встретившей ночью в лесу прекрасного незнакомца или спасенной из морских вод юным рыбаком, на поверку оказавшимся сыном герцога.

Жаклин и сама сочиняла баллады и песни. Когда Александр жил с ними, она показывала ему тоненькую, переплетенную в розовый шелк тетрадь. Младший из Тагэре никогда не смеялся и даже помогал ей найти нужную рифму, что у него получалось просто замечательно. Потом братья короля покинули Фло, через четыре года Жоффруа вернулся и стал мужем Изо, но это совсем не походило на балладу. Впрочем, ее собственное замужество было еще хуже. Жаклин не могла без содрогания вспоминать, как ее, одетую в тяжелое, расшитое жемчугами платье, с нестерпимо затянутыми волосами, поставили перед злой носатой дамой в ярко-красном. У дамы на верхней губе росли самые настоящие усики, и она была бывшей королевой Арции, убившей прадеда, деда, герцога Шарля и Эдмона. Десять лет назад золотоволосый юноша не заметил пугливую одиннадцатилетнюю девочку, уехал и погиб.

Смерть Эдмона Тагэре Лина переживала сильнее, чем смерть деда и прадеда, хотя об этом никто не знал, даже Александр. Потом боль утихла, но образ юного рыцаря навек поселился в девических грезах, беспощадно растоптанных отцовским приказом. Она стала женой ничтожного Филиппа Лумэна, еще более слабого, глупого и нелепого, чем она сама. Длинный и нескладный, супруг был на пару месяцев младше Сандера и не годился даже в друзья. С помощью дворцовых медиков брак все же состоялся, но радости это не принесло никому. Да еще Агнеса не отпускает сына от себя, боится, что жена его подчинит. Жаклин невесело улыбнулась. Пожалуй, подчинить Филиппа под силу даже ей. Нет, она не ненавидела мужа, она его жалела. Принц Гаэльзский был добрым, читал те же книги, что и она, пытался думать, но он не был рыцарем, а стихи она писала лучше. Только об этом никто не знал. А Филипп показывает ей такие вирши, над которыми можно только смеяться, и она бы смеялась, если бы не понимала, как будет обидно этому несчастному кузнечнику...

Дочь Короля Королей с тоской оглянулась. Если все пойдет, как задумал Рауль, ее муж после смерти своего смешного толстого отца станет королем, а она королевой... Но король не может быть таким нелепым. Жаклин помнила герцога Тагэре, въехавшего во двор их замка на сером в яблоках иноходце. Когда она увидела его впервые, то ничего не знала. И все равно поняла, что светловолосый всадник в синем – самый главный. Даже главнее прадедушки. Да и книг она прочла достаточно, чтобы оценить королей и героев прошлого. Нет, из Филиппа Лумэна ничего путного не получится. Править будет ее отец, а они будут куклами на троне. Молодая женщина вздохнула. Похоже, к ней никто не войдет, а напугавший ее шорох мог быть вызван чем угодно. Жаклин воровато оглянулась и потянулась за некогда найденными Александром картами, но вытащить их не успела. Дверь распахнулась, и Король Королей стремительно пошел к дочери. За его спиной мелькнула красная физиономия Жоффруа и всклокоченная шевелюра Филиппа.

– Сигнора, – при людях отец и вправду держался с ней как с супругой наследника трона, – попрошу вас пройти с нами в зал Совета. Случилось неожиданное. Филипп Тагэре высадился в Арции.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ EXCIDAT ILLA DIES⁶⁴

*Гражданская война, гражданская война.
Где жизни грош цена и Богу грош цена,
Где ждать напрасный труд счастливых перемен,
Где пленных не берут и не сдаются в плен.
Гражданская война, гражданская война.
Земля у всех одна и жизнь у всех одна.
А пулю, что летит, не повернуть назад –
Ты думал, враг убит, а оказалось – брат.
И кровь не смоешь впредь с дрожащих рук своих,
И легче умереть, чем убивать других.
Гражданская война, гражданская война.
Будь проклята она, будь проклята она!*

А. Городницкий

2885 год от В.И.

12-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Это была Арция, и сердце Александра пело от счастья, хотя, говоря по правде, радоваться особенно было нечему. Но чувство, что он снова дома, вытеснило даже сомнения, которые мучили герцога Эстре всю зиму. Сандер обожал Филиппа, но он не был слепым, а ежедневное созерцание Вилльо и Гризье вызывало желание схватиться если не за меч, то за палку. Если бы не сговор Рауля с Жозефом и Агнесой, Александру было б трудно пойти против человека если и не заменившего ему отца, то забравшего его из Эльты и воспитавшего в собственном доме.

Союз с извечными врагами Арции и то, что сила на стороне Короля Королей и ифранки, как ни странно, придавали Сандеру уверенности. Слабый, бросивший вызов сильному, достоин уважения, даже если не совсем прав. А они правы или почти правы. Жозеф был, есть и останется самым страшным из осязаемых врагов Арции. Дальше герцог Эстре старался не загадывать, хотя в мозгу то и дело всплывали вопросы, ответа на которые он не находил. Александра учили не только владеть мечом, но и думать. Слишком многое из того, с чем он сталкивался, не поддавалось разумному объяснению, а младший из Тагэре ужасно не любил того, чего нельзя понять. Но все это потом. После войны.

Кони ровно бежали по широкому тракту, светило еще нежаркое солнце, зеленели поля, и отчего-то не верилось, что через кварту или две на каком-то поле множество людей примутся убивать друг друга. Филипп написал Жоффруа, может быть, удастся договориться и с Раулем, вместе с ним изгнать из Арции Агнесу с ифранцами и эскотскими наемниками, а потом отбросить старые обиды и непонимание и заняться делом. Конечно, Вилльо нужно удалить, без этого мира в стране не будет. Хорошо бы Элла это тоже поняла...

– Монсигнор! – Герцог Эстре до сих пор не привык к такому обращению, внешне он не показывал виду, но в глубине души ему все еще мерещились насмешки.

– В чем дело?

– Монсигнор, вас требует Его Величество.

Сандер нашел брата на вершине довольно большого хол-ма. Разумеется, рядом с Филиппом вертелись родственнички. Александр мысленно чертыхнулся и подъехал к королю, который коротко ему кивнул, продолжая вглядываться в даль. Послышался топот копыт, и Сандер

⁶⁴ Будь проклят тот день (лат.).

с облегчением узнал Сезара, незаметно взвалившего на себя в этом походе должность начальника разведки. Вообще-то это было дело графа Ревы, но братец Элеоноры в прошлом году чуть было не проспал все на свете, и Мальвани, все еще не принимая от Филиппа никакой должности, взялся доделывать недоделанное. Фернан бесился, но терпел.

Конь Сезара легко поднялся по пологому склону. Его Величество приветливо кивнул сыну маршала Анри.

– Ну что там?

– То же, что и на карте, – махнул рукой Мальвани, – слева лес, за ним – трясины. На первый взгляд непроходимые, но готов поклясться, что тропки есть, и местные их знают. Справа тоже лес и прорва мелких оврагов, не развернуться...

– А впереди до самой Лаги и дальше к Мунту сплошные поля, – наморщил брови король. – Что ж, будем ждать здесь, как и собирались. Этот холм нужно укрепить.

Задумку брата Александр знал, и нельзя сказать, что она ему вовсе не нравилась. Тар-Игона лежала как раз на полпути между побережьем и Мунтом и как нельзя лучше подходила для маленькой армии, собиравшейся дать большой бой. Два безлесных холма (ближний к морю повыше и покруче) были разделены лугом, достаточно широким, чтобы на нем могла разместиться кавалерия. Справа к главенствующей высоте примыкала невысокая гряда, перерезанная оврагами и заросшая мелкоколесьем и густым колючим кустарником, через который впору проламываться разве что кабанам, слева за полосой кустарников начинались непролазные топи, тянущиеся до самой Босхи. Закрепившись на высоком холме, обороняющиеся могли успешно отбиваться от многократно превосходящего по силам противника, что и собирался делать Филипп, рассчитывая на подкрепления, глупость Агнесы и жадность ее эскотских наемников.

План был отличным, но Сандер в глубине души не верил, что он сработает. Против них была не только Дыня, но и Рауль ре Фло, сражавшийся бок о бок с Шарлем Тагэре и Анри Мальвани. Кузен не мог не заметить то, что заметил Филипп, которого сам же и учил. Если честно, Александр был уверен, что они не дойдут до Тар-Игоны. На месте Рауля он бы их подстерег за Меловым проходом и фланговыми ударами между холмами сбросил в тянущийся вдоль тракта на несколько вес каньон. Младший из Тагэре чуть ли не воочию представлял, как на ползущую вдоль обрыва армию из-за холмов вылетает тяжелая конница, однако своими страхами не делился ни с братом, ни с Сезаром. С одной стороны, потому, что опасался: его поднимут на смех, с другой, из-за суеверной боязни, что произнесенное слово становится реальностью. И совершенно правильно, что промолчал.

Тагэре спасла скорость. Отто и Жозе превзошли самих себя, доставив Филиппа и его рыцарей в назначенное место на два дня раньше срока. Их никто не заметил. Разумеется, когда они выступили в поход, тайна перестала быть тайной, армия, пусть и небольшая, не иголка. Но пока о высадке станет известно в Мунте, пока Рауль примет меры, у них есть почти кварта.

Филипп благополучно прошел краем Белого каньона и вышел на избранную позицию.

2885 год от В.И.

16-й день месяца Агнца.

Арция. Ро-Даннэ

Дени Гретье хмуро смотрел вперед. Никогда еще ветерану жизнь не казалась такой мерзкой. Даже когда он пришел в себя недалеко от Груоки и пополз на запах дыма и собачий лай, понимая, что сражение проиграно, а Шарль Тагэре и барон Валлок, скорее всего, мертвы, Дени не было так плохо. Тогда оставалась месть, и было ясно, кто враг и кто друг, теперь же Рауль ре Фло, за которого Гретье был готов трижды умереть, спутался с проклятой Агнесой и даже отдал ее отродью Жаклин. Да еще этот Ларрэн... Даже странно, что этот краснолицый здоровяк

– сын Тагэре и его собственный ученик! А вот Филипп, с которым они плечом к плечу стояли на Бетокском поле – теперь враг, и малыш Сандер, оставшийся со старшим братом, – тоже.

Дени любил горбатого мальчишку так, как воин может любить сына погибшего сюзерена и к тому же своего ученика. Когда Рауль и Филипп окончательно рассорились и король приказал младшим братьям покинуть Фло, Дени изо всех сил делал вид, что ничего страшного не случилось, а вот Сандер, похоже, уже тогда что-то предчувствовал.

За Жоффруа и Александром приехал Гастон Койла, отказавшийся даже слезть с коня. Тагэре покидали Фло второпях, как покидают дом врага. Все, но не Александр, заставивший себя прождать чуть ли не ору. Лишь попрощавшись со всеми, начиная с родичей и кончая привратником, младший из Тагэре занял причитающееся ему место во главе отряда. Дени наблюдал с башни, как они выехали на дорогу, как Александр оглянулся и трижды вздыбил коня... Сердце капитана сжалось от нехорошего предчувствия. И вот не прошло и трех лет, как Арция докатилась до войны. Гретье не сомневался, что Филипп обречен. Александр брата не оставит, это ясно, а что прикажете делать ему, Дени Гретье, присягнувшему на верность Королю Королей и воспитавшему Волчонка Тагэре?!

2885 год от В.И.

18-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Вечерело, буки и клены Игонского леса уже начали сливаться в темную высокую стену, но света еще хватало, чтобы рассмотреть покрытый невысокой весенней травой луг, стоящую на холме мельницу, край болота, прозванного Бекасым. У самых топей рос одинокий бук, чей гладкий серебристый ствол в черных пятнах, напоминавших вырезанные влюбленным безумцем сердца, казался металлической колонной. Трудно было предположить, что в его уже достаточно густой зелени может скрываться кто-нибудь, кроме птиц или, в крайнем случае, белки, но в этот вечер дерево дало приют эльфу. Гибкий и ловкий, он оседлал одну из ветвей и, прислонившись спиной к стволу, внимательно смотрел вниз. Ни сгущающиеся сумерки, ни расстояние не мешали ему рассматривать всадников, ехавших вдоль опушки.

Высокий белый жеребец гордо нес широкоплечего человека, на светлых волосах которого лежал тоненький золотой обруч. Конь о конь с ним ехал темноволосый юноша, на плечи которого, несмотря на теплый вечер, был накинута плотный плащ. Остальные отстали на пару конских корпусов, видимо, не желая мешать разговору. Похоже, свита состояла отнюдь не из друзей и единомышленников. Затаившийся на дереве соглядатай заметил, что четверка самых нарядных рыцарей держалась особняком от остальных, а еще семеро оживленно разговаривали, делая вид, что они здесь одни.

Кавалькада проследовала от болота до леса, развернулась и поехала вдоль опушки. Эльф следил за всадниками, пока те не скрылись из виду, затем, легко соскользнув по стволу на землю, углубился в лес. Он увидел то, что хотел. Король Арции Филипп Тагэре объезжал поле будущего сражения, которое разразится на этих холмах, как только подойдут войска Короля Королей. Тагэре настроен на драку, и, похоже, его ближайшим советником является младший брат, а родичи королевы чувствуют себя неуютно. Интересно, почему? Потому, что Филипп ими недоволен, или потому, что боятся предстоящей драки?

Вчера утром разведчик видел армию Рауля, она была многочисленнее войска Тагэре, да и сам Король Королей был куда опытнее Филиппа, а о юнце Александре и говорить не приходится. Да, ре Фло узнал о высадке братьев Тагэре с опозданием, но это ничего не меняло. Граф сразу понял, что и как ему следует делать. Если не произойдет чуда, король обречен, а вместе с ним и дело Тагэре. Допустить этого нельзя, предотвратить трудно...

Клэр задумался, пытаясь представить, что бы сделал на его месте Роман. Разумеется, он предупредит Филиппа об опасности, но это ничего не меняет. Неужели ему, эльфу-разведчику,

придется пролить кровь человека, с которым они с Рамиэрлем сражались плечом к плечу на Бетокском поле? Убить полководца во время битвы – значит дать шанс его противникам... Пошел бы на это Рамиэрль? Смог бы, прикрывшись магией, ударить в спину ничего не подозревающего человека, с оружием в руках защищающего то, что кажется ему истиной?

Распря между ре Фло и Тагэре на руку врагам Тарры. А победа Лумэнов и воцарение бастарда, в котором нет ни капли крови Арроев, нанесет страшный удар защитникам этого мира. Но откуда знать об этом Раулю, оскорбленному Филиппом, который и в самом деле сотворил все мыслимые и немыслимые глупости? Король Королей должен умереть, чтобы жила Тарра, и убить его, кроме него, Клэра, некому. Значит, он сделает это. Если сможет... Должен смочь!

2885 год от В.И.

Вечер 18-го дня месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

В королевской палатке, которая ни в коем случае не соответствовала своему высокому назначению, было тесно. Филипп в расстегнутом камзоле примостился на единственном раскладном кресле. Сандер, Сезар Мальвани и старший брат королевы сидели на узкой походной койке, а граф Гартаж, барон Кресси и командир оргондских и дарнийских наемников и вовсе разместились на покрытой кошмой земле. Настроение у всех, кроме, может быть, дарнийца, приближалось к похоронному. Да и было с чего.

Рауль ре Фло не допустил просчета, хоть поступил и не так, как боялся Александр. Объединенная армия вышла из Мунта через Морские ворота, но за Лагой войско разделилось на две части. Агнеса продолжала движение к Тар-Игоне. А Рауль свернул на Старый тракт и ускоренным маршем шел к Меловому проходу. Он не собирался штурмовать замечательные позиции Филиппа, а намеревался выйти тому в тыл. Доставивший это известие воин под покровом ночи покинул армию Агнесы и, загоня коней, добрался до Тар-Игоны, опередив ифранку на кварту, а Короля Королей на три дня. Верить в такое не хотелось, не верить было нельзя.

Король обвел глазами своих сподвижников, помолчал, вновь взгляделся в каждое лицо.

– Здесь Рауль будет через три дня. Рыцарей у него тысяч десять, стрелков не меньше двенадцати, наемников три тысячи. Ополченцев с собой ре Фло не взял. Арцийцы не горят желанием умирать за желтые нарциссы.

– Это радует, – сухо заметил граф Ревии, – но умирать придется нам, а не им. Ре Фло выигрывал сражения даже будучи в меньшинстве, а на этот раз на нашего одного придется трое.

– Меньше, – поправил шурина король, – лучников у нас девять тысяч против их двенадцати, добавь к ним эльтских конных стрелков, и силы почти сравняются.

– Ничего не выйдет, – Ревии пожал плечами, и Александру захотелось его ударить, – лучше отойти...

– Куда? Навстречу Агнесе?! Самим залезть между молотом и наковальней? – возмутился Гартаж.

– Лучше было бы остаться в Оргонде, – понурился Гастон.

Ревии на сей раз промолчал, но было видно, что графу ужасно хочется оказаться под крылышком у Марка.

– Кто еще хочет высказаться? – рассматривая свои руки, спросил Филипп.

Сандер слушал и смотрел на брата и его советников. Он не считал себя умнее других. Скорее, наоборот. Ему было страшно оттого, что решение лежало на поверхности. Простое решение, такое простое, что герцог Эстре не сомневался, что в его расчеты вкралась ошибка. Ну, не может быть, чтобы он, двадцатидвухлетний, не побывавший ни в одной битве (дуэли и турниры не в счет) додумался до того, что не пришло в голову его обожаемому брату и всем этим опытным воинам.

В палатке повисла напряженная тишина, и Александру казалось, что он слышит стук собственного сердца. Он боялся, что Реву в очередной раз поднимет его на смех, и боялся промолчать, потому что в глазах Филиппа застыло что-то близкое к отчаянию.

– Кто хочет сказать? – король поочередно останавливал взгляд на каждом, и все, даже Гартаж, опускали глаза.

– Господин Игельберг, вы столько воевали, что вы скажете?

Командир наемников пожевал губами и веско сказал по-арцийски:

– Я получал свои деньги за то, чтоб драться, и я всегда делал хорошую, смелую драку. Но я не получал свои деньги, чтоб думать. Если б я знал, как побеждать, я бы водил армию и носил корону. Но у нас есть правило. Перед боем все собирался и говорил. Первый говорит младший, последний – старший. И никто не спорит, пока старший не спросит.

– Мудро, – губы Филиппа искажала кривая усмешка, – что ж, последуем примеру наших дарнийских друзей. Александр, что нам делать?

Сердце подпрыгнуло к горлу, а потом ухнуло назад и отчаянно затрепыхалось. Александр мысленно просчитал до десяти и четко произнес:

– Мы не можем оставаться здесь и ждать, когда Рауль выйдет нам в тыл. Мы не можем от него бежать, потому что налетим на Агнесу. Но она будет у Тар-Игоны не раньше чем через кварту. За это время нужно разбить Рауля и вернуться на подготовленные позиции.

В палатке наступила тишина, которую нарушала разве что радующаяся весне и теплу муха. Первым пришел в себя Реву, во всеуслышанье объявивший, что герцог Эстре сошел с ума. Вторым подал голос командир наемников:

– Молодой монсигнор имеет на плечи разумный голова. Когда не есть можно делать что можно, надо делать что нельзя. Молодой монсигнор думать, где и как мы имеем первая битва?

– Да, – подтвердил обрадованный неожиданной поддержкой Александр, – у Мелового прохода.

– Это хорошая позиция, – согласился Гартаж, – но мы не успеем ее занять. Рауль будет там завтра к вечеру, а мы в лучшем случае через два дня.

– Я... Если мне дадут тысячу человек и две тысячи лошадей, мы будем там раньше. Два дня мы продержимся.

– Сандер! – В глазах Филиппа сверкнула молния. – Клянусь Проклятым! Так и только так!

2885 год от В.И.

Вечер 18-го дня месяца Агнца.

Арция. Старая Морская дорога

Рауль ре Фло не сомневался в победе и именно поэтому не находил себе места. Да, король предал первым, связавшись с выскочками и ублюдками. Воистину, что стоит услуга уже оказанная... Рауль надел корону на красивую голову Филиппа, а этот щенок решил, что может рычать по-медвежьи! Да сама святая Циала не осудит графа ре Фло, ближайшего друга и сподвижника покойного Шарло Тагэре, за то, что он не удалился в родовые владения доживать свой век, с тоской вспоминая былые подвиги, а показал паршивцу, кто истинный хозяин Арции! Но притворное дружелюбие Жозефа, непомерное честолюбие Агнесы, откровенная слабость обоих зятьев, которым нет дела ни до Арции, ни до собственных жен... Проклятый! Кто ж виноват, что из уцелевших детей Шарло и Эсты красота и обаяние достались Филиппу, честь и ум – Александру, а бедняга Ларрэн больше похож на лакейское отродье, чем на сына великого герцога? Жаль, Эдмон погиб вместе с отцом и дядей, юноша был истинным Тагэре, а Жаклин... Да что теперь об этом!

Король Королей постарался сосредоточиться на предстоящем бое. Он всегда подходил к сражениям, даже если речь шла о заведомо слабейшем противнике, с тщанием. Береженого

и судьба бережет. Сомнительно, конечно, что Его Величество преподнесет ему какой-то сюрприз, но зачем класть лишних людей? Для Филиппа лучше всего погибнуть в битве. Это хорошая смерть, и он, Рауль, даст ему такую возможность хотя бы в память о Шарло и их прежней дружбе.

Ре Фло помнил, как Агнеса заставила его стоять перед ней на коленях, и это при том, что было известно: за покаянием начнется торг и обе стороны придут к соглашению. Представить, что устроит мстительная ведьма, окажись у нее в руках король Тагэре, воображения Рауля не хватало. Идти против нее пока рано. Нужно успокоить страну, выдворить назад наемников, нужно, чтоб у Жаклин родился сын... Но и отдавать на растерзание мальчишек, которые росли у него на глазах, ре Фло не мог. Пусть Филипп погибнет быстро и со славой. Гартаж, Трюэли и Малве нужны ему живыми, восстанавливать против себя их кланы опасно, а Сезар дружен не столько с Филиппом, сколько с Александром.

К горбуну Король Королей всегда питал некоторую слабость, после истории с пленением Филиппа превратившуюся в уважение. Пока Филипп жив, Сандер будет ему верен, но потом... Эстре нужно оттеснить от брата и захватить, по возможности тихо. Лучше ранить, пусть проваляется в постели месяц-другой, пока все закончится. Они должны понять друг друга! Должны, потому что если в ком-то, кроме него самого, еще бьется сердце Арции, то это в горбатом заморыше. Хотя какой он к Проклятому заморыш, если свалил Мулана и в одиночку вытащил брата из ловушки!

В последнее время Рауля все чаще посещали мысли о смерти, о том, что, умри он сейчас, Арцию раздерут на куски. Агнеса, несмотря на ослиное упрямство и умение интриговать, – дура, причем дура чужая и злая, ее сын – жалкий цыпленок, Пьер – безумец, Ларрэн – ничтожество, а его сын – младенец. Нет никого, кто смог бы удержать в узде ошалевшую от боли страну. А Сандер сможет! Не сейчас, конечно, лет через десять, и поэтому парня нужно сохранить во что бы то ни стало, хотя он наверняка сотворит все возможные глупости, свойственные его возрасту и его породе.

Проклятый! Подвернулась же Филиппу эта добродетельная шлюха! Без Вилльо он еще мог стать дельным королем, даже после смерти тестя, но при этой стае крыс...

2885 год от В.И.

Ночь с 18-го на 19-й день месяца Агница.

Тар-Игона

– Я не отпущу тебя. Ты мне нужен живым, – глаза Филиппа метали молнии, но брата это не впечатлило.

– Я должен идти, Филипп. И я пойду.

– Кому и что ты, во имя Проклятого, должен?! – возопил король. – Я запрещаю тебе. Как король и как глава семьи!

– Ты мне не можешь запретить.

От такой наглости Филипп опешил, а Александр, как ни в чем не бывало, добавил:

– Это придумал я, значит, исполнить должен тоже я. Я – вице-маршал Арции, и я Тагэре. Место короля во главе всей армии, тобой рисковать нельзя. Жоффруа еще не пришел, и неизвестно, придет ли...

– Кто про него говорит, – махнул рукой Филипп, – но есть Гартаж, Кресси, Малве, в конце концов...

– Они не Тагэре, брат. Мы не можем заставлять других умирать за свои ошибки и за себя. В конце концов, не Арция для Тагэре, а Тагэре для Арции. Отец велел мне это запомнить.

– И ты запомнил, даже слишком крепко, – скрипнул зубами Филипп, – что ж, иди. Но если тебя убьют, на глаза мне не попадайся!

– Постараюсь вернуться и сохранить всех, кого смогу.

2885 год от В.И.

19-й день месяца Агнца.

Арция. Меловой проход

Арно Шада дал последние наставления супруге и, кряхтя, взобрался в седло. На войну, так на войну. Бароны, а затем графы Шада всегда были верны Арроям, и, как бы ни болела спина, пожалуйста, сударь, в седло и вперед. Внукам еще рано водить за собой дружины, зять и старший сын лежат в Бетокской земле, а младший – без правой руки. Альбер рвется в бой, но ему нельзя. Он последний... Арно, набычась оглядел домочадцев.

– Что смотрите, словно вас не кормят? А?!

– Все в порядке, отец, – откликнулся Альбер, – возвращайся.

– Куда я денусь, – буркнул гигант и тронул поводья.

Они собрались споро, до Тар-Игоны около двух дней пути, а Лумэны приползут не раньше чем через кварту, но Арно любил приходить пораньше. «Лучше я подожду врага, чем он меня ждать не будет», – любил повторять еще дед графа, и внук усвоил эту премудрость в полной мере. Войско Шады: пятьсот конников и тысяча пеших стрелков, все сытые и добротнo одетые, не то чтобы рвались в поход, но намеревались сделать свое дело как можно лучше. Время было, и граф не собирался загонять ни людей, ни лошадей. Сделав пять вес, остановились перекусить у западной оконечности Кабаньего.

Арно как раз заканчивал обглаживать зажаренную под руководством старшей невестки курицу, когда запыхавшийся аюдант доложил:

– Сигнор Арно! Герцог Эстре!

– С ума сошел? – участливо поинтересовался гигант.

– Тут он, сигнор, – упавшим голосом повторил аюдант, – он и тысяча воинов.

Арно хотел что-то сказать, но не успел, воззрившись на юного темноволосого всадника. Шада не знал в лицо младшего из братьев Тагэре, но такие глаза могли быть лишь у сына Шарля.

Старый вояка решительно отложил курицу.

– Монсигнор, счастлив вас видеть, хоть и не ожидал.

– Уверяю вас, граф, – юноша улыбнулся отцовской улыбкой, – что я счастлив видеть вас во сто крат сильнее.

– Что-то случилось?

– Рауль ре Фло будет завтра у Мелового прохода. Мы должны его задержать.

2885 год от В.И.

Ночь с 20-го на 21-й день месяца Агнца.

Мирия. Кер-Эрасти

Сандангу в Мирии всегда ждали с нетерпением. Два дня и две ночи танцев, смеха, тайных поцелуев, петушиных боев, байлы и, конечно же, Большого Танца. Главная площадь города украшалась цветами, на высоком помосте, увитом гирляндами, располагались музыканты, напротив строилась легкая галерея для герцога и его свиты. Когда заканчивался жаркий весенний день и вечерний ветер приносил свежий запах моря и цветущего жасмина, вспыхивало множество факелов, заливая площадь живым, жарким светом. Музыканты брались за инструменты, и начиналась самая безумная ночь в году.

В старые годы первый танец принадлежал герцогу и герцогине, к которым постепенно присоединялись сначала аристократы, а потом и простонародье. В старые годы в Мирии умели и любили веселиться, не считая радость грехом. Увы, теперь Санданга с каждым разом становилась все сдержанней. Герцог Энрике и герцогиня Эвфразия еще выходили к подданным, но веселья это не добавляло. Напротив, под взглядом худой, закутанной в белое герцогини радо-

ваться жизни не хотелось. Люди угрюмо жались по краям площади, а музыканты честно играли танец за танцем, пока супруга монсигнора не поднималась с места, но лишь для того, чтобы покинуть площадь. Следом уходили герцог и те из нобилей, что не желали навлекать на себя гнев Господень. Только после этого кто-то особенно смелый, или пьяный, высказывал на вылизанную площадь, подавая сигнал к веселью, которое и в подметки не годилось тому, что было при отце герцога Энрике. В те поры рассвет встречали в танце, сейчас расходились задолго до восхода, предпочитая берег моря или все еще многочисленные таверны городской площади. Поговаривали, что циалянки на исповеди выпрашивают имена самых ретивых танцоров и певцов, не говоря уж о байланте. Да, Санданга в Мирии переставала быть праздником.

Хосе Рафаэль Николас Мартинес Кэрна ре Вальдец затянул на талии алый шелковый шарф и засунул за него нож, с которым не расставался с пятнадцати лет. В ночь Санданги молодые нобили одеваются как байланте. В нынешние времена, правда, на такое мало кто отважится, но это их трудности. Он мириец, а не монах, и скорее перестанет быть первым, чем станет вторым.

Рито отсалютовал своему отражению и выскочил из комнаты, чтобы присоединиться к отцу. Так и есть. Двор вырядился не для праздника, а для похорон! Тяжелые закрытые платья женщин, нарочито строгие одеяния мужчин, ни тебе ярких платков, ни цветов и лент, подаренных возлюбленными. Наследник герцога Энрике обвел глазами собравшихся. Тоска! Только Рената Ллуэва рискнула одеться не как капустаница, а как мирийская ноблеска. Роскошные черные волосы маркизы украшали цветы магнолии, еще один цветок был приколот к корсажу кружевного черного платья, подол которого был заколот, позволяя видеть пену алых нижних юбок и узкую ножку в изящной туфельке. И так немисливо красивая, сегодня Рено была особенно хороша, глаза блестели, на смуглых щеках пылал румянец, похожий на отблеск заходящего солнца, в изгибе крупного чувственного рта таился вызов. Женщина слегка поигрывала веером и громко смеялась, но Рафаэль знал возлюбленную отца не первый год. Рено что-то затевала, что-то отчаянное, ее веселость была не то чтобы наигранной, но какой-то излишне резкой. Рито знал это настроение, приходившее к нему перед сложной байлой, но что задумала эта дикая кошка?!

Рафаэль восхищался Ренатой, чуть ли не открыто дарившей свою любовь герцогу и не боящейся никого и ничего. Любовница Энрике и его сын выступали плечом к плечу против ненавистной капустаницы и, как могли, защищали Даро. Рафаэль отыскал сестру, чинно сидящую в уродливом белом платье между матерью и наставницей, но невероятную красоту девушки не могли погасить ни почти монашеская одежда, ни испуганный взгляд. И такую запретить в монастыре среди старых кочерыжек?! Последнее время Рито все сильнее склонялся к тому, что из Мирии нужно бежать. Если бы в Даро была хотя бы искра того огня, что пылает в Рено! Но в их семье, похоже, все непокорство досталось ему. Рафаэль любил сестру в той же степени, что ненавидел Дафну. Его трясло от мысли, что малявка окажется в руках этой тухлой рыбины, про которую рассказывают всякое. Магия магией, но несколько юных цветочниц пропали вскоре после того, как их заприметила проклятая капустаница. На мужчин она не смотрит, но вот на женщин... А красота Даро закружит голову кому угодно.

Вскрикнула скрипка, ей ответила труба, дробно ударили кастаньеты. Санданга началась. Музыканты старались вовсю, простолюдины, толпившиеся по краям площади, не выдерживали, притопывая в такт бравурной музыке, но на герцогской галерее было чинно и скучно, как в храме или на кладбище. Мелодия яркая, солнечная, живая кричала о радости и любви, но не могла докричаться. Нет! Докричалась!

Стройная фигура легко сбежала вниз. Рената Ллуэва вскинула обнаженные руки и, играя веером, пошла выбивать дробь высокими каблучками. Проклятый! Неужели он позволит женщине оказаться смелее всех?! Рито стремительно перебросил тренированное тело через перила и, заведя руки за спину и слегка выставив вперед плечо, пошел навстречу Рено, высекая под-

кованными каблуками искры из булыжников. Они встретились точно посередине площади. Музыканты, похоже, сошли с ума от такого чуда, мелодия стала вовсе неистойвой, и любовница и наследник герцога Мирийского понеслись в бешеном танце под восторженные вопли жителей столицы.

Рено славилась своей грацией, а Рито превзошел лучших байланте. Они творили немыслимое, и когда танец дошел до высшей точки, Рафаэль звонко выкрикнул «добле», призывая вторую пару присоединиться к ним. Он не ожидал, что откликнется именно отец, но любовь к Рено и ее неистовая красота сделали Энрике смелым. Герцог точным, сильным движением перелетел через увитую цветами ограду и оказался между сыном и возлюбленной. Когда-то Энрике Янтарные Глаза слыл первым танцором Мирии, и Рито понял, что не зря. С восторгом глядя на отца и Рено, Рафаэль чувствовал, что и за его спиной вырастают крылья. Сегодня было можно все.

Даже то, что нельзя! Рито обернулся и поймал робкую улыбку сестры. Этого было довольно, юноша бросился к Даро и, схватив ее за руку, потащил на середину площади. Конечно, девочке в тяжеленном белом платье пришлось непросто, но все Кэрна рождались отменными танцорами. Даро пару раз ошиблась, но потом попала в ритм, и они вместе с отцом и Рено понеслись в стремительной кадене⁶⁵.

Прическа Даро развалилась. Белая вуаль упала и была безжалостно затоптана, кудри грозным облаком рассыпались по плечам, лицо раздурманилось, глаза сияли. Брат и сестра шли друг другу навстречу. Останавливались, вскидывая руки, отступали, менялись местами, поворачивались ко второй паре, кто-то из четырех выходил в центр и под бешеные хлопки остальных танцоров и всей площади плясал один. Затем его сменял другой, и так до бесконечности. Это было чудом, огромной, всепоглощающей радостью, переполнившей душу. В этот миг Рито Кэрна любил все и всех, от звезд в темном небе до последней травинки, ненависть, сомнения, обиды, все было сметено музыкой и танцем. Рафаэль был счастлив, счастливы были и его отец с Рено и даже Даро...

2885 год от В.И.

Ночь с 20-го на 21-й день месяца Агница.

Арция. Меловой проход

Плох тот воин, который ведет себя так, словно он бессмертен, но тот, кто заранее себя хоронит, – безнадёжен.

Александр понимал, что в бою, на который он решился, полягут многие, что противостоит им лучший полководец Арции, на стороне которого перевес в людской силе, опыт и уверенность в себе, но это отчего-то не пугало. Больше всего герцог Эстре боялся не справиться. Он не мог подвести брата, у которого, кроме него, не осталось почти никого. Сандер не задавался вопросом, как бы он поступил, будь все наоборот. Сейчас в отчаянном, если не безнадёжном положении был Филипп, и это отметало все сомнения в его правоте.

Сандер с Сезаром видели лагерь Короля Королей за Проходом; ре Фло не ожидал подвоха, так что неожиданность будет на их стороне. Конечно, Меловой не непроходимый перевал и даже не позиция у Игонского леса, которую выбрал Филипп, но это лучше, чем ничего. Теперь остается выстоять до подхода основных сил, а затем умело отступить, заставив противника броситься в погоню и растянуться вдоль каньона, подставив себя под фланговый удар из-за холмов. Поверит ли Рауль в их бегство? Да что загадывать, сначала нужно продержаться хотя бы два дня, быстрее брат не подойдет, разве что летать научиться.

Младший из Тагэре глянул на небо, прикидывая, которая ора. Над головой ярко светило созвездие Волка, значит, до рассвета еще далеко, а вот увидит ли он закат? Как ни странно,

⁶⁵ Кадена – мирийский танец, в котором участвуют две пары.

Сандер был спокоен или почти спокоен, хотя пьянящее ожидание первого боя его тоже миновало. Юноша не мог думать о тех, кто жег костры по ту сторону меловых холмов, как о безликом враге, навстречу которому так замечательно лететь на коне с копьём наперевес. Слишком многих он знал, особенно из дружины ре Фло. Они учили его владеть оружием, а ему пришлось обратить это умение против них.

У Рауля около двенадцати тысяч. Двенадцать против двух с половиной это очень, очень много. Они с Сезаром рассмотрели сигны Ле Манси, Батара, Стэнье-Рогге, Ларрэна и самого Рауля... Жоффруа не решился оставить тестя. Братец всегда был трусоват, а для того чтобы от сильного уйти к слабому, требуется известная доля храбрости, а вот Стэнье... Александр представил себе очень любезного темноволосого тонкогубого человека. Рогге всегда на стороне победителей, а сейчас победитель – Король Королей. Три тысячи Жоффруа, три тысячи Ле Манси и Батара, пять тысяч Рогге и тысяча самого ре Фло. Большую часть своей армии Рауль оставил с Агнесой, надо полагать, чтоб помешать наемникам грабить.

Созвездие Волка слегка сдвинулось, уступив место Звездному Вихрю, мерцающей полосе, скрученной, как раковина улитки. Было тихо, измученные переходом люди Александра спали, как убитые, поручив охрану лагеря воинам Шады. Сам граф, устроившийся с комфортом в большой кожаной палатке, приглашал его к себе, но Сандер отчего-то сидел и смотрел на небо. Рядом спал Сезар, даже во сне сохранявший фамильную сдержанность. Братцы Трюэли посапывали по ту сторону костра, и Луи все время отпихивал ногой ворочавшегося Ювера. Этьен Ландей не ложился, глядя то на небо, то в костер и сосредоточенно шевеля губами. Видимо, сочинял стихи очередной прекрасной даме. Гартаж и кузены Кресси ушли играть в кости к коронэлю, которого Одуэн знал с детства, а Никола Герар и Поль Матэй, по своему обыкновению, вполголоса препирались, не забывая при этом приводить в порядок оружие.

Они все были тут, его рыцари, его «волчата». Завтра они впервые пустят в ход зубы, схватившись не с какими-то там «пуделями», а с матерым «медведем». Сандер неплохо знал и военную историю, и историю вообще и не мог не понимать, что в таком бою погибает, самое малое, каждый третий, а значит, у Мелового прохода останутся трое, если не четверо «волчат». Понимать-то он понимал, но не верил этому, потому что еще не был в бою. Потому что с того страшного дня в месяце Вепря, отнявшего у него отца, брата, деда, прошло четырнадцать лет. Нет, Александр Тагэре не забыл никого из них, но время пригасило боль, подернув прошлое осенней матовой дымкой.

После смерти Эдмона и отца он остался один, хотя вокруг было множество людей. Тогда он чуть было не струсил, потому что лишь трус может добровольно расстаться с жизнью просто потому, что она не желает тебе улыбаться... Потом была встреча на Эльтовой скале, перевернувшая ему душу, и в тот же день у него появился Дени. Неужели завтра он скрестит с ним меч?! Нет, вряд ли. Скорее всего, Рауль оставил капитана во Фло, должен же кто-то защищать замок и домочадцев!

– Сандер!

Младший из Тагэре оглянулся. Одуэн Гартаж, и когда только подошел!

– И кто выиграл?

– Не знаю, они никак успокоиться не могут, а удача прыгает туда-сюда, как пьяный заяц... мне надоело.

– А я и вовсе не знаю, что в этой игре находят, – откликнулся Александр. – Пробовал я как-то. Скучно, потому что от тебя ничего не зависит, а надеяться на случай глупо...

– Ага... Зато сейчас мы уж точно на себя надеемся. Сандер, ты знаешь, что с ними Жоффруа?

– Знаю. Он всегда был ослом...

– И все-таки я не понимаю. Мне отец рассказывал и про Эльту, и про то, как и почему они с Кресси ушли от Агнесы. Разве после такого можно с Дыней и Пауком иметь дело? Я не понимаю...

– Я тоже не понимаю. Давай попробуем заснуть.

2885 год от В.И.

Ночь с 20-го на 21-й день месяца Агница.

Мирия. Кер-Эрасти

Никогда еще Даро не была так счастлива, собственно говоря, она была счастлива впервые за свои неполные шестнадцать. А ведь сначала она до смерти испугалась, увидев, какими глазами смотрят на Ренату и Рито мать и Дафна... Даро знала, какими беспощадными они могут быть. Но ничего не случилось. Напротив. Брат и маркиза Ллуэва танцевали под восторженными взглядами тысяч людей. Даро воровато глянула на отца и поразилась, каким красивым и молодым тот стал. А потом все понеслось, как несется под гору сорвавшееся со своей оси колесо. Рито выкрикнул «добле», и отец присоединился к танцующим, а брат... Брат подбежал к ней, схватил за руку и потянул за собой. Даро оглянулась на мать, но та ее не остановила. Она сидела очень прямо, бледная, с поджатыми губами, а рядом тарашилась на четверку танцоров ненавистная Дафна и старательно рассматривал свои сапоги Антонио. Они были вне себя, но молчали, а затем ее закружил пряный цветной вихрь, и она забыла о том, что за ночью приходит утро...

Сначала она сбивалась, путаясь в тяжелых юбках, но недолго. Рито умело вел ее в танце, сильная рука брата, его глаза, торжествующие и смеющиеся одновременно, делали сильной, смелой и счастливой и ее. Танец следовал за танцем, нобили, байланте, рыбаки, крестьяне, лавочники, все они в дни Санданги становятся равны перед весной, жизнью, любовью... Дафна говорила, что этот праздник порожден Антиподом, что единожды согрешившие будут вечно плясать босяком по раскаленным угольям. А даже если и так?! Она согласна! Волшебная ночь закружила дочь герцога, она ничего не боялась, да и что ей может грозить, если с ней Рито?

Без брата девушка бы просто захлебнулась в неведомом ей море радости, но Рафаэль был рядом. Он всегда был рядом, сколько она себя помнит. Дариоло почувствовала острую благодарность к своему защитнику, но не знала, как ему об этом сказать.

– Рито...

– Да, малявка?

– Рито... Так все хорошо...

– А будет еще лучше. Пойдем.

– Куда?

– Куда надо...

Он потащил ее в глубь расцвеченных цветными фонариками улиц, шум и музыка стали тише. Даро в тяжелом, изрядно помявшемся платье едва поспевала за стремительным байланте, но идти тише не просила, боясь спугнуть неистовое очарования праздника. Они остановились перед резной ореховой калиткой в глухой белой стене, Рито потянул шнурок колокольчика. Их ждали, потому что открыли тотчас.

– С кем ты? – грудной женский голос прозвучал обиженно и удивленно.

– Моя сестра. Мы танцевали...

– На площади?

– Да, Паулина, – Рито рассмеялся, – видела бы ты камбалу! Но малявку нужно одеть, в этой капустной жути не попрыгаешь... Подыщи ей чего-нибудь, я заплачу.

– Ничего нет невозможного в ночь Санданги, – их собеседница задорно расхохоталась, – идем, нужно спешить...

Даро никогда и нигде не бывала, кроме герцогского замка, циалянкой обители и нескольких дворцов, в которых жили самые знатные нобили. Обычный городской дом, пусть и богатый, был ей в диковинку, равно как и принесенный Паулиной ворох одежды. Девушка с отчаянно бьющимся сердцем наблюдала, как Рито со знанием дела рылся в груди разно-цветных юбок...

– Вот это подойдет, – удовлетворенно заявил брат, – вот это и это... Одевайся, мы тебя ждем. И расчешись, гребни у зеркала...

Они с Паулиной выскочили, взявшись за руки. Даро с некоторой робостью тронула пышную розовую юбку, собранную у талии на алую ленту, алый корсаж и белую блузку с низким вырезом и разрезанными от локтей рукавами... Святая Циала, что скажет мать! Хотя она наверняка уже в замке и не увидит... И вообще ей так или иначе достанется и за танец, и за бегство, так что хуже не будет. Даро решительно освободилась от некогда белого, а сейчас пятнистого платья с оборванным подолом и облачилась в одежду Паулины. Юбка едва достигала середины икры, а ленту в талии пришлось немного распустить, но вообще-то получилось неплохо. Из зеркальных глубин на нее глянула незнакомая девушка с полуобнаженной грудью и гривой иссиня-черных волос. Неужели это она? Неужели она так хороша собой? Но Рито велел не задерживаться.

Дариола выбежала в залитый луной сад, ночной воздух остудил разгоряченное лицо, в траве метнулось что-то белое, похожее на кролика... Отчего-то стало страшно. Что делает она в чужом доме, ночью, куда ее привели?! Даро бросилась бежать по тропинке и буквально налетела на Рито и Паулину, обнимавших друг друга. Святая Циала, какими же они были красивыми!

Брат решительно отстранил от себя подругу. Та сначала выглядела не слишком довольной, но потом рассмеялась.

– Рито, какое счастье, что она тебе всего-навсего сестра...

– Ну, не скажи... Эх, вот бы мне найти такую же, но с золотыми волосами!

– С золотыми?!

– Именно... Ладно, не злись... Дарита, а что это у тебя на шее ничего нет? Паола, а ну делись! И браслет давай, я тебе новый подарю...

Паулина сама защелкнула на шее Даро короткое ожерелье, и они втроем побежали к морю. Там уже пылал длинный и узкий костер... Дафна ненавидела этот обычай, но мирийцы, несмотря на ее вопли, продолжали в первую ночь Санданги прыгать через огонь, уверяя, что этим на целый год отгоняют от себя злые силы. Если Дафна узнает...

Высокий, мощный человек, в котором Даро с удивлением узнала маркиза Сэду, подхватил смеющуюся толстушку, оказавшуюся дочерью графа Робле, и рука об руку с ней перелетел через огненную полосу. На той стороне ему протянули кувшин, и маркиз высоко поднял его над головой, умело ловя губами винную струю. Несколько смеющихся парней, одетых так же, как Рито, бросили в костер кипарисовые ветви, отвращающие смертных теток⁶⁶, и розмарин, и ветки жасмина, дарующие верность и удачу в любви.

– Ну что, девушки? Прыгаем? – засмеялся Рито, обнимая сестру и Паулину за плечи. Они разбежались, Даро показалось, что огонь взметнулся чуть ли не до небес. Нет, ей не перепрыгнуть, она же не байланте... Стена пламени была совсем рядом. Прямо из-под ног метнулось какое-то животное. Крыса! Даро в ужасе дернулась, и Рито вряд ли бы смог ее удержать, но неожиданно чья-то сильная рука буквально подбросила девушку, и та благополучно приземлилась на той стороне.

⁶⁶ Мирийское поверье. Смерть ходит в сопровождении шестерых теток, которые всячески вредят людям, вызывая в них нежелание жить.

Помогший ей седой нобиль с юными светлыми глазами улыбнулся весело и открыто и передал им с Рито взявшийся словно из воздуха кувшин. Даро неумело поймала губами терпкое прохладное вино, изгнавшее из сердца последние остатки страха. На нее смотрели сотни глаз, мужских – с восхищением, женских – с завистью, но после мертвого взгляда Дафны ревнивые взгляды молодых красоток не пугали, а, наоборот, придавали уверенности... Даро улыбнулась угостившему ее нобилю, затем парням, прыгавшим раньше их, и те немедленно подошли.

– Рито, ты первый байланте Мирии, а твоя сестра ее первая красавица!

– Кто бы спорил, – засмеялся Рафаэль, – впрочем, сегодня все женщины – красавицы, а завтра все мужчины – байланте.

Даро, продолжая улыбаться, слушала их разговор, глядя сквозь огонь на ту сторону, которая вдруг стала казаться другим берегом. Там сустились, готовясь к прыжкам люди, бегала небольшая белая собака, которую она чуть было не приняла за крысу, трясли колокольчиками мулы виноторговцев... А затем появились отец и Рената, красивые и счастливые. Рафаэль засмеялся и замахал им руками. Рено посмотрела на костер и покачала головой, указывая на свои юбки. Отец что-то ей сказал, она засмеялась и принялась обмахиваться веером, а герцог, шутливо погрозив ей пальцем, разбежался и легко перепрыгнул через костер. Маркиза сложила веер и решила последовать его примеру, но в конец одуревшая собачонка кинулась ей под ноги. Рената махнула рукой и, обойдя огонь, присоединилась к ним. Теперь они были вместе. Великий герцог Мирии, его возлюбленная и его дети. Звенели гитары, пахло вином, цветами и морем, за их спинами смеялись волны, луна зашла, а над светлеющим горизонтом ярко сияла голубая звезда Амора...

2885 год от В.И.

21-й день месяца Агнца.

Меловой проход

То, что называлось Меловым проходом, на самом деле было тремя отдельными широкими тропами, разделенными невысокими, но крутыми холмами, возвышавшимися среди заболоченной низины, золотисто-бурой от прошлогоднего камыша. Дальше, влево и вправо, тянулась череда меловых холмов, похожая на обращенный в сторону моря серп. Весна выдалась сухой и теплой, да и зима была малоснежной, земля хорошо просохла, и расстояние между болотцами было куда шире, чем хотелось бы Александру.

Защищать придется довольно-таки большое пространство, рассчитывая лишь на свои руки и мечи. Впрочем, на их стороне неожиданность. Противник, несомненно, пойдет по среднему, самому широкому проходу, и его передовые части можно смять неожиданной кавалерийской атакой. Разумеется, потом придется спешиться и перебросить часть людей налево и направо, но удивить и смутить врага в начале боя – значит сделать шаг к победе. Александр Эстре ни разу не был в настоящем бою, но он немало читал про битвы прошлого, а после совещания в палатке Филиппа в нем словно бы что-то проснулось. Он мучительно перебирал варианты, пока не наткнулся на единственный. Откуда приходило знание, что нужно поступать именно так, было непонятно даже ему, но Сандер ЗНАЛ, что прав. Наверное, эта неизвестно откуда взявшаяся уверенность в своей правоте и заставила того же Шаду беспрекословно согласиться с предложенным юношей планом. Граф кивнул большой головой и поехал к своим, а Сандер вернулся к «волчатам». Они казались притихшими, даже Луи Трюэль. Александр Тагэре окинул взглядом дорогие доспехи, султаны из разноцветных перьев, гербы лучших домов Арции и одинаковые темно-синие туники с серебряным волчком... Дети и младшие братья тех, кто стоял на Бетокском поле, и он перед ними с предназначавшимся отцу мечом у пояса. Александр понимал, что должен что-то сказать, но что?

Он поймал темно-синий взгляд Сезара, заметил напряженную улыбку на лице Поля и сведенные брови Никола. Да, нужно что-то сказать, но имеет ли он на это право? Имеет! И по крови, и по тому, что они пришли сюда за ним и смотрят на него в явном ожидании. Сандер тряхнул темными волосами, отгоняя последние сомнения, и поднял руку.

– Друзья, – он улыбнулся, – странно, что я так называю вас только сейчас. К несчастью, лучшие слова лгуны и болтуны так затаскали, что произнести их, не стесняясь, можно только спяну или перед боем... Не знаю, все ли мы будем вечером живы, и хочу, чтобы вы знали, как мне нужна ваша дружба и как я вам за нее благодарен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.